

НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЕ
ЧТЕНИЯ



2019-2020



БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ
ВОСКРЕСЕНСКОГО
НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО
СТАВРОПИГИАЛЬНОГО МУЖСКОГО
МОНАСТЫРЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ



ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК



РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСКРЕСЕНСКИЙ НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЙ
СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ВОСКРЕСЕНСКОГО
НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО
СТАВРОПИГИАЛЬНОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЕ
ЧТЕНИЯ
2019–2020**

Москва – Новый Иерусалим

2021

УДК 94 + 902/904 + 27

ББК 63.3 + 63.4 + 86

DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-351-0

Утверждено к печати

Ученым советом Института археологии РАН

Редакционный совет:

Архимандрит Феофилакт (Безукладников), Е.Е. Селютина

Ответственные редакторы: Л.А. Беляев, С.И. Баранова

Рецензенты:

В.А. Колотаев, доктор филологических наук

В.А. Буров, кандидат исторических наук

Ново-Иерусалимские чтения 2019–2020 /

отв. ред.: Л.А. Беляев, С.И. Баранова. – М.: РА «Премиум»,
2021. – 238 с., ил.

Сборник научных статей составлен по материалам двух международных конференций, которые Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь провел в 2019 и 2020 годах.

Включает работы историков различных специальностей, филологов, сотрудников музеев. Предназначен для всех изучающих историю и духовную жизнь России начала Нового времени, ее искусство, международные культурные контакты.

© Воскресенский Ново-Иерусалимский ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви, 2021

© Благотворительный фонд по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского ставропигиального мужского монастыря Русской Православной Церкви, 2021

© Институт археологии Российской академии наук, 2021

© Российский государственный гуманитарный университет, 2021

© Коллектив авторов. Тексты, составление, 2021

© РА «Премиум». Дизайн, верстка, 2021

Содержание

8 Введение

I. К юбилею архимандрита Леонида (Кавелина)

- Л.А. Беляев*
13 Труженик двух Иерусалимов: архимандрит Леонид (Кавелин) в 1850–1880-х годах
Belyaev L.A.
The hard worker of two Jerusalem: Archimandrite Leonid (Kavelin) in the 1850s–1880s

- Иерей Иоанн Кудласевич*
32 Жизнь и деятельность архимандрита Леонида (Кавелина) в ракурсе историографической традиции
Ioann N. Kudlasevich
The life and activities of Archimandrite Leonid (Kavelin) from the perspective of the historiographical tradition

II. Западное православие и Новый Иерусалим

- В.М. Рычка*
49 Киевские горы как *locum sacrum* богохранимого града – Нового Иерусалима
Rychka V.M.
Kyiv mountains as the *locum sacrum* of the blasphemed city – New Jerusalem
- И.В. Герасимова*
55 Певческая культура Киевской митрополии в литургической практике Ново-Иерусалимского монастыря 2-й половины XVII века
Gerasimova I.V.
Kiev's Metropolis singing culture in New-Jerusalem monastery's liturgical practice of the 2nd part of the 17th century

III. Памятники письменности

- Е.И. Титовец*
77 Каталог кириллических книг как источник изучения духовной культуры
Titovets E.I.
Catalog of Cyrillic books as a source for studying spiritual culture
- Т.А. Опарина*
88 Патриарх Никон и конфискованные книги «литовской печати»
Oparina T.A.
Patriarch Nikon and the confiscated books of “Lithuanian publishing houses”
- Г.В. Киреева*
101 Списки произведений Димитрия Ростовского в фонде Национальной библиотеки Беларуси
Kireeva G.V.
Lists of works by Dimitry Rostovsky in the collection of the National library of Belarus
- С.К. Севастьянова*
112 Развитие идей Патриарха Никона о духовном образе Русского государства, русской народности и Православной Церкви в новонайденном сочинении о нем
Sevastyanova S.K.
Development of Patriarch Nikon’s ideas about the spiritual image of the Russian state, Russian nationality and the Orthodox Church in a newly found writing about him
- С.К. Севастьянова*
125 Патриарх Никон и М.М. Сперанский: неизвестная статья неустановленного автора XIX в.
Sevastyanova S.K.
Patriarch Nikon and M.M. Speransky: unknown article by an unidentified author of the 19th century

IV. Музеи, предметы, сохранение древностей

- Н.А. Астафьева*
146 Надгробный покров преподобного Елеазара Анзерского. К вопросу об атрибуции
Astafyeva N.A.
Face gravestone cover of Eleazar of Anzer.
To the subject of attribution
- В.В. Горшкова*
161 Проект «Обретение» Ярославского художественного музея
Gorshkova V.V.
“Acquisition”. The project of Yaroslavl Art museum
- М.А. Полякова*
174 «Хорошее понимание и разумная оценка остатков старины»: Московское археологическое общество и духовенство
Polyakova M.A.
«Good comprehension and rational appreciation of the remains of antiquity»: the Moscow Archaeological Society and clergy
- Л.М. Черненилова*
186 Экспозиция «Особая кладовая» в МВК «Новый Иерусалим». Открытия в процессе создания
Chernenilova L.M.
Exhibition “Treasury” in MEC “New Jerusalem”.
Discoveries in the course of creation
- 199** Список сокращений
- 200** Авторы / Authors
- 204** Иллюстрации

Введение

Несмотря на то что выпуск издания обозначен как первый, за ним стоит долгая традиция. Не только местная, но и та общая, что заложена русскими православными монастырями как центрами формирования духовной жизни страны еще в Средние века. Ученому хочется разделить их труд построения отечественной культуры на несколько полей. Но в реальной жизни это не были отдельные участки, скорее – единый поток, где лишь условно (и то не всегда) различимы составившие его реки и ручьи. Среди них – богослужение как обряд и творение внутренней, умной молитвы; иконопись и церковное пение; зодчество и украшение церковных сосудов. А также, конечно, книжность во всех ее проявлениях, от проповеди и других церковно-учительных форм до исторических и протонаучных сочинений, таких как лечебники, травники, бестиарии, описания хождений... Монастыри были первыми серьезными школами и, как и в других христианских странах, породили ранние формы общего образования, развившиеся в университеты. В России таковыми можно назвать Новгородскую академию братьев Лихудов и Андреевский монастырь (а в Англии, для сравнения, тот же Оксфорд и его Тринити-колледж). Многие западно-христианские монашеские ордена (например, картезианский) видели среди главных обязанностей инока сосредоточенное размышление и ученое делание; в известной степени это характерно и православной мысли (исихазм и близкие ему течения).

Можно уверенно сказать, что, при всех различиях, монастыри, став центрами духовной жизни и сосредоточением знаний, обеспечили передачу традиций на протяжении многих столетий, в конце концов сделав возможным возрождение светского гуманитарного знания и искусства, существенно подорванного после крушения классической цивилизации в Европе, Средиземноморье и на Востоке.

Одним из монастырей, сделавших решительные шаги к этому переходу, стал Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, изначально задуманный Патриархом Никоном как всемирный центр православия и точка сосредоточения духовных усилий всех народов Земли. Пусть не в такой вселенской форме, но его предназначения исполнялись – монастырь имел свои особенности в литургическом действии и церковном песнопении, в нем развивались новые формы церковной литературы (в том числе эпиграфика), составлялась библиотека, собирались святые (в середине XIX в., как известно, был образован один из первых церковных музеев). Во главе монастыря стояло много просвещенных архиереев, в числе которых прямые ученики Патриарха Никона и его отдаленные преемники, такие как Никон (Зертис-Каменский), Леонид (Кавелин), Амфилохий (Казанский-Сергиевский).

Даже в середине XX в., в разоренном состоянии, монастырь сохранил духовную притягательность, дав начало одному из крупнейших музеев страны, который с известной поправкой можно было считать новым духовным и даже, отчасти, церковным центром – ведь он хранил сокровища монастырской ризницы, а после Великой Отечественной войны – громаду разрушенного собора, который стал одним из важных символов страданий и мужества народа, его потребности и готовности отстаивать духовное первенство, выразившихся в борьбе за восстановление священных руин. Вокруг музейного и архитектурного дела сплотились и члены восстановленной общины, и представители художественной, реставрационной, историко-литературной среды России.

Новым шагом к осуществлению идеи возрождения Воскресенского монастыря как центра национального духовного развития стало создание специального Фонда, который осуществил задачу воссоздания истинного монумента единству русской и мировой культуры в практическом пространстве строительства и совершенствования материальных памятников и задачу создания опоры для творческой духовно-созидательной работы. После реставрации были созданы новые экспозиции в обновленных залах музея середины XIX в. и в других, только что отреставрированных, помещениях. Ежегодно проводятся концерты и фестивали церковной и духовной музыки, сделаны шаги к восстановлению изначальных форм пения, созданы новые и отреставрированы древние иконы...

В годы восстановления обители (а их можно считать с момента возвращения ее Церкви) духовный мир монастыря наполняли конференции и научные дискуссии, которые продвинули разработку исторических, филологических и философских сюжетов, связанных с деятельностью Патриарха Никона и его главным свершением – Воскресенским монастырем. Проводились специальные научные форумы, «Никоновские чтения», по результатам которых издавались фундаментальные тома, наполненные новыми материалами и смелыми гипотезами. Реставрацию сопровождали исключительно широкие и результативные археологические исследования (Институт археологии РАН), открывшие множество новых страниц в истории Нового Иерусалима. Сведения об этих работах и порожденные ими культурно-исторические дискурсы заняли одно из центральных мест в русской научной литературе современности. Не менее яркими событиями в изучении истории художественной культуры XVII–XVIII вв. и в музееведении стали конференции, проводившиеся в стенах монастыря с 2000 по 2019 г., одна из которых, «Керамические строительные материалы в России: технология и искусство позднего Средневековья», стала ежегодной и получила собственное издание тематических докладов. Это диктовалось

глубокой заинтересованностью всех работавших на благо монастыря в его архитектурном возрождении и обновлении.

Однако очевидно, что формируемые «от случая к случаю» направления работы рискуют остаться эпизодами в общей духовной работе монастыря. Им нужно придать системность, направить к исполнению высокой миссии духовно-культурного центра страны. Именно эта цель была заложена в основу проведения нового цикла конференций, названных «Ново-Иерусалимские чтения», организаторами которых выступили Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, Благотворительный фонд по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, Институт археологии Российской академии наук, Российский государственный гуманитарный университет. Сборник материалов конференций и образовал представляемый том, открывающий, надеемся, линию нового неперiodического издания, в котором соединятся усилия и умения светских и церковных ученых.

В составе сборника предполагается публиковать не только статьи, но и архивные и иные материалы. Направление этих статей, на данном примере, оказывается самым широким, но все они связаны одним стремлением – подробнее изучить, глубже понять и шире распространить знание о прошлом Нового Иерусалима, тем самым прокладывая путь его духовному будущему.

Наместник Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря архимандрит Феофилакт (Безукладников)

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН Л.А. Беляев

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФИИ РГГУ С.И. Баранова

Исполнительный директор Благотворительного фонда по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Е.Е. Селютина

К юбилею
архимандрита
Леонида (Кавелина)

Л.А. Беляев

Труженик двух Иерусалимов: архимандрит Леонид (Кавелин) в 1850–1880-х годах

Аннотация: Краткий обзор деятельности архимандрита Леонида (Кавелина) во главе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и в качестве игумена Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря на р. Истре. Дается оценка его трудам как ученого-историка и публикатора письменных источников, обратившего особое внимание на ряд объектов археологии древнего Иерусалима и ставшего автором прекрасного описания города, полного метких церковных и этнографических наблюдений. Подчеркивается исключительное внимание о. Леонида к архивным документам, связанным с местами его служения (Оптина пустынь, Святая Земля, Афон, Новый Иерусалим, Троице-Сергиева лавра), и его деятельность как их комментатора и публикатора.

Ключевые слова: Россия в Святой Земле, церковная археология, святые места, Православная Церковь и наука.

Belyaev L.A.

The hard worker of two Jerusalem: Archimandrite Leonid (Kavelin) in the 1850s–1880s

Abstract: A brief overview of the deeds of Archimandrite Leonid (Kavelin) at the head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem and as hegumen of the Resurrection New Jerusalem Monastery on the Istra River. The author evaluates the works of Fr. Leonid as a scholar-historian and publisher of primary sources, who paid special attention to a number of objects of

the archeology of ancient Jerusalem and became the author of an excellent description of the city, full of accurate ecclesiastical and ethnographic observations. The author emphasizes only the attention of Fr. Leonid to archival documents related to the places of his ministry (Optina Hermitage, the Holy Land, Mount Athos, New Jerusalem, the Trinity-Sergius Lavra) and his activities as their commentator and publisher.

Keywords: Russia in the Holy Land, church archeology, Holy places, the Orthodox Church and science.

Публикуя первый том ежегодника, посвященного необычному «проекту» русской культуры, Новому Иерусалиму, нельзя не обратиться к личности его первооткрывателя для науки, отца Леонида (Кавелина)¹. Его трудами внесен значительный вклад в познание древнего Иерусалима, заложены основы изучения Нового Иерусалима – Воскресенского монастыря. Они сыграли решающую роль в осознании важности связи между этими святынями, острой необходимости их сопоставления и параллельного изучения.

В основе свершений отца Леонида мы видим ряд фактов личной биографии, на первый взгляд – случайных. На самом деле они соединены в исключительно прочную цепь взаимозависимых событий, в итоге обогативших русскую науку и культуру. Им описано множество местностей и сюжетов, опубликованы многие тексты, заложена широкая и надежная основа для изучения христианских памятников Святой Земли.

Внешнюю канву жизни и трудов архимандрита Леонида вчерне обрисовали историки, а ряд его собственных сочинений, и в том числе историко-архивные изыскания, многочисленны и широко известны (хотя далеко не все оценены по достоинству).

С его наследием постоянно встречаешься то на той, то на другой почве – автор статьи испытал это на собственном опыте (о чем будет сказано в конце статьи). Но остаются бе-

¹ Статья написана в рамках гранта РФФИ № 18-09-40075 «Русская археология в Святой Земле: история исследований, современное состояние и дальнейшее развитие».

лые пятна: подлинно важные труды и события были заслонены, заглушены злобой дня, которую доносят до нас обильные документальные источники второй половины XIX века. Почему это происходит, станет ясно из дальнейшего изложения.

Архимандрит Леонид (Лев Александрович Кавелин)² принадлежал по праву рождения к иному кругу, чем большинство русских ученых-священнослужителей. Он не прошел традиционной семинарской и духовно-академической школы и не ел бурсацкой каши, подобно архимандриту Антонину (Капустину). Не было его образование и университетским (как у двоюродного брата, известного ученого). Молодой Кавелин по типу воспитания и намеченному жизненному пути (первую часть которого он успешно прошел, еще не достигнув и тридцатилетия) стоит в довольно длинном ряду русских офицеров, не полностью нашедших себя в воинской службе и оставивших ее, стремясь реализовать в «свободных искусствах». Это было особенно свойственно концу XVIII – началу XIX века, времени, когда большинство молодых русских дворян во взрослую жизнь не просто входили, а как бы маршировали или верхом въезжали, и лишь позднее осознавали склонность к иному служению. До поры офицеры русской армии успешно сочетают перо и саблю (в конце концов, это стало своего рода модой). Другие уходили со службы и добивались широкого признания (художники Павел Федотов и Федор Толстой; литераторы Михаил Лермонтов и Лев Толстой). Часто они проходили обе эти дороги и, хотя не были столь знамениты, достигали определенной известности.

Среди последних был и Лев Александрович Кавелин, сын офицера и двоюродной сестры адмирала П.С. Нахимова. Он успешно прослужил в лейб-гвардии 12 лет, пройдя до этого обучение в Московском кадетском корпусе. Правда, в семье была и другая традиция. Двоюродный брат Леонида, Константин Дмитриевич, убежденный западник, оставил даже и гражданскую службу, чтобы стать ученым.

² Даты жизни: 20 февраля/4 марта 1822 г. (село Спас-Волженское, Вяземский уезд Смоленской губернии) – 22 октября/3 ноября 1891 г. (Троице-Сергиева лавра).

Еще на службе Лев Кавелин отдал дань литературным занятиям, сотрудничая в журналах: составлял очерки; переводил; редактировал; печатал стихи (очень благонамеренные, но довольно слабые). Но уже вышедший в 1847 году очерк об Оптиной пустыни, позже превращенный в книгу, стал важным вкладом в русскую духовную и паломническую литературу и выдержал к 1885 году четыре издания.

Итак, он писал с молодости, с офицерских эполет, начав со стихов и прозы, то есть с авторских текстов. Но быстро убедился в том, что художественный слог – не вполне его стихия, и перешел к научной и духовной работе. Но писал он удивительно много (даже для молодого офицера) и оставил нам огромное, совершенно не освоенное еще наследие (общее количество трудов подсчитано лишь приблизительно, лишь частью мы постоянно пользуемся).

Духовная стезя явственно звала молодого еще офицера, и в 1852 году, выйдя в отставку, Кавелин стал послушником Оптиной пустыни. С ней он был тесно связан с детства и нашел там глубоких духовных руководителей и коллег на ниве просвещения. После пяти лет послушничества Лев принял обеты с именем Леонида. Перед ним открывалось важное и ясное поприще духовного писателя. Но молодого монаха ожидал неожиданный поворот судьбы: у России возникла необходимость возобновить в Иерусалиме Русскую Духовную Миссию (РДМ), составленную там в 1847 году, но прекратившую деятельность во время Крымской войны. В нее и был назначен отец Леонид, поставленный при этом во иеромонаха.

Идеолог и активнейший деятель Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) В.Н. Хитрово рисует организацию Миссии в конце 1857 – первой половине 1858 года следующим образом. Начальником был утвержден молодой ученый, инспектор Петербургской духовной академии, епископ Кирилл (также в прошлом калужанин).

Задачи для Миссии государство ставило прежде всего внешнеполитические. Требовалось поддержать движение паломников из России, число которых быстро возрастало, в чем и видели одну из задач политики на Востоке. Их транспортировка была уже налажена, но духовная поддержка и устройство быта требовали больших усилий. Среди главных задач оказалось устройство на Святой Земле независимого пристанища и достижение независимого (в первую очередь, от Греческой патриархии) положения. Для этого следовало, в числе прочего, получить землю и построить собственную инфраструктуру, включая приюты, столовые, больницы, жилье для постоянно живущих там членов Миссии и другие здания. К этому стремились и предшественники (первый начальник Миссии архимандрит Порфирий (Успенский)), и современники (прежде всего Б.П. Мансуров, представлявший Русское общество пароходства и торговли).

Для поддержки РДМ и ИППО в Иерусалим был впервые назначен консул (В.И. Дорогобужин, которого скоро сменил К.А. Соколов, а затем совсем молодой, 25-ти лет, А.Н. Карцев). Руководители консульства и РДМ с их малочисленным штатом были подчинены министерствам и ведомствам, которые не только не находили общего языка, но прямо соперничали друг с другом, доходя подчас до вражды и опускаясь до доносов. Этим умело пользовалась Греческая патриархия, не заинтересованная в утверждении России на Святой Земле. Ситуацию осложняли традиционно запутанные и полные интриг взаимоотношения всех христианских конфессий и общая настороженность турецких властей.

Все это объясняет сложности, с которыми столкнулась Миссия в Иерусалиме в годы начальствования епископа Кирилла. Началось с того, что о. Леонид не принял устанавливавшихся порядков: ему претило разрешение монахам употреблять, по примеру греков, мясную пищу; он не был согласен с Кириллом в том, что начальнику следует быть единственным духовником Миссии, да и другие местные установления. В результате о. Леонид не ужился в Миссии и, пробыв там чуть

более года (1 февраля 1858 – 20 мая 1859), был возвращен в Россию³. Здесь он вновь, почти на 5 лет, вошел в братство Оптиной пустыни.

Тем временем епископа Кирилла тоже отозвали (1863) и во главе Миссии был поставлен отец Леонид. 29 ноября 1863 года он был назначен начальником Миссии, и в 1864 году прибыл в Иерусалим, где почти немедленно столкнулся с бурей, возбужденной всем предшествующим периодом. Кто мог ужитья в этом подлинно змеином гнезде? Во всяком случае, не бывший офицер, открытый и прямодушный, истовый ученый, глубоко верующий священнослужитель, обладавший к тому же «беспокойно-настойчивым характером» (выражение В.Н. Хитрово).

Хитрово писал о нем: «Домашняя религиозная жизнь, военная дисциплина и аскетическая школа Оптиной пустыни выработали характер о. Леонида, который затем остался неизменным в остальную его жизнь... Истинный монах, в своих религиозных и житейских убеждениях он не допускал никаких уступок, а тем более компромиссов. Такая целостность характера не могла не выражаться [в резких относительно суждениях о слабостях других людей, резкости выражений иной раз] в форме, которую не все прощали о. Леониду ради других прекрасных и высоких качеств его ума и сердца» [Хитрово, 1885, с. 997].

С самого начала многие, и прежде всего Греческая патриархия, были предубеждены против него. Да и сотрудников себе он выбрал на редкость неудачных, мы сегодня сказали бы – склочных. Они вели активнейшие интриги, опираясь и на русского консула, и на Греческую патриархию, и на непонимание ситуации в правящих кругах России.

Отец Леонид же делал дело бесхитростно, страстно, можно сказать – жестко. В Святом Граде с людьми часто происходили болезненные метаморфозы, вплоть до раздвоения лич-

³ О ситуации в РДМ в период управления отца Леонида и передачи дел архимандриту Антонию см.: [Вах, 2011], а также: [Иоанн Кудласевич, 2021].

ности. С отцом Леонидом это случилось в очень резкой форме: воспрял офицер и дворянин, который кричал на подчиненных, выказывал презрение к греческому духовенству, ставил на место консула. Это ощущалось уже в 1858–1859 годах, а в должности начальника Миссии просто овладело архимандритом (недаром о. Антонин напишет, что в иерусалимском скандале виноваты все).

Вскоре противодействие членов собственной Миссии ее начальнику вышло за грань доносов и достигло открытого неповиновения. Ими была похищена секретная переписка, которая стала известна греческому патриарху. В недрах озлобленной, ожесточенной переписки бушевал настоящий дипломатический скандал, едва-едва удалось его скрыть. Архимандриту Леониду приписали, конечно, открытую враждебность в отношении Греческой Православной Церкви; непонимание задач русского духовенства на Востоке; властолюбие; крайнее корыстолюбие; едва не умственное расстройство.

Выход был найден в щадившем достоинство о. Леонида (и Миссии) переводе его в Константинополь, на место священника посольской церкви (1865). Оттуда на его место назначался архимандрит Антонин (Капустин), которому предстояло стать ключевой фигурой в создании Русской Палестины.

Отметим, однако, что за относительно недолгое начальствование о. Леонида произошел ряд важных для русского дела в Палестине событий. Прежде всего, Миссия переехала в первые собственные Русские Постройки (оставив, наконец, традиционно занимаемый православными миссиями греческий Архангельский монастырь в Старом городе) и освятила там же свой православный храм. Это событие было, конечно, подготовлено трудной, долгой работой предшественников.

Но к собственным, неоспоримым и неотчуждаемым, заслугам архимандрита следует отнести изучение Иерусалима – его священной топографии, архитектуры, исторической литургики, паломнической жизни, церковных

интриг и других обстоятельств развития великого города в конце османского периода. Правда, в задачи Духовной Миссии научные исследования не входили никогда. А если и подразумевались, то оставались на самой периферии или были личной инициативой, «коньком» ее начальников. Одним из самых истовых исследователей Иерусалима и русской паломнической традиции и стал отец Леонид. Он писал очерки о почитаемых локусах, тратил много времени на осмотры местностей, комментировал хождения паломников.

Хотя пробыв он на Святой Земле сравнительно недолго, плодом его двух путешествий стала книга очерков, изданная в 1873 году. Она выгодно отличалась и от традиционного «хождения», и от распространявшегося тогда жанра «путевых записей» все более многочисленных европейских путешественников, и от первых критико-аналитических трудов по евангельской и библейской топографии. В ее основу легли не привычные схемы, усвоенные авторами от ранних христианских паломников (а в еще большей степени – от «Хранителей Святой Земли», францисканцев). И не «журнал» (ежедневник) кого-то из западных беллетристов. Труд отца Леонида наполнили его собственные наблюдения, сделанные на месте⁴. Очень помогло то, что его проводником Кавелина по святым местам Иерусалима во время первой Миссии был игумен монастыря св. Саввы отец Иоасаф, блестящий и тонкий знаток местности и связанных с нею преданий.

Второй опорой для книги очерков (во всяком случае, для ее первой части) стало изучение Хождения игумена Даниила начала XII века, которым архимандрит очень ув-

4 Заметки отца Леонида о Святой Земле («Вифлеем», «Пустыня Святого града», «Поездка в Назарет, на Тивериадское озеро и Фавор», «Хеврон», «Заметки о экономических условиях жизни в Иерусалиме» выходили в журнале «Душеполезное чтение» в 1870–1873 гг. и, дополненные, вошли в книгу: «Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника А. Л-а». М., 1873 (единственный пока репринт: *Леонид (Кавелин)*, архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М.: Индрик, 2008). Сам архимандрит не называл свою книгу путеводителем, и в целом она, как и многие другие книги русских писателей, может рассматриваться в широком спектре жанров.

лекся. В те годы замечательное Хождение, пожалуй, лучшее из известных для Средних веков, можно было считать недавним открытием: его издали всего пару десятилетий назад [Сахаров, 1837]. Необходимо было готовить новую научную комментированную публикацию. И в этой работе роль о. Леонида во многом стала решающей. Как доказано недавними исследованиями, отец Леонид подготовил самостоятельно первый полный перевод древнерусского текста – пожалуй, лучший из имеющихся. Он до сих пор остается не опубликованным (хотя издание уже готовится под редакцией К.А. Ваха).

Работа над текстом игумена Даниила и, фактически, над первой частью будущей книги шла в Оптиной пустыни в 1859–1864 годах, то есть в годы между двумя поездками. Именно тогда у архимандрита Леонида нашлось время во всем разобраться всерьез, с не угасшим еще интересом и с опорой на устную традицию обратиться к материалу. Приводя «палестинские заметки» в порядок, отец Леонид одновременно осмысливал Хождение своего далекого предшественника, так что сведения из текста XII века подкреплялись собственными наблюдениями, сплетались с ними. Не мудрено, что в первой части опубликованного значительно позже (1873) труда о. Леонида об Иерусалиме мелькают отсылки и указания на неизданный перевод Хождения. Во второй половине книги они пропадают – «Даниил» уже отложен в сторону, текст стал суше и безразличнее. У начальника Миссии не оказалось досуга на продолжение исследований в Иерусалиме, а по возвращении в Россию уже не было и желания вспоминать так дорого стоившее ему руководство.

Но недавно открылась и еще одна важная психологическая причина. Завершив одну из работ по евангельской истории Иерусалима, отец Леонид послал ее А.С. Норову для дружеской критики. Работа была горячо одобрена известным уже знатоком Святой Земли, который согласился с доводами Кавелина и готов был принять их в случае еще одного издания

своей книги, а пока постарался помочь с публикацией статьи. Такова официальная версия.

Но исследование показывает, что Норов, первый издатель перевода Хождения ([Путешествие игум. Даниила по Св. земле в нач. XII в., 1864]; более поздние публикации см.: [Веневитинов, 1881; Житье и Хождение Данила, Русьскыя земли игумена: 1106–1108 гг., 1883; Хождение игумена Даниила, 1997]), привлекал о. Леонида к своей работе уже в ходе его подготовки и просил сделать для книги ряд комментариев. Кавелин не только не преминул это сделать, но и предоставил в распоряжение Норова неопубликованный перевод. Последний, однако, об этой помощи не упомянул⁵.

У Кавелина, безусловно, возникло чувство справедливой обиды, которая сказалась позже, уже после смерти Норова, при работе над книгой об Иерусалиме – ее очерки писались после второго возвращения, в Новом Иерусалиме на р. Истре. В ее второй половине уже нет энтузиазма – и нет переключек с игуменом Даниилом. Автор отказывается от своих стремлений внести научный вклад в изучение палестинских древностей, но при этом заканчивает заказанную ему книгу вполне добросовестно. Она оказывается весьма важной в практическом смысле, как реальный путеводитель. А для нас ценна как превосходный этно-исторический источник, сохранивший живую картину происходившего в те годы на Святой Земле и представлений о ней.

Из Иерусалима о. Леонид отправится в Стамбул, где будет священником посольской церкви (1865–1869), оттуда получит назначение в Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь (1869–1877), и наконец – в Троице-Сергиеву лавру. Но куда бы ни приезжал о. Леонид, он прилагает все усилия к тому, чтобы поставить знания о церковной и вообще исторической жизни на прочную основу. В науку вводятся старые описи, готовят-

⁵ Федорова И.В. «Исследования и объяснения Даниилова “Паломника” Оптиной пустыни иеромонаха Леонида»: неизвестные страницы изучения «Хождения» игумена Даниила // Текст и традиция. Альманах. Т. 3. СПб.; Росток, 2015. С. 309–358. Благодарю К.А. Ваха за указание на эту работу и сюжет в целом.

ся историко-статистические очерки (излюбленный жанр настоятелей храмов и монастырей в XIX в.) и, как сказали бы сейчас, формируются информационные базы некрополей. К этому добавляется еще одна форма труда, которую в то время еще нельзя назвать привычной; архимандрит Леонид создает первый церковный музей, где собирает реликвии основателя Ново-Иерусалимского монастыря Патриарха Никона.

Да, у начальника Миссии уже не было времени на беллетристику, не то что у офицера или послушника, и труды архимандрита по возвращении из второй поездки в Палестину заметно меняются. Но неизменным остается объем работы, а ее научный уровень растет. В трудах о Леониде все больше суровой прозы – архивных данных, перечней, инвентарей, описей, документов, писем. Да и многое из им самим написанного сегодня воспринимается как документальный источник, а не как художественное произведение. Это касается и паломнической литературы: как во всей работе архимандрита, здесь чувствуется фундаментальный подход – почти забыто, что уже в Новом Иерусалиме он собирает и издает прекрасный свод текстов поздних (XVIII–XIX вв.) русских паломников, которые были для него важным подспорьем при составлении очерков [Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим, 1874, с. 27], и пару десятков других работ по Святой Земле.

В России его бесчисленные труды становятся основой локальной истории многих местностей России, без них не обойтись и сегодня. Так что с архимандритом Леонидом встречаешься везде, где пытаешься изучать следы жизни русских, и вообще православных людей. Это действительно целое море для исследователя – архивы архимандрита обширны и в основном не опубликованы. Полный список его сочинений до сих пор так никому и не удалось собрать⁶. У его исследователей многое еще впереди. Чтобы доказать это, приведем

6 Хорошо составленный путеводитель по трудам отца Леонида дан в очерке А. Никольского «Леонид (Кавелин)» [Никольский, 1896–1918].

рассказ о трех встречах с его наследием, которые случились с автором статьи в ходе исследований. Они выбраны из большего числа, но особенно показательны.

Калужский эпизод

В 1980-х годах проводились реставрационные исследования Спасского на Угре монастыря в Калужской области. Они стали одной из первых моих работ как археолога. Это древняя обитель, восходящая по крайней мере к XV веку и включенная в гораздо более ранний, древнерусский, контекст. На месте недавней МТС, над долиной прекрасной Оки, у шатрового Преображенского католикона (1550–1560-е) было открыто основание утраченной палатки с фундаментом для саркофага или раки. Можно было лишь гадать, кому он предназначался – местно чтимому святому эпохи Иоанна Грозного или ктитору храма [Беляев, 1995]. Этот сюжет получил не только чисто научное и церковное преломление – он вошел в ряд пособий по архитектурно-археологическим работам в монастырях. Поиски истоков обители немедленно привели нас к замечательному исследованию-описанию забытых монастырей Калужской епархии [Леонид (Кавелин), 1863], изданному о. Леонидом (Кавелиным) на основе многочисленных ранних сводок и статей (именно в 1840–1850-х гг. он пишет по-настоящему много, позже монастыри и миссии завалят его работой, которой суровый «оптинец» не может пренебрегать). К трудам же о. Леонида по истории церквей и монастырей мы не уставали обращаться в течение последующей трети века, в том числе изучая надгробные плиты в обители на Угре.

В Новом Иерусалиме

В 2009 году пришлось обратиться к наследию отца Леонида в связи с гораздо более обширным проектом. Начались работы по восстановлению Ново-Иерусалимского монастыря. Для их успешного проведения до начала строительных работ и в их ходе, согласно заранее принятой концепции,

проводились широкие археологические исследования (2009–2017)⁷. Разумеется, мы опирались на ту базу источников о монастыре, которая стала известной именно трудами архимандрита. В мыслях мы постоянно обращались к другим частям его наследия: музею Патриарха Никона; описанным архимандритом памятникам эпиграфики; уникальному погребальному комплексу Патриарха в Иоанно-Предтеченской церкви собора⁸. Со всем этим и многим другим удалось познакомиться *in situ*, на практике. Мы работали, держа инструменты археолога в одной руке и тексты архимандрита в другой; к ним мы обращались постоянно, при всяком удобном случае. Думаю, что будем следовать им и впредь – так же как новым публикациям архивных источников, которые продолжат труды середины XIX века.

На Святой Земле

Не успели мы по-настоящему освоиться в Новом Иерусалиме, как в 2010 году возникла (нами же отчасти инспирированная) возможность возобновить работы на Иоасафовском участке в Иерихоне, прерванные вскоре после завершения экспедиции Н.П. Кондакова 1891 года. Участок достался ИППО уже после отъезда архимандрита Леонида из Святой Земли, в 1880-х годах, и тогда же на нем были открыты остатки зданий византийского времени (VI–VII вв.) с цветными мозаиками и колоннами. Новый этап освоения предполагал устройство музея с экспозицией, для чего нужно было вернуться к раскопкам. Их провела российско-палестинская экспедиция Института археологии РАН. Экспедиция (как в XIX в. Русская

7 См. о работах: [Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению, 2016]; библиографию по работам до 2017 года см.: [Беляев, Крючкова, Чернилова, 2018].

8 Трудам отца Леонида (Кавелина) о Новом Иерусалиме посвящена уже обширная литература, которой здесь было бы самонадеянно касаться. Но не назвать базовых книг о нем, разумеется, невозможно. Это: Описание славяно-русских рукописей книгохранилища Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря [Леонид (Кавелин), 1871] и Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам [Леонид (Кавелин), 1876].

Духовная Миссия) стала государственным проектом, войдя отдельным пунктом в межправительственное соглашение между Россией и Палестиной.

Понятно, что труды о. Леонида о Святой Земле опять оказались у нас в руках. С 2018 года мы начали работу по новому, более широкому, проекту, поддержанному Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), куда входит историко-архивное изучение русского присутствия на Святой Земле и фиксация следов паломнической деятельности в Палестине вплоть до начала XX века. И уже в ходе подготовки проекта мы получили от отца Леонида неожиданный подарок: весной 2017 года мы с известным исследователем архивов ИППО и трудов русских ученых в Палестине, Кириллом Алексеевичем Вахом, предприняли небольшое исследовательское вторжение в Старый город Иерусалима. Нам довелось остановиться в том же Архангельском монастыре, где изначально, до того, как была получена земля за городом и построен Русский городок, останавливались русские церковные посольства. Каково же было наше удивление, когда прямо в сводчатых (крохотных и вовсе не комфортных) кельях, и во внутренних дворах обнаружили десятки профессионально нарезанных на камнях памятных надписей, упоминавших имена паломников XVIII–XIX веков, некоторые из которых можно было отождествить с ранее известными только по письменным источникам людьми [Беляев, Вах, 2019].

Совершенно к тому не готовясь, мы заняли те же кельи в Архангельском монастыре, где жила первая Русская Духовная Миссия, – а ведь отец Леонид входил в ее состав. Описания этих келий оказались нам известны по текстам XIX века, вплоть до имен размещенных в них людей. Эта встреча привела к первой публикации, которая обещает стать далеко не последней в работе по собиранию исторического наследия русских паломников на Святой Земле периода ее наиболее активного освоения – во всяком случае, материал активно идет к нам в руки, как некогда шел он в руки архимандрита Леонида, на какую бы землю тот ни ступал.

Заключение

Таким образом, восстанавливая Музей Патриарха Никона в Ново-Иерусалимском монастыре, созданный почти 150 лет назад архимандритом Леонидом, мы идем по проложенной им «дорожке из желтого кирпича». Он предшествует нам и на Калужской земле, и в Палестине, и в Свято-Троицком монастыре. В этом угадываются контуры и Российской империи, и Московской Руси – те силовые линии, по которым распределяются, волей-неволей, наши научные интересы и наши археологические находки.

Встречи продолжаются: совсем недавно, изучая погребения боярских родов в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря, мы захотели проверить ряд фактов – и это тут же привело нас к страницам книг отца Леонида о Троице-Сергиевом монастыре, включая его образцовую сводку надписей. Она менее известна, чем труды А.В. Горского и К.С. Смирнова, но никак не менее оригинальна и достоверна – искомый персонаж отразился именно в ней [Леонид (Кавелин), «Критический обзор...», 1876, 1881]⁹.

Исследование жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), несомненно, продолжится. Его архив в РГБ всерьез не изучался, а он насчитывает 669 ед. хр. Есть материалы и в архиве РАН (СПб), в монастырях (в том числе в Троице-Сергиевом) и в провинциальных архивах Калужской губернии. О его жизни и трудах пишут и думают прекрасные историки-архивисты. Сравнительно недавно заново издано сочинение А. Дмитриевского о деятельности Кавелина в Палестине (огромная статья или небольшая книга – зависит от издания) [Дмитриевский, 2009]. Приуроченное к первой туда поездке специально, на архивных материалах, рассмотрено В.В. Кашириной [Каширина, 2012]. А.А. Кащеев издал один из важных текстов, хранящихся в архиве РГБ (о поездке вел. кн. Константина) [Кащеев, 2016]. Публикуются

⁹ В 1879 и 1890 гг. отец Леонид публикует в приложениях к историческому описанию Лавры А.В. Горского списки погребенных в XIV–XIX вв. «лиц духовного чина» и иных. См.: [Горский, 1841], ср.: [Смирнов, 1850], где указаны некоторые места погребения.

(и факсимильно, и с современным редактированием, и в виде комментированных памятников) труды самого архимандрита, его «путеводитель» по Святой Земле. К.А. Вах готовит ряд исследований об отце Леониде как ученом и деятеле Русской Палестины.

Мы встречаемся с отцом Леонидом постоянно и всегда неожиданно, ведь невозможно представить, что в каждом новом монастыре встретишь именно его. Он давно стал для нас примером церковного ученого, образцом высочайшей преданности делу Науки и Церкви. С момента встречи в Калужской области он как бы все время идет впереди, прокладывая путь. Мы возобновляем работы в Святой Земле – и читаем его замечательный очерк Иерусалима и окрестностей, живем в кельях его миссий. О Новом Иерусалиме и говорить не приходится – здесь поле, на котором мы жнем, вспахано и засеяно его трудами.

Отец Леонид был человеком страстным, с поразительно живым умом. При этом автор он удивительно скромный – его стихия не слог, но подробный комментарий, стремление наполнить ситуацию подробностями, публикация древнего текста, переводы. Многие церковные путешественники XIX века видели Святую Землю как бы сквозь очки классической традиции, часто пересказывая ее. Так и хочется спросить, да что вы видите своими-то глазами, вокруг себя? Этот вопрос мы никогда не обращаем к архимандриту Леониду – он смотрит именно сам, взгляд его цепок и серьезен, описи его точны и скромны, они не броски, но без них мы сразу заблудились бы. Можно сказать, что это взгляд офицера, привыкшего видеть поле для маневров в главных подробностях и описывать их кратко и точно. Мы и дальше пойдем, ступая след в след, за отцом Леонидом – строителем музея и знатоком двух Иерусалимов – Ветхого и Нового.

Литература

Беляев Л.А. Спасский на Усть-Угры монастырь в XVI столетии: археология, история, архитектура // Реставрация и архитектурная археология. Т. 2. М., 1995. С. 55–72.

Беляев Л.А., Вах К.А. Памятные надписи славянских паломников XVIII – XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // Славяноведение. 2019. № 2. С. 94–99.

Беляев Л.А., Крючкова М.А., Черненилова Л.М. Ново-Иерусалимский монастырь // ПЭ.Т. 51. М., 2018. С. 611–631.

Вах К.А. К истории назначения архимандрита Антонина (Капустина) начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Вестник архивиста. № 4. М., 2011. С. 138–153.

Веневитинов М.А. Лицевой список Хождения Даниила паломника. СПб., 1881. (ПДП; № 5).

Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009–2015 годов / Науч. ред.: Л.А. Беляев, И.Л. Бусева-Давыдова. М.: Коллектор, 2016.

Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам. М., 1841.

Дмитриевский А.Л. Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, и его труды по изучению православного Востока // Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.; СПб., 2009.

Житие и Хождение Даниила, Русьския земли игумена: 1106–1108 гг. / Ред.: М.А. Веневитинов // ППС. 1883. Т. 1. Вып. 3; 1885. Т. 3. Вып. 3.

Иоанн Кудласевич, иерей. Архимандрит Леонид (Кавелин) и архимандрит Антонин (Капустин) (по материалам эпистолярного наследия) // Иерусалимский Православный семинар. Вып. 11. М., 2021. (В печати).

Каширина В.В. Архимандрит Леонид (Кавелин) перед

отъездом в Иерусалимскую Миссию // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Вып. 1. Ч. 1. Иерусалим, 2012. С. 112–125.

Кащеев А.А. Записки о пребывании великого князя Константина Николаевича на Святой земле: материалы из архива архимандрита Леонида (Кавелина) // Обсерватория культуры. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2016-1-1-112-121> (дата обращения 12.07.2021).

Леонид (Кавелин), архимандрит. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. М.: Университетская типография, 1863.

Леонид (Кавелин), архимандрит. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1871.

Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инок-паломника А. Л–а. М., 1873/2008.

Леонид (Кавелин), архимандрит. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам. М., 1876.

Леонид (Кавелин), архимандрит. Критический обзор сведений о Свято-Троицкой Сергиевой лавре. М., 1876.

Леонид (Кавелин), архимандрит. Надписи Троице-Сергиевой лавры... СПб., 1881. С. 133–160 (надгробные надписи).

Никольский А. Леонид (Кавелин) // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб.-М., 1896–1918.

Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим / С объяснит. к тексту примеч. [и предисл.] архим. Леонида. Москва: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1874. [2], IV, 129 с.

Путешествие игум. Даниила по Св. земле в нач. XII в.:

(III3–III5) / Ред.: А.С. Норов. СПб., 1864.

Сахаров И. Путешествие игум. Даниила по святым местам в начале XII столетия // Путешествия рус. людей в чужие земли. СПб., 1837. Ч. 1. С. I–XIX, 1–90.

Смирнов С.К. Церковно-исторический месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1850 (переизд. 1854).

Ткаченко В.А. Некрополь Троице-Сергиевой лавры конца XIV–XVII в. Дис. и автореф. по ВАК РФ 07.00.02, канд. ист. наук. М., 2006.

Федорова И.В. «Исследования и объяснения Даниилова “Паломника” Оптиной пустыни иеромонаха Леонида»: неизвестные страницы изучения «Хождения» игумена Даниила // Текст и традиция: альманах. Т. 3. СПб.; Ростов, 2015. С. 309–358.

Хитрово В.Н. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Ч. I. Архимандрит Порфирий. Ч. III. Архимандрит Леонид. С.-Петербург 1885 г. // В кн.: *Лисовой Н.Н.* Россия в Святой Земле. Документы и материалы. В 3 т. М.: Индрик, 2017. Т. 2. С. 958–1016.

Хождение игумена Даниила / Подг. текста, пер. и коммент.: Г.М. Прохоров / БЛДР. 1997. Т. 4. С. 26–116.

Иерей Иоанн Кудласевич

Жизнь и деятельность архимандрита Леонида (Кавелина) в ракурсе исто- риографической традиции¹

Аннотация: Статья посвящена вопросам изучения биографии видного церковного деятеля и ученого второй половины XIX в. Автор обращается к сложившейся в отечественной науке историографической традиции; отмечает особенности этапов ее развития; анализирует проблематику и научную базу исследований; выделяет наиболее значимые труды, освещающие те или иные аспекты в изучении исторической биографии церковного деятеля. Анализ немногочисленной литературы, посвященной архим. Леониду (Кавелину), позволяет автору сделать вывод об имеющихся лакунах в изучении его многогранной деятельности и наметить контуры наиболее перспективных направлений в последующем изучении этой темы.

Ключевые слова: архимандрит Леонид (Кавелин), историографическая традиция, этапы и особенности изучения исторической биографии, проблематика, источниковедческие ресурсы и подходы в исследованиях, перспективы в изучении темы.

Ioann N. Kudlasevich

The life and activities of Archimandrite Leonid (Kavelin) from the perspective of the historiographical tradition

Abstract: The article is dedicated to the study of the biography of a prominent church figure and scientist of the second half of the 19th century. The author refers to the historiographical tradition

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-09-41016.

that has developed in Russian science; highlights the characteristics of the stages of its development; analyzes the problems and scientific base of the research; lists the most significant works that highlight certain aspects in the study of the historical biography of the church figure. The analysis of the scarce literature on Archimandrite Leonid (Kavelin) makes it possible for the author to draw a conclusion about the existing gaps in the study of his multifaceted activities and outline the most prospective directions in the following study of this topic.

Keywords: Archimandrite Leonid (Kavelin), historiographical tradition, stages and characteristics of the study of historical biography, problematics, source-study resources and approaches in research, prospects of studying the topic.

Предстоящая юбилейная дата – 200-летие со дня рождения архим. Леонида (Кавелина; 1822–1891) – веский повод обратиться к осмыслению его места, роли и значения в истории Русской Церкви второй половины XIX в.

Неординарность жизненного пути видного церковного деятеля прошлого, его приверженность традициям древнего восточного монашества и особое отношение к старчеству – все это в сочетании с ответственным служением на высоких административных постах и плодотворной научной деятельностью заметно выделяло о. Леонида на фоне других представителей русского духовенства.

В самом начале жизненного пути воспитанник 1-го Московского кадетского корпуса Лев Кавелин – гвардейский офицер и подающий надежды литератор (1840–1852). В переломный жизненный момент – послушник Оптиной пустыни, переводчик и публикатор святоотеческих творений (1852–1857). С принятием монашеского сана – церковный дипломат на Православном Востоке. Сначала штатный сотрудник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1857–1859); спустя несколько лет ее начальник в сане архимандрита (1863–1865); затем настоятель посольской церкви в Константинополе (1865–1869).

По завершении церковно-дипломатического служения на Востоке архим. Леонид назначен настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (1869–1877). В последний период жизни осуществлял обязанности наместника Свято-Троицкой Сергиевой лавры (1877–1891) и на всем протяжении жизненного пути оставался неутомимым тружеником церковно-исторической науки.

Осмысление и оценка феномена личности архим. Леонида (Кавелина) предполагает обращение к анализу посвященной ему исторической литературы и специальных научных исследований.

Историография работ по данной теме представлена некоторым количеством биографических очерков, научных статей и единственным диссертационным исследованием. Полная фундаментальная биография архим. Леонида (Кавелина) к настоящему времени не написана. Дореволюционный период в изучении данного вопроса характеризуется постепенным накоплением представительной базы источников, определением основной тематики исследований и традиционными исследовательскими подходами.

Сразу после кончины архим. Леонида в официальных периодических изданиях появляется ряд мемориальных публикаций, рамки которых не предполагали широкий охват и детализированный анализ его деятельности. Первую группу из них составляли официальные некрологи, содержащие краткие биографические сведения и общую оценку жизненного пути [Заметка о кончине архим. Леонида (Кавелина), 1891, с. 603; Архимандрит Леонид (Кавелин): некролог, 1891, с. 701–702 и др.]. Некоторые из некрологов написаны людьми, близко знавшими архимандрита [Никон (Рождественский), иером., 1891, с. 1558–1560].

Следующую группу публикаций составляли краткие биографические очерки, написанные в том числе и профессорами Московской духовной академии (Воскресенский, 1892; Корсунский, 1898). Длительное общение с ученым монахом позво-

лило авторам вывести на передний план его многогранную исследовательскую деятельность. В данной группе публикаций следует особо отметить обстоятельный биографический очерк профессора Казанского университета Д.А. Корсакова [Корсаков, 1891]. В определении феномена личности архим. Леонида автор отмечал его «цельный характер, <...> до конца твердо сохранивший те верования и убеждения, которые составляли все содержание его жизни» [Корсаков, 1891, с. 131]. Именно принципиальность о. Леонида в отстаивании церковных канонов, его последовательная защита Церкви и традиций монашеской жизни возбудили против него, по мнению Корсакова, «много порицателей и даже недоброжелателей» [Корсаков, 1891].

Автор высоко оценивал вклад архим. Леонида в церковно-историческую науку, причисляя воспитанника оптинских старцев «к почтенной плеяде русских ученых "ветхословцев": митрополиту Евгению Болховитинову, епископу Амвросию Орнатскому, архимандриту Филарету Гумилевскому» [Корсаков, 1891, с. 132]. Одним из первых Корсаков составил перечень опубликованных трудов о. Леонида (180 наименований) и систематизировал его научное наследие [См.: Корсаков, 1891, с. 134–136].

К третьей группе публикаций следует отнести очерки, написанные на стыке жанров научной литературы, некролога и воспоминаний [Субботин, 1898; Шереметев, 1901]. Представители русского ученого сообщества высоко оценили вклад архим. Леонида в российскую гуманитарную науку как историка, археолога и археографа. Четвертую группу публикаций составляли краткие статьи в дореволюционных научно-справочных изданиях [Языков, 1909; Ягич, 1910; Никольский, 1914 и др.].

В отличие от общепризнанных научных заслуг, опыт церковно-дипломатического служения о. Леонида на Православном Востоке получил у современников крайне негативную оценку. Период его руководства духовным представи-

тельством в Иерусалиме впоследствии был назван «бесспорно одной из мрачных страниц сношений Востока» с Русской Православной Церковью [цит. по: Хитрово, 2000, с. 389]. Основанием для такой оценки послужили резонансные события в Русской Духовной Миссии, приведшие к ухудшению канонических отношений с Иерусалимским патриархатом. Забота начальника Миссии о русских паломниках в Палестине на деле обернулась конфликтом с распоряжавшимся в Духовной Миссии русским консулом. Подстрекаемые консулом члены Миссии, недовольные строгостью требований своего руководителя, подняли против него мятеж. В итоге архим. Леонид был объявлен Иерусалимским патриархом *persona non grata*, отстранен от своих обязанностей Св. Синодом и отправлен «временно состоять при посольской церкви» в Константинополе. И хотя до выяснения всех обстоятельств «дела» на защиту чести и монашеского достоинства о. Леонида выступил митр. Московский Филарет (Дроздов), за опальным архимандритом прочно закрепилась репутация «неудобного человека».

Впервые к изучению опыта служения о. Леонида в Иерусалиме обратился в начале 1880-х гг. один из будущих учредителей Палестинского Православного общества В.Н. Хитрово. В рамках проводимого им исследования по вопросам организации паломнического движения в Палестине предполагалось провести анализ деятельности всех руководителей Миссии со времени ее основания в 1847 г. По замыслу Хитрово, в задуманной им «Истории Русской Духовной миссии» архим. Леониду отводилась самостоятельная глава.

В качестве источников исследователь привлек ряд документальных материалов из архива Св. Синода, а также единичные документы, относящиеся к деятельности МИДа. В полном объеме архив внешнеполитического ведомства в то время оказался для него недоступным. Базовую основу исследования составила личная переписка Хитрово с архим. Леонидом в 1880-е гг. Как непосредственный участник всех резонансных событий в Иерусалиме о. Леонид обозначил в

переписке ряд узловых проблем, связанных с организацией быта и нужд паломников в Святой Земле, и предложил свое пояснение к некоторым фактам.

В освещении деятельности Миссии в период ее руководства архим. Леонидом исследователь сосредоточился на анализе внутренних «беспорядков». Главную причину «нестроений» Хитрово усматривал в несогласованности действий между Св. Синодом, МИДом и Палестинской комиссией, учрежденной при Азиатском департаменте МИДа для организации паломнических приютов в Святой Земле. Чрезмерная зависимость духовного представительства от МИДа привела, по мнению исследователя, к отсутствию четкой регламентации в обязанностях консула и начальника Миссии. Отдавая дань уважения монашескому достоинству о. Леонида, вместе с тем автор считал выбор его кандидатуры неудачным. Задуманное Хитрово исследование так и не было завершено. Впервые оно было опубликовано в 2000 г. [См.: Хитрово, 2000, с. 335–378].

Деятельность архим. Леонида на Востоке получила фрагментарное освещение в юбилейной исторической записке профессора Киевской духовной академии А.А. Дмитриевского «Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую часть века: 1882–1907 гг.» [Дмитриевский, 1907, с. 54–69]. В целостном обзоре истории духовного представительства в Святой Земле о. Леониду отводилась более скромная часть исследования по сравнению с другими руководителями Миссии. В примечаниях к тексту автор анонсировал «в недалеком будущем» публикацию подробного биографического очерка о нем.

В работе над очерком Дмитриевскому удалось значительно расширить базу источников за счет привлечения большого массива материалов по «иерусалимскому делу» из архивов Св. Синода и МИДа, а также обширной переписки официальных и частных лиц. Вместе с тем его дальнейшее исследование тормозило состояние неразобранных архивов

Палестинской комиссии и по-прежнему сдерживали определенные цензурные ограничения, связанные с негативным отношением властных структур к «делу о. Леонида».

Вопреки сложившемуся мнению, в истории Русской Духовной Миссии Дмитриевский отводит архим. Леониду «видное и почетное место». В деятельности церковного дипломата исследователь усматривал проявление его личного мужества и преданности Русской Церкви. По мнению Дмитриевского, усилия начальника Миссии по укреплению Православия в Святой Земле, забота о повседневных нуждах паломников привели его к неизбежному конфликту с консулом и, в конечном итоге, обострили противоречия со Святогробским братством.

К сожалению, «Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его труды по изучению православного Востока», сопровождаемый обстоятельным научно-справочным аппаратом, остался незавершенным. После событий 1917 г. историк не успел осветить константинопольский период служения о. Леонида на Востоке. После кончины Дмитриевского рукопись и рабочие материалы к биографии хранились в личном архиве ученого (ОР РНБ. Ф. 253). Впервые его исследование было опубликовано в 2000 г. [См.: Россия в Святой Земле, 2000, с. 396–543].

В советский период интерес к архим. Леониду sporadически и фрагментарно проявляли исключительно библиографы и специалисты в области книговедения [Шведова, 1941; Немировский, 1964; Славяноведение в дореволюционной России, 1979 и др.].

Между тем дореволюционные традиции в изучении биографий видных церковных деятелей были продолжены в 1930-х гг. историками русской эмиграции. Архимандрит Киприан (Керн) в монографии об о. Антонине (Капустине) [Киприан, 1997] высказал ряд глубоких суждений о причинах неудач его предместника архим. Леонида (Кавелина).

«Сильная, заметная и независимая личность» архимандрита сама по себе не устраивала ни российский МИД, ни синодальное управление, ни Иерусалимский патриархат. Причины «нестроенный» в Миссии коренились, по мнению исследователя, в межведомственных противоречиях в деле организации русского духовного представительства в Святой Земле. Причину конфликта с Иерусалимским патриархом исследователь усматривал в неспособности церковного дипломата выстроить конструктивные отношения со Святогробским братством. Тяжелым и несдержанным характером начальника Миссии архим. Киприан объяснял вспыхнувший против него «мятеж» подчиненных. Вместе с тем отрицательные результаты его миссии на Востоке обнажили, по мнению исследователя, глубокие противоречия в отношениях Церкви и государства. На опыте своего противостояния с консулом и синодальным ведомством о. Леонид «пришел к прискорбному убеждению, что синодальная система и государственничовнический аппарат своим непрерывным контролем и опекой будет мешать и убивать всякое живое начинание в церковной жизни» [Киприан, 1997, с. 134–136].

В отечественной церковной науке возвращение к проблематике изучения истории русского духовного представительства в Святой Земле и деятельности его руководителей произошло во второй половине XX в. Заметным событием в конце 1950-х гг. стала защита кандидатской диссертации митр. Никодима (Ротова) «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» [Никодим, 1979]. Фундаментальное исследование проведено на основе материалов из ранее недоступного архива Миссии в Иерусалиме. Однако, по замечанию исследователя, документов о деятельности архим. Леонида в архиве обнаружено немного. Материалы из отечественных архивных фондов диссертантом не привлекались.

Ограниченное использование источников не позволило автору всесторонне и объективно осмыслить церковно-дипломатический опыт архим. Леонида. Причину его неудачи

исследователь усматривал «в несколько замкнутом и тяжелом характере архимандрита Леонида», оказавшегося неспособным «установить дружеских отношений ни с Патриархией, ни с консулом, ни с братией Миссии» [Никодим, 1979, с. 38].

В 1960–1970-х гг. составлением сводного каталога научных трудов и литературных произведений о. Леонида занимался А. Просвирнин, впоследствии – архим. Иннокентий [Труды архимандрита Леонида (Кавелина), 1972]. Библиограф расширил список публикаций (около 300 наименований), выявил ряд псевдонимов автора, обнаружил в архивном фонде А.А. Дмитриевского рукопись незавершенного очерка об архим. Леониде (Кавелине).

Постсоветский период, связанный с пробуждением интереса к истории Русской Православной Церкви в начале 1990-х гг., предопределил в том числе возвращение из забвения имен выдающихся церковных деятелей прошлого. Общая оценка жизненного пути и плодотворной научной деятельности архим. Леонида (Кавелина) в год столетия со дня его кончины прозвучала в статьях историка Н.Н. Лисового [Лисовой, 1991] и научного сотрудника музея «Новый Иерусалим» Г.М. Зеленской [Зеленская, 1991].

Период послушничества о. Леонида в Оптиной пустыни, важный для понимания феномена его монашеского служения, был освещен на конференции 1994 г. в Боровске в докладе Н.В. Марченко [Марченко, 1997]. В фокусе внимания исследователя – высокое духовное образование насельников пустыни, полученное ими под руководством оптинских старцев.

Как предмет специального исследования, историческая биография о. Леонида впервые была заявлена в 1998 г., в кандидатской диссертации аспиранта Московской духовной академии М. Кравченко [Кравченко, 1998]. Основой для исследования послужили опубликованные нарративные источники. Документальные материалы из личного архивного фонда о. Леонида [НИОР РГБ. Ф. 148] и фонда историка

А.А. Дмитриевского [РНБ. Ф. 253] исследователем привлекались не в полной мере (отдел рукописей РГБ был закрыт по техническим причинам).

Структуру научной работы определили традиционные подходы к изучению биографий видных церковных деятелей прошлого. В основу исследования положен хронологический принцип организации материала, отражающий основные этапы жизненного пути архим. Леонида, в соответствии с занимаемыми постами и периодами деятельности.

В качестве научного инструментария диссертантом использовался биографический метод, предполагающий описание и анализ обстоятельств жизни и ответственного служения о. Леонида. В определении его личностных характеристик и роли в тех или иных событиях применялся метод сопоставления разных оценок и мнений, высказанных о церковном деятеле его современниками. К сожалению, отсутствие в диссертации разработанного научно-справочного аппарата не позволило автору обозначить круг проблем и выразить ключевые идеи исследования.

Новейший период в изучении биографии архим. Леонида характеризуется значительным расширением базы источников, обширной публикацией архивных материалов, изданием и переизданием наиболее значимых дореволюционных трудов по данной теме, а также поисками концептуальных подходов и методов в исследовании.

На рубеже XX–XXI столетий новый подход к осмыслению опыта русского церковного представительства на Православном Востоке и оценке деятельности его руководителей был представлен в рамках современного направления в историографии, связанного с глубоким комплексным изучением истории Духовной Миссии в Иерусалиме. Историк Н.Н. Лисовой предложил рассматривать «безуспешную, как правило, борьбу выдающихся начальников и сотрудников Миссии с “петербургской системой”» в широком контексте внешней политики России, с учетом сложившейся в синодаль-

ный период «неканонической системы отношений Церкви и Государства» [Лисовой, 1999]. Причину конфликтов в Русской Миссии исследователь усматривал в том числе и в попытке российских чиновников придать паломническому движению коммерческий характер, «нравственно несовместимый с высокими духовными принципами и целями русского православного присутствия в Иерусалиме и Святой Земле» [Лисовой, 1999, с. 43].

Фрагментарное отражение церковно-дипломатической деятельности архим. Леонида нашла в фундаментальном исследовании Н.Н. Лисового «Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в.» [Лисовой, 2006].

В начале нового столетия интерес к изучению отдельных аспектов исторической биографии архим. Леонида получил свое отражение в ряде исследований. Обзору управленческой, реставрационной и научной деятельности архимандрита в Ново-Иерусалимском монастыре посвящена статья Г.М. Зеленской [Зеленская, 2002]. Этому же автору принадлежит исследование об открытии о. Леонидом музея Патриарха Никона и возрождении в обители традиции монастырского летописания [Зеленская, 2002].

Тесные контакты архим. Леонида с Афоном, его роль в развитии духовных, просветительских и культурных связей с русской братией Пантелеимонова монастыря анализируются в статье Ю.А. Коробко [Коробко, 2002].

В монографии В.В. Кашириной «Литературное наследие Оптиной Пустыни» рассматривается участие о. Леонида в издательской деятельности как переводчика и публикатора ряда святоотеческих творений [Каширина, 2006].

Церковно-дипломатическая деятельность архим. Леонида на Православном Востоке анализируется в фундаментальном исследовании историка И.Ю. Смирновой о митр. Филарете (Дроздове), в связи с участием Святителя в так называемом «иерусалимском деле» о. Леонида

[Смирнова, 2014]. Ею же написана обстоятельная статья об о. Леониде в Православной энциклопедии [Смирнова, 2015].

Статья филолога И.В. Федоровой посвящена научной сфере интересов о. Леонида как исследователя памятников древнерусской паломнической литературы [Федорова, 2016]. Автор отмечает существенный вклад ученого в разработку ключевых проблем в изучении паломнических сочинений, анализирует применяемые им принципы и методы текстологии, технику издания текстов.

В статье библиографа А.А. Кашеева поднимается ряд вопросов, связанных с работой о. Леонида над описанием славянских рукописей из библиотеки монастыря Св. Павла на Афоне [Кашеев, 2017].

Литературному творчеству о. Леонида как духовного писателя посвящена статья филолога О.Н. Александровой-Осокиной. Применение герменевтического метода в анализе его литературных произведений позволяет исследователю выявить глубинные уровни текстов и осмыслить опыт восприятия Святой Земли автором-паломником [Александрова-Осокина, 2017].

Тесные научные и духовные связи архим. Леонида с известным путешественником и археологом А.С. Норовым анализирует историк А.И. Алексеев в статье, посвященной обзору документальных материалов из архива Норова в Российской национальной библиотеке [Алексеев, 2019].

Интерес к изучению истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме сопровождался в XXI в. изданием неопубликованных трудов дореволюционных исследователей и публикацией новых архивных материалов. Были изданы биографический очерк А.А. Дмитриевского [Дмитриевский, 2000] и исследование В.Н. Хитрово [Хитрово, 2000]. Опубликована подборка документальных материалов «Русская Духовная миссия при архимандрите Леониде (Кавелине): 1863–1865» [Россия в Святой Земле, 2017, с. 205–234]. Переиздан очерк о. Леонида «Старый Иерусалим и его окрестности: из записок

инока-паломника», до сих пор считающийся одним из лучших путеводителей по Святой Земле [Леонид (Кавелин), 2008].

Значительным событием в исторической науке стала публикация 112 писем архим. Леонида к афонским старцам из ранее труднодоступного архива Пантелеимонова монастыря на Афоне [Письма, 2015]. Переписка со старцами представляет собой исключительный интерес как важнейший источник для исследования церковно-дипломатической деятельности о. Леонида в период его служения в Константинополе.

Отечественными исследователями были опубликованы письма к архим. Леониду его преемника на посту начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архим. Антонина (Капустина) [Письма, 2012]; письма архим. Леонида к А.С. Норову [Переписка, 2017].

Вместе с тем многогранная и плодотворная деятельность архим. Леонида на Православном Востоке и в России еще не раскрыта и не изучена до конца. Практически неисследованным остается период его служения в Константинополе, не в полной мере изучены тесные и многолетние связи с Афоном. Слабо изучено его научное наследие и литературное творчество. Нераскрытыми остаются особенности его славянофильских воззрений и феномен монашеского служения, определявший в значительной мере и логику, и мотивацию его поступков на всем протяжении земного пути.

Архимандрит Леонид оказался настолько не понят современниками, что спустя сто с лишним лет после его кончины подходы к исследованию его многогранной деятельности только начинают разрабатываться. Наиболее перспективным исследовательским ресурсом по-прежнему остается стратегия применения биографического и просопографического методов, а также опыт междисциплинарных исследований.

Литература

Александрова-Осокина О.Н. Архимандрит Леонид (Кавелин) как духовный писатель // Вестник Новгородского ун-та. 2017. № 2 (100). С. 13–16.

Алексеев А.И. Русская Палестина в документах архива А.С. Норова (1795–1869) // ППС. Вып. 116. М., 2019. С. 199–204.

Архимандрит Леонид (Кавелин): некролог // Церковный вестник. Б. а. 1891. № 44. С. 701–702.

Воскресенский Г.А. Памяти отца архимандрита Леонида, наместника Св. Троице-Сергиевой лавры. М., 1892.

Дмитриевский А.А. ИППО и его деятельность за истекшую часть века: 1882–1907 гг. Вып. 1. СПб., 1907. С. 54–69.

Дмитриевский А.А. Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной миссии в Иерусалиме, и его труды по изучению православного Востока // Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 396–543.

[Заметка о кончине архим. Леонида (Кавелина)] // Церковные ведомости. Б. а. 1891. № 45. С. 603.

Зеленская Г.М. Архимандрит Леонид (Кавелин): к 100-летию со дня преставления // Глаголы жизни. Православный журнал. 1991. № 1. С. 30.

Зеленская Г.М. Архимандрит Леонид Кавелин – настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: Сб. статей. М., 2002. С. 207–215.

Зеленская Г.М. Музей Святейшего Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: Сб. статей. М., 2002. С. 263–272.

Каширина В.В. Литературное наследие Оптиной Пустыни. М., 2006.

Кащеев А.А. Архимандрит Леонид (Кавелин) и собрание славянских рукописей в библиотеке монастыря Св. Павла на Афоне // Библиосфера. 2017. № 2. С. 53–58.

Киприан (Керн), архим. Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник РДМ в Иерусалиме. Белград, 1934; 2-е изд., репр.: М., 1997; 3-е изд.: М., 2005.

Коробко Ю.А. Афонский старец-духовник Иероним Соломенцов и архимандрит Леонид Кавелин // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: Сб. статей. М., 2002. С. 216–222.

Корсаков Д.А. Архимандрит Леонид (Кавелин) // ЖМНП. 1891. Ч. 278. № 12. Отд. 4. С. 126–146.

Корсунский И.Н. Наместник Сергиевой лавры архимандрит Леонид // Памяти отца наместника Леонида, А.А. Гатцуга, Н.А. Попова и А.А. Котляревского. М., 1898. С. 315–348.

Кравченко Н. Архимандрит Леонид Кавелин: дис. на соискание ученой степени кандидата богословия. Рукопись. Сергиев Посад, 1998.

Леонид (Кавелин), архим. Старый Иерусалим и его окрестности: из записок инока-паломника. М., 2008.

Лисовой Н.Н. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: история и наследие // БТ. 1999. № 35. С. 36–51.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006.

Марченко Н.В. Л.А. Кавелин и Оптиная пустынь // Монастыри в жизни России: Материалы научной конференции, Калуга; Боровск, 1997. С. 236–247.

Немировский Е.Л. Труды по истории русского книгопечатания во второй половине XIX – XX вв. // Книга: исследования и материалы. Сб. 9. М., 1964. С. 402–408.

Никодим (Ротов), митр. История Русской Духовной миссии в Иерусалиме // БТ. Сб. 20. М., 1979. С. 15–82.

Никольский А. Леонид (Кавелин) // РБС. Т. 10. СПб. 1914. С. 196–206.

Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с А.С. Норовым: 1860–1865 // ППС. Вып. 116. М., 263–315.

[*Никон (Рождественский), иером.*]. Архимандрит Леонид (Кавелин): некролог // Церковные ведомости. 1891. № 44. Прибавление. С. 1558–1560.

Письма архим. Антонина (Капустина) к архим. Леониду (Кавелину) // Русская Палестина: люди и судьбы. Изд. РДМ, 2012. С. 150–183.

Письма выдающихся церковных и дипломатических деятелей России старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Т. 10. Св. Гора Афон, 2015. С. 45–206.

Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 169–170.

Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет (Дроздов) и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 164–180.

Смирнова И.Ю. Леонид (Кавелин) // ПЭ. Т. 40. М., 2015. С. 467–473.

Субботин Н.И. Воспоминания об архимандрите Леониде // Памяти отца наместника Леонида, А.А. Гатцуга, Н.А. Попова и А.А. Котляревского. М., 1898. С. 307–314.

Труды архимандрита Леонида Кавелина (1972) // Труды архимандрита Леонида (Кавелина) (1822–1891) / Предисл. А. Просвирнина // БТ. Сб. 9. 1972. С. 226–240.

Федорова И.В. Восточнославянская паломническая литература в трудах архимандрита Леонида (Кавелина) // ППС. Вып. 112. М., 2016. С. 238–244.

Хитрово В.Н. Русская духовная миссия в Иерусалиме // Россия в Святой Земле: документы и материалы. Т. 2. М., 2000. С. 335–378.

Шведова О.И. Историки СССР: Указатель печатных списков их трудов. М., 1941. С. 72.

Шереметев С.Д. Архимандрит Леонид (Кавелин). М., 1901.

Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. СПб., 1909. Вып. 11. С. 91–116.

Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910; 2-е изд.: М., 2003. С. 638–640.

Западное православие и Новый Иерусалим

В.М. Рычка

Киевские горы как *locum sacrum* богохранимого града – Нового Иерусалима

Аннотация: выявляется сакральное наполнение летописной лексемы «горы киевские» и ее место в развивающейся киевской книжности середины XI – XII вв. религиозно-политической идеи богохранимого града – Нового Иерусалима, обретшей новую жизнь в украинской книжности и киевской топонимике XVII–XIX вв., а также в политической культуре и идеологии других формирующихся государственных образований Северо-Восточной Руси.

Ключевые слова: «горы киевские», Новый Иерусалим, религиозно-политические идеи средневековой Руси.

Rychka V. M.

Kyiv mountains as the *locum sacrum* of the blasphemed city – New Jerusalem

Abstract: the sacral content of the chronicle lexeme “Kyiv mountains” and its place in the mid-XI – XII centuries, in the Kyiv’s developing bookishness, are revealed. Religious and political ideas of the blasphemed city – New Jerusalem, which acquired a new life in the Ukrainian bookishness and Kyiv toponymy of the XVII–XIX centuries, as well as in the political culture and ideology of others, emerging state entities of North-Eastern Rus’.

Keywords: “Kyiv mountains”, New Jerusalem, religious and political ideas of medieval Rus’.

Летописная лексема «горы киевские» – понятие принципиально важное, имеющее хорошо распознаваемое ценностное, прежде всего сакральное, оснащение. В общественно-политическом сознании Древней Руси они связаны с представлениями о происхождении Города и его богоизбранности. На этих горах, согласно летописному преданию, обосновываются легендарные основатели Киева: «...сѣдяще Кии на горѣ гдѣже нене оувозъ Боричевъ а Щекъ сѣдыше на горѣ гдѣже нене зовется Щековица, а Хоривъ на третьеи горѣ от негоже прозвася Хоревница» [ПСРЛ, 1962, с. 9]. Из бытовавших во времена составления Повести временных лет названий этих возвышенностей летописец, скорее всего, и сконструировал имена «отцов-основателей» города.

Этим киевским кручам летописец адресует пророчество апостола Андрея о том, что над ними «восияеть благодать Божья . имать градъ великъ быти . и церкви многи Богъ въздвигнути имать» [ПСРЛ, 1962, с. 8]. Помещенное в недатированной части Повести временных лет легендарное сказание о посещении апостолом Андреем «гор киевских» является своеобразным прологом, развивающейся в киевской книжности с середины XI – XII вв. религиозно-политической идеи богохранимого града – Нового Иерусалима.

Летописец отправляет апостола Андрея из византийского Херсона (Корсуня) в юго-западном Крыму транзитным путем по Днепру, который приводит его сначала в Киев, а затем в Новгород и далее в Рим. Путь же основателя древнерусской государственности – князя Олега Вещего к «горамъ хъ Киевскимъ», описанный в летописи под 882 г., очерчен в обратном направлении – из Новгорода в Киев. Объединяет эти описания желанное для обоих героев место остановки, очерченное (в одном и другом случае) локусом «гор киевских». Восхождение на них апостола Андрея возвышает их сакральный статус. Иначе говоря, апостольское предназначение Андрея состояло в том, чтобы определить locus будущего sacra civitas. В свою очередь, утверждение на днепровских кручах Олега в данной

модели мира открывало ему доступ к этим сакральным ценностям и связанному с ними изменению статуса. Обретение княжеским родом земли обетованной, то есть Русской земли, неминуемо возвышает статус Олега: только здесь, на «горах киевских» он становится «великим князем Руским», властителем «всѣхъ сущихъ под роукою его свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ боярь» [ПСРЛ, 1962, с. 23].

Составитель Повести временных лет вкладывает в уста князя-язычника знаменитые слова: «и речѣ Олегъ се буди мати градомъ рускимъ» [ПСРЛ, 1962, с. 23]. Многие историки усматривали в них провозглашение Олегом Киева столицей объединенного Древнерусского государства. Между тем эта формула (древнего, книжного по своему содержанию происхождения) несет в себе мощную идеологическую нагрузку. Персонификация города в образе женщины была весьма распространенным явлением в архаическом фольклоре многих народов мира. В системе образов эсхатологической поэзии библейских книг рубежа Старого и Нового Заветов «город-мать» («город-дева») отождествляется с Небесным Иерусалимом. В новозаветном видении Иоанна Богослова Новый Иерусалим персонифицируется в образе «невесты Агнца». Олицетворение города в женском образе матери и невесты Спасителя воплощает, таким образом, представление о Новом Иерусалиме – идеальной столице Христовой Церкви и месте обитания Бога. Провозглашая Киев устами князя-язычника «матерью градомъ рускимъ», летописец имплицитно отождествляет его с Иерусалимом [шире см.: Данилевский, 1999; Ричка, 2005].

Освященные поступью апостола Андрея Киевские горы с воздвигнутыми на них во времена Владимира и Ярослава Мудрого церквями, своеобразно маркируют сакральный центр светоносного, правоверного христианского мира. При этом следует отметить, что из всех перечисленных в недатированной части Повести временных лет названий «Киевских гор» только Щековица не изменила своего имени.

Хоревица, происхождение названия которой связывают с горой Хорив центральной части Синайской гряды, на которой состоялась встреча Моисея с Богом и даны сынам Израиля скрижали Завета [Вернадский, 1996, с. 337; Петрухин, 1998, с. 25], не закрепилось в киевском топонимиконе. Между тем еще в XIX в. В городе и его пригородах засвидетельствовано бытование целого ряда других микропонимов, удостоверяющих преемственность духовных связей христианского Киева со Святой Землей: Иосафова долина, Елеонская гора, горы Синай и Фавор, потоки Кедронский и Силоамский. Мифологический пласт городской топонимики Киева и его окрестностей был насыщен весьма прозрачными образами и символами, которые развивали вербальные представления о городе как своеобразной версии Святой Земли – Иерусалиме на Днепре. В украинской народной религиозной культуре сохранялись представления о Киеве как мистическом центре, откуда берет начало «восхождение» к «Иерусалиму горнему».

Соперником Киева в стремлении обрести статус богоизбранного града был Владимир-на-Клязьме. Грандиозное строительство, инициированное здесь Андреем Боголюбским, политика наименования сооружений, имитация киевских названий святынь и топографии имело целью не только превратить Владимиро-Суздальщину в зеркальный отпечаток Киева, но и возвысить приоритет Владимира над давней столицей: «Подражание Киеву и его архитектуре во Владимире носило демонстративный характер, имело своей задачей не подражать им, а затмить и превзойти их. В этом отношении архитектура вторила летописной концепции приоритета Владимира над Киевом. И действительно, масштабы крепостных сооружений новой столицы превосходят укрепления Киева и Новгорода Великого. Владимирская топонимика и имена построек продолжают вторить киевским: есть Золотые ворота, другие названы, в напоминание о киевском монастыре, –Ириниными» [Воронин, 1961, с. 316]. Примечательно, что составитель Рогожского летописца употребляет по отно-

шению к «многославному» Владимиру киевскую летописную формулу «мати градом» [ПСРЛ, 1965, с. 181]. В последующее время эта традиция наименования Владимира угасает, но обретает новую жизнь в московской книжности. По наблюдениям Е.В. Русиной, эта метафора впервые связывается с Москвой в составленном в начале XVII в. Временнике Ивана Тимофеева. Наряду с провозглашенной в 20-х гг. XVI в. псковским монахом Филофеем идеей «Москва – третий Рим», исследовательница обращает внимание на бытование в арсенале российского мессианизма XVI–XVII вв. других аналогичных идей, к кругу которых принадлежали и такие как «Москва – второй Киев», «Москва – второй Константинополь», «Москва – второй Израиль (или Иерусалим)» [Русина, 2005, с. 190–191]. Представляется справедливым мнение автора, согласно которому каждая из этих идей не была доминантной. Подтверждением этому может служить несогласие патриарха Никона с отождествлением Москвы с третьим Римом и стремление к уподоблению ее второму Иерусалиму, заявленное строительством Ново-Иерусалимского монастыря.

Литература

Вернадский Г.В. Древняя Русь / Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана. Тверь; М., 1996.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1961. Т. 1.

Данилевский И.Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей: Человек в истории. 1998. М., 1999. С. 134–150.

Петрухин В.Я. Город и сакральное пространство: библейский миф в начальном русском летописании // Сакральная топография средневекового города. М., 1998. С. 23–30.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Л., 1962. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Л., 1965.
Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец.

Ричка В. «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ, 2005.

Русина О. Київ як Sancta Civitas у московській ідеології та політичній практиці XIV–XVI ст. // Русина О. Студії з історії Києва та Київської землі. Київ, 2005. С. 172–199.

Певческая культура
Киевской митрополии в
литургической практике
Ново-Иерусалимского
монастыря 2-й половины
XVII века¹

Аннотация: В статье рассматривается влияние певческой культуры Киевской митрополии на богослужебную практику Ново-Иерусалимского монастыря в начальный период его существования: 2-й половины XVII века. Последовательно в работе анализируются произведения трех видов хоровой барочной музыки, привезенных в Россию беженцами и эмигрантами из белорусско-украинских земель – партесный концерт и гармонизация, а также духовная песня, их трансмиссия и адаптация в певческую культуру Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря.

Ключевые слова: певческая культура, Киевская митрополия, литургическая практика, Ново-Иерусалимский монастырь, эпоха барокко.

Gerasimova I.V.

Kiev's Metropolis singing
culture in New-Jerusalem
monastery's liturgical
practice of the 2nd part of
the 17th century

Abstract: The article examines the influence of the singing culture of the Kievan metropolitanate on the liturgical practice of the New Jerusalem monastery in the initial period of its existence:

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, выполняемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19-012-00174 19 «Русская духовная музыка эпохи барокко: инципитный каталог»).

the 2nd half of the 17th century. The investigation consistently analyzes the works of three types of choral baroque music brought to Russia by refugees and emigrants from the Belarusian-Ukrainian lands, and transmission and adaptation of these ones in the singing culture of the New Jerusalem monastery.

Keywords: singing culture, Kiev's Metropolis, liturgical practice, New-Jerusalem monastery, and baroque.

Война России с Речью Посполитой, длившаяся с 1654 по 1667 год, спровоцировала приток новых переселенцев, беженцев, эмигрантов из соседних земель Великого княжества Литовского и Украины, привнесших свою культуру и искусство во многие области жизни, в том числе и в литургическую церковно-певческую практику. Одним из центров, где культивировались традиции Киевской митрополии¹, стал Ново-Иерусалимский монастырь, заселенный бывшими монахами Оршанского Кутеинского монастыря по указу патриарха Никона (1605–1681).

Оршанский Кутеинский монастырь, вначале мужской – на одном берегу речки Кутеинки, был основан в 1623 году, а рядом женский – в 1631 году на средства православных князей Анны Огинской и ее сына Богдана Стеткевича. Они же выхлопотали ставропигиальный статус мужскому монастырю, взяв в 1620 году грамоту у Иерусалимского патриарха Феофана и Константинопольского патриарха Арсения. Вскоре монастырь стали называть Лаврой за благолепие богослужения и молитвы, опиравшиеся на традиции Константинопольского патриархата. В книге «Рай мысленный», изданной в Иверском Валдайском монастыре в 1658 году, от имени патриарха Никона о Кутеинской обители говорится следующее: «Бъже тамо Лавра Велика, Святаго Божоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, зовома я Кутейно, близ славно града Оршы: иже бысть глава и начало общему житию во

¹ Киевская митрополия входила в то время в состав Константинопольского патриархата.

всей Бѣлой России и в Литвѣ» [Рай мысленный, л. 102 об.]. Мужской и женский монастыри составляли один монастырский комплекс. При мужском монастыре действовала типография. Возможно, именно опора на греко-балканские традиции в богослужении и привлекла патриарха Никона, пожелавшего перевезти монахов на вечное житье в Московское государство: иноков – в Иверский, а затем в Ново-Иерусалимский монастырь, а инокинь – в московский Новодевичий.

Во 2-й половине XVII века в московскую церковно-певческую практику пришло три вида художественных музыкальных форм западноевропейского барокко: хоровые концерты, гармоническая обработка одноголосных песнопений Киевской митрополии (а также сами песнопения в их одноголосном виде) и внелитургическое творчество – духовная песня (канты и псалмы), часто представленная в виде 3 и 4-голосной партесной обработки. Все эти формы культивировались в Ново-Иерусалимском монастыре. Цель работы – охарактеризовать, каким образом использовались певческие практики Киевской митрополии в Ново-Иерусалимском монастыре, определить круг сохранившихся нотированных источников киевской традиции, использовавшихся в монастырском богослужении, и проанализировать избранный репертуар, в том числе впервые введенный в научный оборот.

В музыковедении церковно-певческая культура Ново-Иерусалимского монастыря в Раннее Новое время не раз становилась предметом изучения в связи с личностью патриарха Никона и его музыкальными пристрастиями [Васильева, Заболотная, Кручинина, Шмидт, 2007; Васильева, Кручинина, Шмидт, 2009]. Музыковеды обращались к изучению библиотеки Ново-Иерусалимского монастыря [Кручинина, 2005; Игнатъева, 2010; Заболотная, 2015]. Рукописные и печатные книги Оршанского Кутеинского монастыря рассмотрены в монографии белорусского исследователя Ю. Лаврика [Лаўрык, 2012, с. 244–254]. Духовной лирикой Ново-Иерусалимской

школы и, в частности, творчеством архимандрита Германа занималась Е.Е. Васильева [Васильева, 2008; 2010; 2011; 2012; 2016]. Сборник кантов конца 1670-х годов, созданный иеродиаконном Дамаскином, был рассмотрен в связи с творчеством композитора Н. Дилецкого, редактировавшего эту рукопись [Герасімава, 2012]. Таким образом, в историографии анализировались отдельные аспекты церковного пения Ново-Иерусалимского монастыря, касающиеся источниковедческого изучения певческих рукописей, репертуара и отдельных музыкальных произведений. Проблема трансмиссии и адаптации певческой культуры Киевской митрополии в певческую практику обители во второй половине XVII века пока не поднималась.

Меньше всего мы знаем об исполнении в монастыре профессиональной партесной формы Киевской митрополии – хорового концерта. В XIX веке был опубликован документ о том, как патриарх Никон просил привезти из Иверского монастыря в Ново-Иерусалимский партесные концерты для переписки: «Видимо нам, великому господину, учинилось, что де у вас в Иверском монастыре певчих книг много. И как к вам ся наша, великого господина, грамота придет, и вам бы прислать к нам в Воскресенской монастырь, с нашим сыном боярским с Самуилом Марисовым девятоголосные кантыки зеленые да осмоголосные псалмы и Миневского обедню, да треголосные концерта. А мы, великий господин, велим их здесь переписать и к вам отошлем» [РИБ, 1878, с. 481–482]. Е.Е. Васильева писала, что в монастыре могли исполняться партесные славники двенадцатых праздников, но неясно, к какому виду формы они принадлежали: к концертам или к обработкам одноголосных песнопений [Васильева, 2016, с. 79].

В двух 4-голосных ранних русских комплектах обнаружился цикл концертов, вероятно, имевших отношение к патриарху Никону. Это певческие комплекты из Владимирской епархии 1672–1673 годов [ГВСИАиХМЗ, В–21652, В–21653,

В-21654, В-21655]² и московского Сретенского монастыря. Последний комплект представляет собой конволют – собрание нот различного времени 2-й половины XVII века, сшитых в партии в конце этого же столетия. Среди них в партиях комплекта выявляются тетради, открывающиеся концертом на вход архиерея в церковь «Возшел еси во церковь» [ГИМ, Син. певч. 1417/1-4]³. Данный литургический текст не был известен в Московском патриархате до середины XVII века. Он пришел из Киевской митрополии, где записывался в Ирмологионах – одноголосных певческих книгах Киевской митрополии, и всегда с болгарским распевом. Впервые в России он фиксируется в нотолинейном Ирмологионе 1660 года, созданном кутеинскими инокинями уже в московском Новодевичьем монастыре [ГИМ, ф. Новодевичьего монастыря, № 104027, л. 481 об., 482]⁴. В болгарском песнопении Киевской митрополии присутствовала строка, вызвавшая особый трепет в московской практике: «и дарует царем христианским на враги победу». В этой строчке содержалась просьба молиться о христианских государях, и такое обобщение теоретически включало туда католиков и протестантов, что грозило суровым наказанием за бесчестие и измену русскому государю [Gerasimova, 2010, p. 292]. В рассматриваемом списке концерта, как и во всех других списках песнопения, записанных в России, заметны стремления изменить эту опасную строку. Если в Новодевичьем монастыре исправили текст «и дарует царю нашему» [ГИМ, ф. Новодевичьего монастыря, № 104027, л. 481 об.], то в Сретенском партесном комплекте певчие отредактировали его предельно узко: «и дарует царю

2 Датировка осуществляется по «Многолетию», в котором упоминается патриарх Питирим, бывший патриархом в 1672–1673 годах. Благодарю А. В. Бульчеву, указавшую мне на данный певческий комплект. В статье он впервые вводится в научный оборот.

3 Хранитель музыкальных рукописей ГИМ А.А. Александрина выяснила, что водяной знак «голова шута», имеющийся в листах тетрадей партий с «Патриаршей» Литургией, может быть атрибутирован 1673–1676 либо 1683–1685 годами. Благодарю А.А. Александрину за предоставленную информацию. Упоминание в концерте «Возшел еси во церковь» царя Алексея сужает датировку тетрадей 1673–1676 годами.

4 Ирмологион Новодевичьего монастыря. 1660 [ГИМ, ф. Новодевичьего монастыря, № 104027].

нашему Алексею на враги победу», что являлось актуальным для времени русско-польской войны 1654–1667 годов, приходившейся на патриаршество Никона. После этого нового для московского богослужения балканского текста в рукописях следует цикл Литургии под названием «Патриарша». В основе Литургии лежат никоновские исправленные богослужебные тексты, что свидетельствует о процессе адаптации киевского партесного стиля к московской церковно-певческой практике. Литургия состоит из номеров: «Единородный Сыне», Малая ектения, «Приидите поклонимся» с частично иосифовским текстом, «Святой Боже», «Елицы во Христа креститесь», Аллилуйя, Сугубая ектения, Херувимская песнь, возгласы перед «Символом веры» «Аминь», «И духови Твоему», «Отца и Сына», «Милость мира», 1-е «Достойно есть», 2-е «Достойно есть», задостойники – Введению Богородицы во храм «Яко одушевленному Божию киоту» с запевом «Величай душе моя» и Литургии Василия Великого «О тебе радуется», причастен «В память вечную» (сверху киноварью подписаны слова причастна среды «Чашу спасения прииму») и окончание службы «Да исполнятся уста наша».

Наличие в Литургии концерта «Елицы во Христа креститесь» предполагало, что служба пелась на Пасху, либо на двенадцатые праздники Пятидесятницы, Рождества Христова и Богоявления. О том, что эта служба могла исполняться на Рождество Христово, свидетельствуют добавочные партесные концертные номера, помещенные в тетради: тропарь Рождества на церковнославянском и на греческом и канон «Христос рождается, славите». Завершало репертуар тетрадой неизменяемое песнопение Утрени «Слава во вышних Богу». Грекоязычная версия концерта рождественского тропаря является пока единственным произведением в русских барочных многоголосных рукописях, написанным на греческий текст⁵. Таким образом, в этих тетрадах просматриваются

⁵ Исключение составляют все виды Ектений – в партесном концертном стиле они всегда поются на греческом языке: «Кирие элейсон».

интересы Московского патриарха по включению греко-балканских и киевских литургических традиций Киевской митрополии и, шире, Константинопольского патриархата в русскую богослужебную практику. Такие предпочтения характеризуют, прежде всего, патриарха Никона и полностью отвечают направленности его церковной политики. Частое служение параллельно знаменным и греческим распевами нам демонстрируют тексты Записной книги выходов патриарха Никона 1655–1656 годов, например: «166-го декабря в 25 день на Рождество Христово <...> “С нами Бог” пели певчие дьяки греческаго перевода. А на изхождение литии государь и патриарх сходил на сход, а стихеры пели протопоп з братьею знаменные. “Слава и ныне” пели певчие с подьяки греческаго перевода, а Стиховну пели певчие дьяки на глас на сходе ж, а “Славу и ныне” пели певчие дьяки с подьяки. На Благословении хлебов тропарь пели дьяки и певчие с подьяки греческаго перевода. Молитву государь патриарх говорил в меньшем греческом облачении; <...> На “Бог Господь” тропарь и седальны по кафизмам пели певчие дьяки с подьяки греческаго перевода <...>. И каноны пели певчие дьяки сподьяки греческаго перевода и кондак, а на 9-й песни государь патриарх раздавал свещи, а припелы на 9-й песни и светилен пели по-гречески» [Голубцов, 1908, с. 291]. Возможно, что-то из греческого репертуара пелось непосредственно на греческом языке. «Патриарша» Литургия могла исполняться там, где физически находился и служил патриарх Никон, в том числе и в Ново-Иерусалимском монастыре. Владимирский комплект партий включает Литургию с ремаркой «Патриарша» краткого состава, в другом тоне/тональности «С-dur» и без добавочных номеров⁶. Устойчивая фиксация данного названия в нескольких списках свидетельствует о соотнесении музыки этого цикла с личностью патриарха и его служением.

6 В цикл «Патриаршей» Литургии этого списка входят песнопения: «Единородный Сыне», Малая ектения, «Приидите поклонимся» с частично иосифовским текстом, «Святыи Боже», Аллилуйя, Сугубая ектения, Херувимская песнь, «Милость мира», 1-е «Достойно есть».

Ново-Иерусалимский монастырь в конце 1670-х годов посещали композиторы-партесники Николай Дилецкий и Василий Титов. Известно, что они исправляли сборник кантов и псалм, написанный ново-иерусалимским насельником иеродиаконом Дамаскином [ГИМ, Син. певч. 1743]. Вполне вероятно, что в монастыре исполнялись не только исправленные ими канты, но и сочиненные ими партесные концерты. С.С. Скребков считал, что Н. Дилецкий жил не в Москве, а в Ново-Иерусалимском монастыре на Истре, и именно здесь воспитал плеяду знаменитых композиторов – Василия Титова, Калашникова, Григорова и Беляева [Скребков, 2018, с. 6]. Хотя эти утверждения не имеют под собой документального основания, но существуют косвенные сведения о связи композитора с обителью. Заглавие «Воскресенский» самого знаменитого произведения Н. Дилецкого – 8-голосного Пасхального канона, могло в рукописях происходить не от названия службы Воскресение Христово, а от наименования Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и исполняться там во время Пасхи. Данный заголовок не означает автоматически, что это сочинение было написано в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, но оно могло там быть услышано певцами и переписано из рукописей со ссылкой на место его исполнения. Такие же заголовки «Воскресенская» содержат и Херувимские песни греческого распева, бытовавшие в монастыре (см. об этом ниже). «Воскресенский» канон имеет киевскую текстовую редакцию, не затронутую никоновской правкой, однако традиция исполнения в монастыре песнопений ирмологионов, включающих дореформенные тексты, свидетельствует о возможности исполнения такой версии текста в Ново-Иерусалимской обители. Существуют и другие идеи по поводу создания канона, не связанные с монастырем. А.С. Цалай-Якименко предлагала гипотезу, основанную на домысле, что Н. Дилецкий в 1690-е годы вернулся в Киев, и создание его знаменитого творения могло быть приурочено к открытию Богоявленского собора в Киеве либо дарованию Киевскому коллегияму статуса Академии [Цалай-

Якименко, 2004, с. 387]. Она же впервые обратила внимание на уникальность названия «Воскресенский» применительно к канону по сохранившемуся нотному реестру Львовского братства 1697 года [Цалай-Якименко, 2004, с. 387]. И действительно, во львовском реестре присутствуют следующие названия пасхальных канонов: «Канон Воскресению», «Другий канон на Воскресение», «Третий канон на Воскресение», «Четвертый канон на Воскресение», «Канон на Воскресение Яжевского на голос 8» [Реестр, 1904, с. 46–49]. В реестре мотетов, «взятых у пана Павловича», О. Шумилина полагала, что под паном Павловичем понимался не кто иной, как Николай Павлович Дилецкий [Шуміліна, 2019, с. 150], присутствует «Канон Воскресенски на 8 голосов» [Реестр, 1904, с. 68]. Канон в описании сопровождается, как и в других списках этого произведения Н. Дилецкого, дополнительными номерами «Христос воскрес», «И нам дарова» [Дилецкий, 1981, с. 78–81], а также стихирами Пасхи. Нетипичное название пасхального канона Н. Дилецкого для подобного рода циклов свидетельствует в пользу гипотезы о связи этого сочинения с Воскресенским Ново-Иерусалимским монастырем.

Приезд игумена Оршанского Кутеинского монастыря с 70 насельниками в Иверский монастырь, строительство которого по благословению патриарха Никона началось за несколько лет до Ново-Иерусалимского – в 1653 году, спровоцировал возмущение и панику у русских иноков обители, сразу почувствовавших разницу в богослужебной культуре киевских и московских земель. Они жаловались в челобитной патриарху Никону, что «наша русская грамота с Кутеинскою не сойдется, с ними вместе по их пети и чести не умеют, и оне наших крылосных людей, священников и дьяконов поставили под стеною, и их не возлюбили, и оне, заплакав, пошли из твоего государева богомолья вон<...> и служебники из служеб пошли, а иные тайно побежали; а священника у нас в монастыре наша руския веры нету ни единого, и нам помереть без покаяния» [РИБ, 1878, с. 136].

Известно, что Никон для проведения своей богослужебной реформы собирал церковные рукописные и печатные книги. Н.В. Заболотная изучила комплекс певческих богослужебных книг монастыря, вложенных патриархом Никоном в 1657–1661 годах и собственноручно им подписанных, и распределила их по трем группам: 1) невменные древнерусские рукописи – сборники; 2) пергаменные певческие рукописи, в том числе домонгольские, состоящие из одной книги; 3) певческие книги Киевской митрополии XVII века – Ирмологионы [Заболотная, 2015, с. 168].

Патриархом Никоном в Ново-Иерусалимский монастырь было вложено два Ирмологиона, отражавших кутеинскую традицию. Первый, надписанный в России «Ирмолой казионный патриарха государя», – кутеинский оршанский Ирмологион 1620–1630-х годов, создан вскоре после образования мужского монастыря⁷ [Ясиновский, 1996, с. 108]. Вторая книга с автографом Патриарха Никона – Ирмологион Оршанского повета местечка Белый Ковель 1652 года, созданный в традициях Кутеинской Лавры, не исключено, что и в самом монастыре [Ясиновский, 1996, с. 153]⁸. Н.В. Заболотная нашла сведения о том, что второй сборник использовался как справочный фонд в Ново-Иерусалимском монастыре: архимандрит Амфилохий отмечал, что «из сего Ирмолая архимандритом Никанором в 1685 году были выписаны нотные песни и стихи (“Тебе одеющагося” и другие), которые пелись в Великую Пятницу и Субботу, слово до слова» [Заболотная, 2009, с. 266].

Ранняя рукопись 1620–1630-х годов была создана в то же время, когда строился Оршанский Кутеинский монастырь и оформлялся его монашеский уклад, ориентированный на греческие образцы Константинопольского патриархата. Это предполагал его ставропигиальный статус, свидетельствовавший о непосредственном подчинении обители Константино-

7 ГИМ, Син. певч. 1381 (1620–1630-е гг.).

8 ГИМ, Син. певч. 1368 (1652 г.).

польскому патриарху. Греческую направленность кутеинской богослужебной практики ярко показывает репертуар раннего Ирмологиона.

В Ирмологионе есть уникальный обиходный раздел греческих и балканских песнопений, как на греческом, так и на церковнославянском языках (Л. 393 об. – 437 об.). Аналога этому разделу нет ни в одном сохранившемся белорусско-украинском Ирмологионе (а их на данный момент насчитывается около 1200 по каталогу Ю.П. Ясиновского и дополнениям к нему) [Ясиновский, 1996]. Традиция греческого пения представлена комплексом литургических песнопений с развернутыми комментариями и возгласами на греческом языке.

В нем присутствуют циклы «Аллилуйи» и Херувимских песен на 8 гласов и другие песнопения Всенощного бдения и Литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого, часть песнопений была переведена на церковнославянский язык. Записанные образцы являются фиксацией с голоса певца, имевшего высокую степень певческого мастерства. Это становится ясно при сравнении с аналогичными записями песнопений из Ирмологионов Манявского скита 2-й половины XVII века, где культивировались афонские традиции. Скитские ирмологионы показывают повседневный вариант обиходных греческих напевов с минимальными мелизматическими украшениями, что можно проследить по Херувимским песням на 8 гласов [Тончева, 1981, с. 347–389].

Начинается ранний Ирмологион с кондака Рождеству Христову греческого напева на греческом языке, вписанного позднейшим почерком, по-видимому, уже в России, скорее всего, в Ново-Иерусалимском монастыре (л. 1). О том, что песнопение фиксировалось с голоса, свидетельствует запись греческого текста, сделанная с многочисленными грамматическими ошибками вследствие незнания писцом этого языка. Чаще всего ошибки встречаются в окончаниях – отсутствуют или неверно записанными оказываются согласные на конце слов, поскольку при пении они могли проглатываться.

Оригинальный греческий текст:

Ἡ παρθένος σήμερον τὸν ὑπερούσιον τίκτει, καὶ ἡ γῆ τὸ σπήλαιον τῷ ἀπροσίτῳ προσάγει· ἄγγελοι μετὰ ποιμένων δοξολογοῦσι, μάγοι δὲ μετὰ ἀστέρος ὁδοιποροῦσι· δι' ἡμᾶς γὰρ ἐγεννήθη παιδίον νέον, ὁ πρὸ αἰώνων Θεός.

Кириллическое воспроизведение в кутеинском Ирмологионе⁹ :

И парфе(и)нос [с]имерон тон иперусио[н] тикти, ке и ке то спилеон то(н) апросито просакти акгели мета пимено(с) [н] доксологуси, макги де мета астеро(н)[с] одипоруси ди имас кгар екгенифи п[и](е)-ди-он (к)[н]е-он, о про(с) (е)[и]-о-нон (о) Фе-о(н)[с].

Пример 1. «Кондак на Рождество Христово»

И пар - фе - е - нос [с]и - ме - рон тон и - пе - ру - си - о[н] тик - ти,
ке и ке _____ то спи - ле - он то а - про - си - то про - са - кти
а - кге - ли ме - та пи - ме - нон до - ксо - ло - кгу - си,
ма - кти де ме - та ас - те - рос о - ди - по - ру - си
ди и - мас кгар ек - ге - ни - фи пи - ди - он не - он, о про и - о - нон _____ Фе - ос.

В двух оршанских Ирмологионах выявляются редчайшие образцы сербского напева – кондак «Взбранной воеводе», известный в двух списках; атрибуция «сербское» присутствует в Ирмологионе киевского Межигорского монастыря середины XVII века [Шевчук, 2008, с. 27]. А в Ирмологионе 1652 года присутствует ремарка «сербское» возле причастна «Хвалите имя Господне» (л. 11) [ГИМ, Син. певч. 1368 (1652 г.)].

⁹ В квадратные скобки взяты отсутствующие буквы, в круглые – излишние либо неверные, которые должны быть заменены на буквы в квадратных скобках.

В основных разделах Ирмологионов просматривается стремление к собиранию как можно большего количества песнопений праздничных служб, причем часто в двух видах – киевского (извода древнего знаменного распева) и болгарского / греческого напевов.

Кроме двух рассмотренных Ирмологионов известно еще о трех певческих книгах кутеинской традиции. Ирмологион 1648 года, написанный в женском Кутеинском Успенском монастыре, использовался в Смоленском Вознесенском монастыре, и сейчас считается утраченным [Ясиновский, 1996, с. 125]. Ирмологион 1652 года был создан в Кутеинском мужском монастыре и затем отдан в Барколабовский монастырь [Ясиновский, 1996, с. 151–152; Лаўрык, 2012, с. 245–246]. Сейчас он хранится в Национальном художественном музее Республики Беларусь. Последний Ирмологион был исполнен уже в России в Новодевичьем монастыре в 1660 году бывшими кутеинскими монахинями [ГИМ, собр. Новодевичьего монастыря, № 104027 (№ 122)]. Все эти Ирмологионы объединяет стиль написания – 2-й формат, оформление, единство в использовании нотных элементов, свойственных книгам 1-й половины XVII века: например, *chronos protos* часто равен целой, присутствует знак бекара в значении бемоля, и, главное, – сходство репертуара с большим количеством песнопений греко-балканского типа.

Помимо Ирмологионов о традициях Ново-Иерусалимского монастыря нам дают представление названия на полях песнопений киевских Всенощного бдения и Литургии. Этот новый обиходный раздел появился в русских крюковых обиходах начиная с последней трети XVII века. Всего мной было выявлено около 40 крюковых и нотолинейных рукописей данного времени, включающих такие разделы [Герасимова, 2016, с. 156–159]. В русских рукописях разделы могли быть озаглавлены: «Всенощное бдение» киевского напева, «Литургия» киевского, болгарского и греческого согласия. В ремарках с заглавиями Херувимских песней, которые могли быть записа-

ны как в одногласном, так и 2-, 3- и 4-голосном изложении, встречаются названия, связанные с Воскресенским Ново-Иерусалимским монастырем. Особенность использования ремарок в русских рукописях заключается в том, что у каждой мелодии могло быть не одно, а несколько заглавий в разных рукописях – до 15 ремарок. И, наоборот, одна и та же ремарка могла объединять ряд песнопений. В таком случае выявление как можно большего количества списков напева и изучение всех сопутствующих ему ремарок могло дать информацию о путях трансмиссии напевов и их бытовании на русских землях. Среди множества вариантов названий в двух напевах греко-балканского происхождения выявились следующие заголовки: в первом – «Воскресенская» и «Иерусалимская», а в другом – «Скитская», «Анзерская» «Херувимская Иеросалимская» «Анзерская Иеросалимская» и «Никоновская» [Герасимова, 2016, с. 140–141, 152]. Очевидно, что ремарки концентрируются вокруг имени патриарха Никона, бывшего монаха Анзерского скита, основателя Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. При этом самая ранняя фиксация в книгах, созданных в России, первого напева греко-балканского типа находится в новодевичьем Ирмологионе 1660 года с ремаркой «виленский» среди подборки «болгарских» Херувимских (л. 19 об.).

Пример 2. Херувимская песнь. «Виленский» напев. Ирмологион Новодевичьего монастыря. 1660 г.

И - же хе - ру - ви - ми, и - же
хе - ру - ви - ми.

Этот факт еще раз подтверждает выявленный путь трансмиссии данных напевов из земель Литовского княжества через кутейнских монахов и монахинь в русскую церковно-певческую практику.

О том, что в Ново-Иерусалимском монастыре культивировались и внебогослужebные традиции Киевской митропо-

лии, свидетельствует сборник кантов и псалмов 1670-х годов, созданный иеродиаконном Дамаскином. Сборник представляет интерес как для изучения псалмов архимандрита Германа, чье творчество подробно рассматривает в своих работах В.В. Васильева, так и для исследования трансмиссии и адаптации кантовой культуры Речи Посполитой в Россию. В нем кириллицей записаны канты и псалмы на польском языке. Сборник является своеобразной лабораторией по переводу «польских» кантов на русский язык, поскольку в нем имеются несколько вариантов оригинальных и переведенных текстов с гармонизациями. По-видимому, гармонизации делал сам Дамаскин, учившийся партесному пению. Анализ показал, например, что гармонизация канта «Боже ласкавы», взятая из трактата Дилецкого, носит ученический характер. Средний голос приписан учеником (возможно, это был такой способ обучения гармонизациям). Внизу мастер – возможно, сам Дилецкий, написал мастерский вариант гармонизации [Герасімава, 2012].

Таким образом, Ново-Иерусалимский монастырь являлся одним из главных центров Московского государства, в котором осуществлялась трансмиссия литургических традиций Киевской митрополии, и шире, – Константинопольского патриархата в московскую церковно-певческую практику. Все виды и формы хорового пения эпохи барокко были представлены в Ново-Иерусалимском монастыре стараниями кутеинских монахов. Степень влияния этих музыкальных традиций на певческую практику Московского патриархата сложно оценить, но уже сейчас понятно, что белорусская Оршанская Кутеинская Лавра во второй половине XVII века во многом повлияла на развитие русского хорового исполнительства и способствовала смене культурной парадигмы в сторону усвоения западных и восточных (греко-балканских) европейских традиций в области музыкального искусства.

Литература

Васильева Е.Е. Богородичные псалмы архимандрита Германа: Новоиерусалимская (Никоновская школа песнотворчества) // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. С. 122–134.

Васильева Е.Е. Новоиерусалимская школа: Германовы гимны Воскресению Христову // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом, 2011. Т. 29. № 2. С. 48–56.

Васильева Е.Е. Новоиерусалимская школа: к предыстории музыки Нового времени // Русское барокко: тенденции и перспективы / Ред.-сост. Н.Ю. Плотникова. М., 2016. Т. 1. С. 78–85.

Васильева Е.Е. Новоиерусалимская школа песнотворчества (по рукописным источникам Российской национальной библиотеки) // Древнерусское песнопение: Пути во времени. Вып. 3: По материалам научной конференции «Бражниковские чтения – 2005». СПб., 2008. С. 161–186.

Васильева Е.Е. Псалмы Ново-Иерусалимской школы и Псалтирь // Древнерусское песнопение. Пути во времени. По материалам научных конференций «Бражниковские чтения» 2008–2009 годов / Сост. и науч. ред. А.Н. Кручинина, Н.В. Рамазанова. – СПб., 2010. Вып. 4. С. 136–162.

Васильева Е.Е., Кручинина А.Н., Шмидт В.В. Патриарх Никон: традиция и современность (Русское певческое искусство второй половины XVII – начала XVIII веков // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. 2007. № 1–2 (38–39). С. 85–112.

Васильева Е.Е., Кручинина А.Н., Заболотная Н.В., Шмидт В.В. Музыкально-литургическое наследие Никонова монастыря Нового Иерусалима // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. 2009. № 2. С. 257–276.

Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора. Выходы патриарха Никона / С предисл. и указ. А.П. Голубцова. М.: Синод. тип., 1908.

Герасимова И.В. «Скитский» напев: пути трансмиссии песнопений Киевской митрополии в Московскую богослужебную практику последней трети XVII – первой половины XVIII вв. // Каллофонія. Наук. зб. з історії церковної монодії та гимнографії, 8 / Р.: Кр. Ганнік, Ю. Ясіновський. Львів, 2016. С. 137–159.

Заболотная Н.В. Явление переходности в истории древнерусского певческого искусства // Театр. Живопись. Кино. Музыка: ежеквартальный альманах. 2015. № 2. С. 162–172.

Кручинина А.Н. Головщик иеродиакон Григорий Жернов: история его книг и деяний // Социальные конфликты в России XVII – начала XVIII веков. Саранск, 2005. С. 284–294.

Рай мысленный. Иверский монастырь, 1658.

[РИБ] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Санкт-Петербург: тип. М. Этингера, 1878. Т. 5. Акты Иверского Святоозерского монастыря / Собран. архим. Леонидом.

Скребков С.С. История музыки. Русская хоровая музыка XVII – начала XVIII веков. 2-е изд. Учебное пособие для СПО. М.: Юрайт, 2018.

Шевчук Е.Ю. О редактировании славянами литургийных текстов в XVI–XVII вв. (припев «аллилуиа» в Херувимских песнях) // Актуальные проблемы изучения церковно-певческого искусства: наука и практика (к 120-летию кончины Д.В. Разумовского). Сборник статей. Материалы международной научной конференции 12–16 мая 2009 года. М., 2011. С. 442 (Гимнология. Вып. 6).

Шевчук Е.Ю. Сербский напев в контексте южнославянского влияния (по материалам украинских и белорусских Ирмологионов XVII в.) // Вестник ПСТГУ V: Музыкальное искусство христианского мира. 2008. Вып. 2 (3). С. 23–54.

Gerasimova I. The 17th Century Choral Concert ‘Vošel esi vo cerkov’ by Nikolai Dileckij: Tracing its Origin and Early Use / Church, State and Nation in Orthodox Church Music: The

Proceedings of the Third International Conference on Orthodox Church Music, University of Joensuu, Finland, 8–14 June 2009. ISOCM, 2010, P. 287–299.

Герасімава І.В. Канты часу швецкага «Патопу» у рускіх спеўніках апошняй чвэрці XVII в. / *Arche*. 2012. № 6. С. 477–491.

Дилецький М. Хорові твори / Упорядкування, редакція, вступна стаття та коментарі Н.О. Герасимовой-Первидської. Київ: Музика, 1981.

Лаўрык Ю.М. Кнігі і кніназборы Куцеінскага Богаяўленскага манастыра ў сярэдзіне XVII ст. Мінск: Тэхналогія, 2012.

Реєстр нотних зошитів, що належали Львівському Ставропігальному братству 1697 р. // Українське музикознавство, Випуск 6. Київ: Музична Україна, 1971. С. 245–251.

Тончева Е. За Болгарский Роспев: Манастирът Голям Скит – школа на «Болгарский Роспев»: Скитски «болгарски» ирмолози от XVII–XVIII в.: В 2 ч. София: Музика, 1981. Ч. 2: Из Болгарский Роспев.

Цалай-Якименко О. Київська школа музики XVII століття. Київ–Львів–Полтава: Наукове товариство ім. Шевченка у Львові, 2002.

Шуміліна О. Хорова fuga з Воскресенського канону М. Дилецького: оригінальна версія // Українська музика, 2019. № 3–4 (33–34). С. 147–150.

Ясиновський Ю.П. Українські та білоруські нотолінійні Ірмолої 16–18 століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів: Видавництво Отців Василіян «Місіонер», 1996. (Історія української музики. Вип. 2: Джерела.)

Приложение

Возшел еси во церковь
Аноним

ГИМ, Син. псвч. 1417/1-4

Discanto

Alto

Tenore

Basso

Во[з] - шел е - си во цер - ковь, ар - хи - е - ре - ю,
Во[з] - шел е - си во цер - ковь, ар - хи - е -
Воз - шел е - си во цер - ковь, ар - хи - е - ре - ю Бо -
Воз - шел е - си во цер - ковь, ар - хи - е -

9

D

A

T

B

ар - хи - е - ре - ю Бо - га Выш - ня - го,
- ре - ю Бо - га Выш - ня - го,
- га Выш - ня - го, [Бо - га] Выш - ня - го,
- ре - ю Бо - га Выш - ня - го,

16

D

A

T

B

хо - тя - ще жерт - ву при - нес - ти Гос - по - де - ви
хо - тя - ще жерт - ву при - нес - ти Гос - по - де -
хо - тя - ще жерт - ву при - нес - ти Гос - по - де -
хо - тя - ще жерт - ву при - нес - ти Гос - по - де - ви

24

D

A

T

B

о сво - их же и о люд - ских не - вѣ - же - стви - их,
- ви о сво - их же и о люд - ских не - вѣ - же - стви - их,
- ви о сво - их же и о люд - ских не - вѣ - же - стви - их,
о сво - их же и о люд - ских не - вѣ - же - стви - их,

33

D но - по-тщи - ся по - слу - жи - ти Го - спо - де - ви, да у - слы -

A но - по-тщи - ся по - слу - жи - ти Го - спо - де - ви, да у - слы -

T но - по-тщи - ся по - слу - жи - ти Го - спо - де - ви, да у - слы -

B но - по-тщи - ся по - слу - жи - ти Го - спо - де - ви, да у - слы -

41

D -шит Гос - подь мо - лит - вы тво - я и да - ру - ет

A -шит Гос - подь мо - лит - вы тво - я и да - ру - ет

T -шит Гос - подь мо - лит - вы тво - я и да - ру - ет

B -шит Гос - подь мо - лит - вы тво - я и да - ру - ет

48

D ца - рю на - ше - му А - ле - ксь - ю на вра - ги по - бь - ду,

A ца - рю на - ше - му А - ле - ксь - ю на вра - ги по - бь - ду,

T ца - рю на - ше - му А - ле - ксь - ю на вра - ги по - бь - ду,

B ца - рю на - ше - му А - ле - ксь - ю на вра - ги по - бь - ду,

54

D свя - тый - шим па - три - ар - хом и о - свя - щен - ным ар - хи - е - ре - ом бо -

A свя - тый - шим па - три - ар - хом и о - свя - щен - ным ар - хи - е - ре - ом бо -

T свя - тый - шим па - три - ар - хо[м] и о - свя - щен - ным ар - хи - е - ре - ом бо -

B свя - тый - шим па - три - ар - хо[м] и о - свя - щен - ным ар - хи - е - ре - ом бо -

62

D - дрость со мо - лит - во - ю, мо - на - хом жи - ти - е без -

A - дрость со мо - лит - во - ю, мо - на - хом жи - ти - е без -

T - дрость со мо - лит - во - ю, мо - на - хом жи - ти - е без -

B - дрость со мо - лит - во - ю, мо - на - хом жи - ти - е без -

70

D - грѣш - но - е и всѣм хри - сти - я - ном дол - го - ден - стви -

A - грѣш - но - е и всѣм хри - сти - я - ном дол - го - ден - стви -

T - грѣш - но - е и всѣм хри - сти - я - ном дол - го - ден - стви -

B - грѣш - но - е и всѣм хри - сти - я - ном дол - го - ден - стви -

78

D - е со здра - ви - ем, мир и ве - ли - ю ми - лость, мир

A - е со здра - ви - ем, мир и ве - ли - ю ми - лость, мир

T - е со здра - ви - ем, мир и ве - ли - ю ми - лость, мир

B - е со здра - ви - ем, мир и ве - ли - ю ми - лость, мир

86

D и ве - ли - ю ми - лость, мир и ве - ли - ю ми - лость.

A и ве - ли - ю ми - лость, и ве - ли - ю ми - лость.

T и ве - ли - ю ми - лость, и ве - ли - ю ми - лость, и ве - ли - ю ми - лость.

B и ве - ли - ю ми - лость, и ве - ли - ю ми - лость.

Памятники
письменности

Е.И. Титовец

Каталог кириллических книг как источник изучения духовной культуры

(по материалам каталогов Центральной научной библиотеки НАН Беларуси)

Аннотация: Каталоги кириллических изданий XVI – первой четверти XVII века коллекции Центральной научной библиотеки НАН Беларуси с полным научным описанием экземпляров предоставляют богатый материал для изучения духовной культуры. Вкладные записи бывших владельцев, игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Евфимия (1575–1587), писателя Симона Азарьина (1645), открывают роль и место книги в общественной и частной жизни человека прошедших веков.

Ключевые слова: каталог, кириллические издания, владельческие записи, игумен Евфимий, писатель Симон Азарьин.

Titovets E.I.

Catalog of Cyrillic books as a source for studying spiritual culture

(based on catalogs of the Central Science Library of NAS of Belarus)

Abstract: Catalogs of Cyrillic books XVI – first quarter of the XVII century from the collection of the Central Science Library of NAS of Belarus with a full scientific description of the copies provide rich material for studying the significance of the book in the spiritual culture of contemporaries. The endowment inscriptions

of owners, Father Superior of the Joseph-Volokolamsk Monastery Euthymius (1575–1587), writer Simon Azaryin (1645) show the role and place of the book in the public and private life of a person of past centuries.

Keywords: catalog, Cyrillic books, endowment inscriptions, Father Superior Euthymius, writer Simon Azaryin.

Дошедшие до нас кириллические издания XVI–XVIII вв. являются ценнейшими памятниками книжной культуры, неиссякаемыми источниками многоаспектной информации. Для выявления всей полноты источниковедческого материала старопечатной книги необходимо ее тщательное изучение и научное описание. Собранная и зафиксированная в каталогах информация с выводами и комментариями авторов-составителей предоставляет материал для дальнейших исследований в разных областях, облегчает научный поиск.

Коллекция кириллических изданий XVI – начала XX в. Центральной научной библиотеки НАН Беларуси (далее ЦНБ НАН Беларуси) насчитывает 548 экземпляров. Книги поступили в фонд отдела редких книг и рукописей в основном в 1965–1991 гг. из резервных фондов Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ныне – Российская государственная библиотека) и других библиотек бывшего СССР, откуда направлялись книги в библиотеки, пострадавшие во время Великой Отечественной войны. Часть книг была куплена у частных лиц, наибольшее количество было приобретено у потомственного старообрядца из Ростова-на-Дону Михаила Стефановича Севастьянова.

Из-за особенностей формирования коллекции бытование экземпляров связано с российскими землями. В минской коллекции хранятся книги из крупных российских православных библиотек: Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Московской, Вифанской, Казанской духовных академий, Московских Епархиальной и Синодальной.

В 2014 г. в библиотеке начата работа по созданию серии каталогов кириллических изданий XVI – начала XX в. Цель: максимально полное научное описание каждого экземпляра кириллических изданий с учетом последних достижений книговедения, составление библиографии и историографии по теме исследования, анализ полученного источниковедческого материала, подготовка баз данных и печатных каталогов.

В настоящее время издано 2 каталога. Каталог кириллических изданий XVI в. (первое издание вышло в 2017 г., второе – в 2018 г.) содержит научное описание 25 экземпляров 20 кириллических изданий XVI в., вышедших из типографий Вильны, Заблудова, Москвы, Острога. Каталог кириллических изданий XVII в. (выпуск 1 (1602–1620-е гг.) вышел в 2019 г.) содержит научное описание 31 экземпляра 25 кириллических изданий первой четверти XVII в., вышедших из российских, белорусских и украинских типографий [Кириллические издания XVI, 2017; 2018, Кириллические издания XVII, 2019].

Для удобства работы с каталогами предусмотрен вспомогательный аппарат, включающий: словарь терминов; указатель изданий по месту и времени выхода, типографиям, печатникам; указатель названий; указатель авторов; указатели географических названий, дат, имен, упомянутых в записях; указатель учреждений-владельцев; список условных обозначений использованной литературы; список иллюстраций; указатель к альбому орнаментики.

Традиционно старопечатная книга описывается, с одной стороны, на уровне издания, все экземпляры которого обладают общими признаками; с другой – на уровне отдельного экземпляра с его уникальными особенностями, дающими богатейший материал для исследования. При составлении каталогов был собран материал, позволяющий раскрыть историю каждого экземпляра, путь книги от ее создания до настоящего времени. Подробно описаны такие индивидуальные особенности экземпляра, как записи, читательские пометы, печат-

ти и штампы, книжные ярлыки. Они позволяют проследить историю книжной миграции, выявить бывших владельцев экземпляра.

Поскольку все описанные в каталоге книги – религиозные издания, характерно, что на одном из первых этапов судьба почти каждой из них была связана с церковью. Вкладные записи в книгах, которые жертвовали, дарили, «вкладывая» в церковь, являются историческими документами, которые можно рассматривать в разных аспектах. Неоспоримо, что им можно доверять полностью, ведь человек, высказывая просьбу о самом для него главном – о здоровье при земной жизни и о спасении души «по смерти», обращался к Богу.

Особенно ценными историческими источниками являются датированные записи. В вышеназванных каталогах их выявлено 73. Составителями была проделана работа по определению личностей авторов записей.

Был установлен владелец экземпляра Евангелия, отпечатанного в Вильне в 1575 г., оставивший в нем около 1575–1587 гг. замечательную вкладную запись: «Сіе Ев(ан)г(е)ліе тетр печатное положил игүмен Евфіміе в селѣ А(н)гг(е)ловѣ. І кто бѹдет поп в тои ц(е)ркви слүжител, и томү попу поминати, игүмена в животѣ за здрав(и)е а по смерти за упокои, да рвдители егв Івна да иноку Маринү, да слүжащаг(о) в с(вя)тѣм храмѣ сем с(вя)щенноінока Мисаила, понеж вн велію вѣрү имѣл кѣ Пр(е)ч(и)стѣи Б(огоро)д(и)ци, и давал по д(у)ши своей сію книгу с(вя)тое Ев(ан)г(е)ліе, да паникадило мѣд[ан]о да колоколы, на вѣчнүю памат.

А пвдписал сам игүмен Еоуфіміе, Б(о)га ради г(о)с(под)не с(вя)щенник ім(я)р(е)кѣ слүжачіи вѣ с(вя)тѣм храмѣ семь Успеніа Пр(е)с(вя)тыа Б(огороди)ци незабвены имѣ и д(у)ша н(а)ша вѣ с(вя)тых своих м(о)л(и)твах. А Ев(ан)г(е)ліе сіе прочитаи съ страхом і съ трепетом и с великим бжеженіем æк пред самым Х(ри)с(т)омѣ і Б(о)гом предстоиш» [Евангелие, 1575, с. 1] (ил. 1).

Анализ материалов из различных источников, сравнение почерка позволили нам определить, что автором за-

писи является Елеазар Иванович Турков (ранее 1524 – после 1.10.1587), принявший в 1551 г. постриг под именем Евфимий [Клосс: электронный ресурс].

Расположенное недалеко от Москвы село Ангелово привлекло внимание монахов Иосифо-Волоколамского монастыря. В 1532 г. село вместе с деревнями было куплено за 400 рублей и кунью шубу. Согласно писцовой книге 1574 г., в Ангелове находились церковь, монастырский двор, два крестьянских двора и прочие хозяйственные постройки [Мачульский: электронный ресурс].

С Иосифо-Волоколамским монастырем была тесно связана судьба Евфимия Туркова. В течение 12 лет он был учеником бывшего архиепископа новгородского Феодосия. В 1560-е гг. Евфимий был назначен уставщиком монастыря, следил за правильным проведением церковных служб, пополнением синодиков, в 1571–1572 гг. он стал также исполнять обязанности монастырского казначея [Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова, 2005, с. 839]. Сан игумена Иосифо-Волоколамского монастыря 26 июля 1575 г. он получил по требованию самого царя Ивана Грозного.

Иосифо-Волоколамский монастырь был одним из крупнейших книжных центров на Руси, занимал в интеллектуальной и духовной жизни общества особое место. Настоятели монастыря, в их числе и игумен Евфимий, были участниками важнейших церковных и земских соборов.

В своей записи игумен Евфимий обращается к последующему служителю церкви с просьбой о поминовении его родителей. Благодаря записям самого Евфимия сохранились сведения о его семье. Отцом Евфимия был Иван Иванович Турков, умерший 14 ноября 1524 г. [Клосс: электронный ресурс]. Мать происходила из дворянского рода Ямских, в иночестве носила имя Марина.

Сохранилось прощальное письмо Марины Турковой своему сыну, начинающееся следующими словами: «В пречестную обитель пречистыа богородица честнаго и

славного ея успения от старицы Марины сыну моему Еуфимию поклон». Оно дошло до нашего времени в списке, сделанном Евфимием Турковым (почерк списка письма и почерк вкладной записи в экземпляре ЦНБ НАН Беларуси похожи) и озаглавленном им как «Последнее благословение ... ра[бы божи]а государыни моей матери преподобные старицы Марины» [Зимин, 1963, с. 137].

Список помещен на внутренней стороне переплета Каноника, написанного Евфимием Турковым в 1575–1587 гг., включающем очень важные для него документы личного характера – текст его духовной грамоты и предсмертной исповеди, краткий семейный летописец, в котором записаны даты его пострига, смерти отца, деда и дяди [Ключевский, 1871, с. 415–416]. В письме мать благословляет сына и просит после смерти внести ее имя в синодик («сенаник вечной») для поминовения.

Иосифо-Волоколамский монастырь был центром организации заупокойных богослужений. Большое внимание здесь уделялось ведению синодиков, особых памятных книг с именами живых и мертвых, поминаемых священником во время отправления служб. Система поминаний, разработанная в Иосифо-Волоколамском монастыре в XVI в., стала образцом для крупнейших русских монастырей.

Основателем монастыря Иосифом Волоцким была введена практика, которая предполагала разделение на повседневное поминание и на поминание, вписанное в синодик и зависящее от размера вклада [Алексеев: электронный ресурс]. В «вечные» записывались имена крупных вкладчиков «на веки». Пожертвования ради спасения души были разнообразными: церковная утварь, богослужебные книги, хозяйственные принадлежности, хлеб, домашний скот, одежда, деньги и недвижимое имущество. В данном случае игумен давал на вечный помин души Евангелие, медное паникадило и колокола.

В своей вкладной записи игумен Евфимий просил также о поминовении души священноинока Мисаила. В публикации, посвященной инокам Иосифо-Волоколамского монастыря, упоминается Мисаил (священноинок, 1571) [Дайкстра, 2007, с. 279].

Завершает запись напутствие своему преемнику, служителю церкви, – образец высокой духовной ценности Евангелия для глубоко верующего человека того времени. Рядом с записью – подпись-росчерк игумена Евфимия, представляющая собой лигатуру из первых букв его имени.

Это Евангелие хранилось в коллекции старообрядца из Ростова-на-Дону Стефана Федоровича Севастьянова (1872–1944), в 1973 г. книга была приобретена библиотекой у его сына Михаила Стефановича Севастьянова (1922–2006) [Титовец, 2016, с. 263–267].

Запись на экземпляре служебной Минеи 1622 г. показывает некоторые элементы ритуала, каким являлся вклад книги в храм. Так, один из жертвователей в церковь преподобного Никона Радонежского в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, монах Варсонофий Рогачев, подписал экземпляр на обороте последнего листа: «Сию книгу Менею оеврал(ь) строител(ь)¹ старец Варсунооеи Рогачовъ приложил и подписал своею рукою лѣта 7153[1645] году июля 25 д(ня)» [Минея служебная, 1622, с. 274] (ил. 2). В начале книги помещена полистная запись другим почерком об этом вкладе, но уже от имени монастырской братии, которая сыграла роль и получателей, и свидетелей. В записи отмечен факт вклада, осуществленного старцем Варсонофием, и просьба инока о его «д(у)шевном сп(а)сении Б(о)га молити». «А какъ Б(о)гъ ево по д(у)шу сошлет и нам ево поминат(ь) какъ и прочию братию» – отмечают монахи свою обязанность [Минея служебная, 1622, с. 5–6, 8–16].

Судя по книжным знакам, экземпляр впоследствии находился в московских библиотеках Духовной академии, Сино-

¹ «Строитель» в данном случае, вероятно, – заведующий монастырскими вотчинами или ключарь, экононом.

да, а затем в Музее книги Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина [Кириллические издания XVII, 2019, с. 284].

Жертвуя книгу, ее владелец хотел, чтобы его вклад «вовсе» оставался в церкви и гарантировал его поминовение. «Книга о священстве» Иоанна Златоуста (Львов, 1614) послужила вкладом келарю Троице-Сергиева монастыря, знаменитому писателю XVII в. Симону Азарьину, который «лѣта 7173г(о) [1645] дал в двм живнначалное Тро(и)цы в Сергиевъ м(о)н(а)ст(ы)рь сию кн(и)гу келарь старецъ Симон Азарьин ввѣрки неутемлемъ никому» [Иоанн Златоуст, 1614, с. 1–145; Скурко, 2017, с. 175–179] (ил. 3). В записи нет указания, что это была последняя воля келаря, но дата показывает, что это было сделано перед смертью.

Аналогичные записи были сделаны Симоном Азарьиным на многих других книгах из его библиотеки, однако передать их монастырю владелец не успел. Они поступили в библиотеку монастыря после смерти Симона Азарьина в 1674–1676 гг. Сохранился их список, в нем 97 книг, данный экземпляр отмечен как «Книга Златоуст Освящение, поддесть, печать литовская» [Клитина, 1979, с. 298–312].

Библиотечные пометы позволяют представить следующий путь движения книги. В библиотеке Троице-Сергиевой Лавры книга хранилась под № 297, в фундаментальной библиотеке Вифанской духовной семинарии – под № 982, в Музее книги Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина экземпляров «Книги о священстве» Иоанна Златоуста (Львов, 1614) было более десяти, данный экземпляр был 15-м по счету [Кириллические издания XVII, 2019, с. 196].

Книги, некогда находившиеся в Троице-Сергиевом монастыре (Миня служебная, февраль. Москва, 1622; «Книга о священстве» Иоанна Златоуста. Львов, 1614), в 1965 г. поступили в отдел редких книг ЦНБ НАН Беларуси.

Таким образом, каталоги кириллических изданий XVI – первой четверти XVII в. Центральной научной библиотеки НАН Беларуси с подробным описанием каждого экзем-

пляра, с приведением текстов вставок, рукописных записей, помет, книжных знаков бывших владельцев предоставляют богатый материал для осмысления значения книги в духовной культуре своего времени. Вкладные записи бывших владельцев, которые подытоживали их жизненный путь, показывали их последнюю волю, открывают роль и место книги в общественной и частной жизни человека прошедших веков.

Литература

Алексеев А.И. Иосифов Волоколамский (Волоцкий) в честь Успения Пресвятой Богородицы монастырь // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. <http://www.pravenc.ru/text/673721.html> (дата обращения: 16.08.2019).

Дайкстра Т. Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов: историческая семантика имени / Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2007. Вып. 2. С. 238–298.

Духовная грамота и исповедь Евфимия Туркова / подгот. текста, пер. и коммент. Л.А. Ольшевской // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. СПб., 2005. Т. 13. С. 692–717.

Евангелие. Вильна, 1575.

Зимин А.А. Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой // Лингвистическое источниковедение: сб. ст. / Отв. ред. С.И. Котков. М., 1963. С. 136–139.

Иоанн Златоуст. Книга о священстве. Львов, 1614.

[Кириллические издания XVI, 2017] Кириллические издания XVI века из коллекции Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси: каталог / Нац. акад. наук Беларуси, Центр. науч. б-ка им. Якуба Коласа; сост.: Е.И. Титовец (отв. сост.) [идр.]; редкол.: А.И. Груша (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2017.

[Кириллические издания XVI, 2018] Кириллические издания XVI века из коллекции Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси: каталог / Нац. акад. наук Беларуси, Центр. науч. б-ка им. Якуба Коласа; сост.: .И. Титовец (отв. сост.) [и др.]; редкол.: А.И. Груша (гл. ред.) [и др.]. 2-е изд. Минск: Беларуская навука, 2018.

[Кириллические издания XVII, 2019] Кириллические издания XVII века из коллекции Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси: каталог / Нац. акад. наук Беларуси, Центр.

науч. б-ка им. Якуба Коласа; сост.: Е.И. Титовец (отв. сост.) [и др.]; редкол.: А.И. Груша (гл. ред.) [и др.]. 2-е изд. Минск: Беларуская навука, 2019. Вып. 1: 1602–1620-е гг.

Клитина Е.Н. Симон Азарьин (Новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1979. Т. XXXIV.

Клосс Б.М., Кузьмин А.В. Евфимий // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/187717.html> (дата обращения: 16.08.2019).

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

Мачульский Е.Н. Ангелово // Красногорье. [Электронный ресурс]. URL: <https://krasnogorsk.jimdo.com/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE/> (дата обращения: 16.08.2019).

Миняя служебная, февраль. Москва, 1622.

Скурко П.Д. “А что за темъ книгъ останетца – роздати по пустынямъ и по убогим манастыремъ”: лёс кнігі ў расійскіх завяшчаннях і кніжных інскрыпцыях XVI – XVII стст. // Матэрыялы міжнароднага кангрэса “500 гадоў беларускага кнігадрукавання”, Мінск, 14–15 верасня 2017 г.: у 2 ч. / Нацыянальная бібліятэка Беларусі; [складальнік А.А. Суша]. Мінск, 2017. Ч. 1: XIII Міжнародныя кнігазнаўчыя чытанні. С. 175–179.

Титовец Е.И. Кириллические издания XVI в. из коллекции Севастьяновых // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы V Междунар. науч. семинара (Минск, 19–20 апр. 2016 г.) / МААН, Совет по книгоизданию, Центр. науч. б-ка Нац. акад. наук Беларуси; редкол.: Л.А. Авгуль [и др.]. Минск; М., 2016. С. 263–267.

Т.А. Опарина

Патриарх Никон и конфискованные книги «литовской печати»

Аннотация: Статья посвящена анализу позиции патриарха Никона к благочестию Киевской митрополии на примере его книжного собирательства. Патриарх Никон проявлял интерес к книгам Киевской митрополии, ранее осужденным патриархом Филаретом как еретические. В конце 20-х – начале 30-х гг. XVII в. эти книги изымались из обращения и прятались. Патриарх Никон забрал их себе. Они оказались нужны ему для готовящейся церковно-обрядовой реформы.

Ключевые слова: благочестие Киевской митрополии, книжная справа, церковно-обрядовая реформа.

Oparina T.A.

Patriarch Nikon and the confiscated books of “Lithuanian publishing houses”

Abstract: The article is devoted to the analysis of the position of Patriarch Nikon to the piety of the Kiev's Metropolis on the example of his book collecting. Patriarch Nikon was interested in the books of the Kiev's Metropolis, previously condemned by Patriarch Filaret as heretical. These books were withdrawn from circulation and hidden in the late 20s – early 30s of the 17th century. Patriarch Nikon took them for himself from the until second half of the 17th century. He needed the books for the upcoming church-ritual reform.

Keywords: Piety of the Kiev's Metropolis, editing church books, church-ritual reform.

Тема отношения Патриарха Никона к книжной продукции православной Киевской митрополии крайне обширна. В данной работе предполагается рассмотреть лишь один эпизод книжного собирательства предстоятеля. В 1652 г. только что вступивший на кафедру Патриарх Никон распорядился перевести на Патриарший двор из Казенного двора книги, которые «заделаны были в полатке» [РГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 34. л. 460 об.]. Постараемся понять, о чем идет речь и почему книги оказались «заделаны» (замурованы) на Казенном дворе.

Тема спрятанных книг относит нас к концу 20-х – началу 30-х гг. XVII в. Этот период ознаменовался масштабной кампанией [Булычев, 2004], начатой русскими духовными и светскими властями по изъятию из русских храмов и торгового обращения книг «литовской печати», т.е. опубликованных на территории Речи Посполитой. Конфискации предшествовала литературная полемика. В 1626–1627 гг. русскими богословами были признаны неканоничными два украинско-белорусских произведения: «Катехизис» Лаврентия Зизания [Прение Литовскаго протопопы Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленного Лаврентием Катихизиса; Корзо; Опарина, 2012-1] и «Евангелие Учительное» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого [Маслов, 1984; Опарина, 1998; 2000; 2012-2]. Если первый из осужденных авторов приезжал в Россию для публикации своего сочинения, то второй никогда не бывал в Московском государстве и даже не обращался к русскому монарху ни с какими просьбами. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий в период гонений на православие, начавшееся после подписания Брестской унии 1596 г. и ликвидации православной церковной иерархии, выступил одним из решительных борцов за веру предков. В 1619 г. в частных передвижных типографиях (Рохманове и Евье) он сумел опубликовать текст, который считал полезным для сохранения православия. Им стал сборник проповедей – «Евангелие Учительное». Со-

чинение еще до издания, вероятно, встречало критику православных Речи Посполитой. Сохранился достаточно негативный отзыв Иова Княгинецкого на «Исповедание веры» [Голубев, 1883, с. 218–234] Кирилла Транквилиона. Исследователи обычно видят под этим заголовком подготовительные материалы к «Евангелию Учительному» или другому произведению Кирилла Транквилиона-Ставровецкого – «Зерцалу Богословия». Но автору удалось получить поддержку львовского православного епископа Иеремя Тиссаровского. Имя пастыря упомянуто в заголовке печатной версии «Евангелия Учительного».

С восстановлением православной иерархии в 1620 г. последовали новые запрещения «Евангелия Учительного». На Киевском соборе 1625 г. митрополит Иов Борецкий вынес определение о неканоничности этого, изданного шестью годами ранее, сочинения. Постановления собора представляли собой перечень обвинений к «Евангелию Учительному», прежде всего в следовании католическим постулатам. Они содержали рекомендации автору исправить текст в строго православном духе. В том виде, в котором существовало издание, иерархи запретили его распространение. «Евангелие Учительное» было признано недопустимым для православной паствы: «никому от православных и благочестивых христиан ни в церквах, ни в домех не держати, ни чести, ни покупати». За нарушение звучала угроза проклятия [Опарина, 1998, с. 370]. Возможно, реакцией автора на подобную критику стал переход в унию, изначально им не принимаемую. В 1626 г. Кирилл Транквилион-Ставровецкий сменил вероисповедание и был определен архимандритом черниговского Елецкого униатского монастыря.

Несомненно, текст Постановлений Киевского собора оказался знаком русским властям. В октябре 1627 г. он попал в распоряжение патриарха Филарета. «Тетради» с определениями собора, вероятно, привез в 1625 г. в русскую столицу монах Киево-Печерского монастыря Афанасий Китайчич.

На новой родине духовный иммигрант был назначен игуменом Никитского монастыря в Переяславле-Залесском. По мнению А.А. Юдина, значительную роль в передаче киевского текста сыграл его покровитель в России – архиепископ Суздальский и Тарусский Иосиф Курцевич [Польско-литовские материалы в азбуковнике Давида Замарая и украинское окружение патриарха Филарета, 2019, с. 146].

Афанасий Китайчич 1 октября 1627 г. по просьбе русских духовных властей передал им определения Иова Борецкого о произведении Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого. Патриарх Филарет, проявив заинтересованность, попросил указать на печатном экземпляре «Евангелия Учительного», какие именно положения Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого вызвали несогласия киевского митрополита. Афанасий Китайчич проставил по листам замечания. Таким образом, помимо «тетрадей», он вернул патриарху Филарету помеченный на полях экземпляр «Евангелия Учительного»: «которые ереси обрел и те подписывал, пометы ставил».

Очевидно, что выходцу из Речи Посполитой не доверяли. Его материалы в ноябре 1627 г. патриарх Филарет отдал на апробацию русским богословам – проявившему себя в диспуте с Лаврентием Зизанием богоявленскому игумену Илье и ключарю кремлевского Успенского собора Ивану Наседке. Они еще раз сверились с печатной версией и дополнили «тетради» своими критическими замечаниями. В результате двойного редактирования Постановлений Киевского собора 1625 г. получился русский текст Прений с «Евангелием Учительным» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого [Опарина, 1998, с. 367–394]. В списках указывалось, что на оригинале стояла подпись дьяка Патриаршего Дворцового приказа Григория Иванова.

Таким образом, появился текст с осуждением «Евангелия Учительного» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого. Это переработанное в несколько этапов сочинение выглядит цельным и завершенным. Остается лишь ответить на вопрос,

в силу каких причин в книжном потоке, идущем из Киевской православной митрополии, в России в качестве объекта критики было отобрано именно сочинение Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого? В тексте русских Прений мотивацией проверок указано лишь на присутствие сочинения в Московском государстве. Например, список РГАДА начинается с фразы: «Привезены к Москве из Литвы литовския печатныя книги Кирилова слогу Транквиллиона Ставровецкого. И тѣх книг дана одна книга для выписки никитскому игумену Афанасью...».

Видимо, в Россию поступила крупная партия изданий «Евангелия Учительного». Надо полагать, что после запрета сочинения Киевским собором 1625 г. книготорговцы Речи Посполитой не могли реализовать экземпляры на родине. Одновременно в России уже начали действовать ограничительные предписания о провозе любых украинско-белорусских текстов [Булычев, 2004]. Несмотря на это, купцы попытались непроданные или отданные владельцами как неправославные книги Кирилла Транквиллиона переправить на рынки России. Очевидно, торговцы были остановлены. Власти обнаружили запрещенный товар и начали тщательное изучение вопроса об ортодоксальности «Евангелия Учительного», с привлечением как украинского, так и русских богословов. Они решили остановить наплыв в Россию неканоничных книг.

Вскоре после создания текста Прений русскими властями были предприняты шаги по созданию цензурных ограничений по отношению в целом к «книгам литовской печати». В 1626 г. появилась серия указов, в которых был провозглашен категорический запрет на покупку и продажу как рукописных, так и печатных «литовских книг» в пределах Московского царства. Купцов из Речи Посполитой, занимающихся книготорговлей, предписывалось возвращать назад; русским людям покупать эти книги возбранялось. Мотивацией указов 1626 г. стало наличие достаточного количества книг «московской печати». В указах ничего не говорилось о диспу-

тах с Лаврентием Зизанием в Книжной Палате на Казенном дворе, более того, не был созван русский церковный собор о степени каноничности ни данного произведения, ни всей литературы Киевской митрополии. В нем обоснованием московской практики по отношению к «книгам литовской печати» стала «еретичность» текста Кирилла Транквилиона-Ставровецкого¹.

В указах 1627 г. в первой части речь шла о мерах действительного ограничения распространения этого сочинения. Если киевский собор предписывал «что тѣх книг нового Кириллова сложения Евангелия Учительного никому от православных и благочестивых христиан ни в церквах, ни в домех не держати, ни чести, ни покупати; а кто начнет... тѣ книги в церквах или в домѣх держати, или чести или покупати, и таковыя да будут прокляты»², то указы, составленные в московском Разрядном Приказе, гласили: «чтоб однолично литовских книг Кириллову слогу никто у себя не держал и впредь никто никаких книг литовской печатных и писменных не покупал, а кто впредь учнет литовские книги покупати и тѣмъ людям от нас быти в великом градском наказании, а от отца нашего в духовном наказании и проклятии» [СГГД, ч. 3, М., 1822, № 77, с. 298].

Получалось, что в России выполнили решение Иова Борецкого, киевского митрополита. Казалось, речь идет о полном совпадении представлений двух кафедр о том, что соответствует православному канону, а что выходит за его пределы. В действительности же у русских властей была своя позиция. Более того, постановление киевского собора 1625 г. было использовано в Москве для обоснования запретов на всю

1 Списки с окружных грамот о конфискации и сожжении книг Евангелия Учительного Кирилла Транквилиона: [СГГД, М., 1822, ч. 3, № 77, л. 298–299] – список 1627 года с окружной грамоты на Верхотурье; Дворцовые разряды, СПб., 1851, т. 1, стб. 980–982 – список с 1628 года окружной грамоты в Путивль; РГБ, собр. Ундольского, № 522, л. 422–424, ГИМ, собр. Уварова, № 1966(36)(473), л. 281–283, РНБ, собр. Титова, № 1385(699) л. 15–17 – списки с окружной грамоты в Нижний Новгород; [Оглоблин, 1901, т. 4, с. 26] (ф. 214, оп.3, стб. 13, л. 37–40); [Шишонко, 1882, с. 276] – список с окружной грамоты 1628 года в Тобольск; [Харлампович, 1914, с. 111–112].

2 Киевская митрополия, находившаяся в католической Речи Посполитой, не имела возможности иных санкций, помимо анафемы [Опарина, 1998, с. 370].

печатную продукцию единовенной кафедры. Во второй части указов говорилось уже о разнообразных текстах, и на практике оказалось, что словами иерархов Киевской митрополии в России осуждалась вся украинско-белорусская книжность. Указы 1627 г. стали продолжением линии указов 1626 г. Если первоначально было обозначено прекращение доступа книг, то теперь была начата кампания по их изъятию. Требовалось всеобщее оглашение постановлений, конфискации книг, опубликованных или написанных в восточнославянских землях Речи Посполитой, сожжения книг и отправки в столицу описи книг и их владельцев. Интересно, что большая партия «книг литовской печати» находилась в Разрядном приказе. Она была отправлена на Патриарший двор, причем была компенсирована их стоимость (168 рублей) [РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 14 (Севский стол), 1628, стб. 80, л. 23–24].

Недвуслысленная формулировка указов 1627 г. требовала от воевод уничтожения «неблагочестивых» книг на местах: «собрати и на пожарех сжечь, чтобы та ересь и смута в мирь не была» [СГГД, № 77, с. 299 в других копиях указов]. Прецедент уже имелся. Известен факт публичного сожжения 60 экземпляров книг «Евангелия Учительного» в Москве на Красной площади [Дворцовые разряды, 1851, с. 821–822; Петров]³. Но далее сведениями о новых кострах из украинско-белорусских книг мы не располагаем. Вероятно, это аутодафе было единичным и показательным.

Судя по отпискам, воеводы избегали сами производить уничтожение книг аутодафе, а отправляли книги в Москву на

³ Но кроме этого публичного и демонстративного сожжения «Евангелий Учительных» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого, практика сожжений могла предназначаться и для русских изданий. Позже, в 1633 г. патриарх Филарет распорядился выявить и сжечь весь тираж Церковного Устава (М., 1610, редактор – старец Логгин), найдя издание ошибочным (указ издан в ААЭ, СПб, 1841, т. 3, стб. 902).

Патриарший двор⁴. Очевидно, на Патриаршем дворе собранные книги просматривали и отбирали «неблагонадежные» и подозрительные, среди которых могли оказаться и необходимые. Одну из присланных в Москву книг («Молитвенник киевской печати») патриарх Филарет пожелал оставить в своей библиотеке [АМГ, т. 1, № 279, л. 311] («а книжку государь Филарет Никитич оставил у себя, государя»). Экземпляр запрещенного издания «Евангелия «Учительного» Кирилла Транквилиона также вошел в книжный фонд патриарха [Володихин, 1993, с. 108], как и «Катехизис» Лаврентия Зизания [РИБ, СПб., 1876, т. 3]. Сочинения активно использовались справщиком Московского Печатного двора Давидом Замараем [Юдин, 2017; 2018; 2019-1; 2019-2; 2020].

Изъятая «неблагочестивая» литература, конфискованная на территории Московского государства, не уничтожалась. Прояснить судьбу собранных таким образом изданий и рукописей позволяет небольшой фрагмент в Расходной книге Патриаршего Казенного приказа. В ней два раза названы «книги литовской печати». Сначала они упомянуты под 1627 г.: «Генваря в 1 день по памяти из Розряда за приписью дьяка Гаврила Леонтьева взято из Розряда у торговых людей 4 листа немъцкого железа за 4 алтына (дано). Для литовских печатных книг для подписи да отпаянья 6 денег (дано). Да от подписных слов дано иконного ряду торговому человеку Ивашку Гаврилову гривна (дана). Да каменного ряда подмастерью Марку Шарутину с тремъ человекомъ, которые ть литовские книги на Казенном дворе в каменной

4 АМГ, СПб, 1890, т. 1, № 201, с. 224 – 225 – отписка 1628 г. в Разрядный приказ Торопецкого воеводы о конфискации книг Евангелия Учительного Кирилла Транквилиона (публ. по тексту: [РГАДА, ф. 210, оп. 9 (Московский стол), стб. 38, л. 126–137]); [РГАДА, ф. 210, оп. 12 (Белгородский стол), стб. 460, л. 19–22] – отписка 1628 г. в Разрядный приказ Путивльского воеводы о богослужебных книгах, взятых по указу Филарета Никитича из Молчановского монастыря; [РГАДА, ф. 199 («Портфели» Г.Ф. Миллера), оп. 1, № 133, ч. 3, д. 205] – отписка Туруханского зимовья откупщика в Мангазее о сыске двух книг Кирилла Транквилиона); [Воссоединение Украины с Россией, 1953, № 53] – отписка 1630 г. рьльского воеводы в Разрядный приказ с извещением о посылке в Москву для просмотра книг «литовской печати» (публ. по тексту: [РГАДА, ф. 210, оп. 9 (Московский стол), стб. 325, л. 524–526]; АМГ, СПб, 1890, т. 1, № 279, с. 311] – отписка Путивльских воевод об отобраании у торгового человека Ивана Кобылякова Молитвенника, опубликованного в Киевской братской типографии (публ. по тексту: [РГАДА, ф. 210, оп. 9 (Московский стол), стб. 54, 1629–1630, л. 343]).

полатке задъльвали, на два дни корму 6 алтынъ 4 деньги. Писана память декабря въ 14 день» [РГАДА, ф. 235 (Патриарший Казенный Приказ), оп. 2, 1626–1627, № 1, л. 463–463 об.]. Затем о них говорится в 1630 г., когда вновь была оплачена работа по «заделыванию» «книг литовской печати»: «Октября в 23 день по памяти за приписью дияка Гаврила Леонтьева двумя человекомъ каменщиком кормъ на день по алтыну человеку: заделывали на государевом Казенном дворъ в полату печати литовские книги. Да извощику 4 деньги дано: возил книги с Патриарша двора на Казеной двор» [РГАДА, ф. 235, оп. 2, 1628–1631, № 3, л. 601]. Таким образом, согласно этим записям, в 1627 г. «книги литовской печати» изымались в иконном торговом ряду (место книжной торговли). За изъятые книги получил деньги, как небольшую компенсацию, торговый человек иконного ряда. Затем на книги составили опись («подпись»), скрепленную печатью (которую плавил – «отпаивали»). Далее, по списку, книги отвезли на Патриарший двор, а оттуда – на Казенный двор. И хотя оба приказа располагались на одной площади Кремля, изъятых книг, вероятно, было столь много, что их приходилось возить на извозчике. И самое главное, в помещении Казенного двора, видимо, в Книжной палате, подготавливалась специальная каменная комната (и в документах два раза зафиксированы выплаты за работу каменщиков). Не исключено, что комната была снабжена и обитой жостью дверью, быть может, на это пошли «листы немецкого железа» (жести). Судя по второй записи, в 1630 г. производились новые работы в «каменной полатке». Так как царские указы продолжали действовать (и это видно по отпискам воевод), чиновники отправляли «недозволенные» книги в Москву. Источники отражают и постоянные поиски книг в самой Москве. Очевидно, старого помещения для книг стало не хватать, и в 1631 г. потребовалось или его расширение, или постройка новой комнаты для книг.

Наиболее вероятно, «каменная полатка», в которой «заделывали литовской печати книги», была своеобразным

«фондом специального хранения» [Опарина, 2002]. Причем отведено ему было место не на Патриаршем дворе. Вероятно, в резиденции патриарха не могли присутствовать столь «неблагочестивые» книги в столь большом количестве. Комплекс конфискованных книг был помещен в светском приказе – хранилище государственных ценностей – Казенном дворе. Таким образом, было создано недоступное для читателя место. Попавшие в «каменную полатку» книги оказались просто замурованными, когда книги и не жгли, и не читали. В силу каких причин книги береглись, почему требование сожжений реализовалось в практике изъятия и отправки в Москву: считалось ли святотатственным их уничтожение, рассматривались ли они как материальная, или, быть может, и культурная ценность – вопросы остаются открытыми. Указы 1627 г. не были отменены, но, вероятно, они стали терять свою актуальность со смертью патриарха Филарета в 1633 г. [Булычев, 2004].

Перелом в отношении к православию не московской традиции относится к началу 40-х гг. XVII в. [Флоря, 2019], а окончательное изменение этого отношения – к периоду правления Патриарха Никона. Яркий пример новой, принципиально невозможной для 20-х гг. XVII в. позиции по отношению к «книгам литовской печати», иллюстрирует дальнейшая судьба замурованных изданий. Они не пропали, не сгнили в «каменных полатках». К ним обратился Патриарх Никон, очевидно, предполагавший использовать их в книжной справе. Предстоятель готовился к масштабной церковно-обрядовой реформе, собирая древние рукописи и ценные печатные издания. Уже в декабре 1652 г. он выделил деньги из Патриаршего приказа на их приобретение [Севастьянова, 2003, с. 50].

Чуть ранее, в октябре 1652 г., Патриарх Никон предусмотрительно забрал себе некогда конфискованные книги, которые «заделаны были в полатке» [РГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 34, л. 460 об.]. То есть предстоятель вернул их из Казенного двора на Патриарший двор.

Впоследствии в келейных библиотеках Патриарха Никона находилось много изданий, которые теперь назывались «киевскими». Судя по описям в Воскресенском монастыре, у предстоятеля были «Слово на латинов» Максима Грека (ок. 1620), «Цветник, или Лимонарь» Иоанна Мосха (1628), Киево-Печерский патерик (1635), «Номоканон» (одно из трех изданий 1620-х гг. или издание типографа М. Слезки во Львове) и изданный в Остроге сборник сочинений Иоанна Златоуста «Маргарит» (1595). В личной библиотеке монаха Никона, собранной в ссылке в Ферапонтовом монастыре, числились: изданные в Киеве две книги «Бесед» на Деяния апостолов свт. Иоанна Златоуста (1623 и 1624), «Требник» Петра Могилы (1646) и Острожская Библия (1581) [Севастьянова, 2006; 2009]. Таким образом, возвращение на Патриарший двор некогда изъятых книг «литовской печати» было частью единой позиции предстоятеля по отношению к благочестию православной Киевской митрополии.

Литература

Булычев А.А. История одной политической кампании XVII века: законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

Володихин Д.М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII века. М., 1993.

Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1953.

Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883. Т. 1. Прил. 35.

Дворцовые разряды. СПб., 1851, т. 2.

Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: Становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007.

Маслов С.И. Кирилл Транквилион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев, 1984.

Оглоблин Н.И. Обзорение столбцов и книг Сибирского Приказа (1592–1798), М., 1901.

Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998.

Опарина Т.А. Прения с «Евангелием Учительным» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого в русской богословской полемике XVII в. // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 185–193.

Опарина Т.А. «Книги литовской печати» в «спецхране» Московского Кремля // Славяноведение. 2002. № 2. С. 140–148.

[1] *Опарина Т.А.* Запрет «Катехизиса» Лаврентия Зизания и опала Ивана Грамотина: возможная связь событий // Федоровские чтения, 2011. М., 2012. С. 187–214.

[2] *Опарина Т.А.* Прения с «Евангелием Учительным» Кирилла Транквилиона-Ставровецкого в рукописи НИОР РГБ // Записки отдела рукописей РГБ. Т. 54. М., 2012 / с. 192–208.

Петров К.В. Собакинский летописец первой половины XVII в. (статья в печати).

Польско-литовские материалы в азбуковнике Давида Замарая и украинское окружение патриарха Филарета // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. № 9.

Прение Литовскаго протопopa Лаврентия Зизания съ игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленнаго Лаврентием Катихизиса / Ред. Н.С. Тихонравов // Летописи занятий русской литературы и древностей. Москва, 1859. Т. 2. Ч. 2.

Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003.

Севастьянова С.К. О келейных библиотеках патриарха Никона // Каптеревские чтения. М., 2006. Вып. 4. С. 90–123.

Севастьянова С.К. Келейные книги патриарха Никола в Ферапонтовом монастыре // Библиотекосведение. 2009. № 5. С. 48–52.

Флоря Б.Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019.

Харлампович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.

Шишонко В.Н. Пермская летопись. Второй период: 1613–1645. Пермь, 1882.

Юдин А.А. Белорусско-украинские источники словарных статей московского Азбуковника // Берковские чтения. 2017. Книжная культура в контексте международных контактов (Материалы IV Международной научной конференции). 2017. С. 452–456.

Юдин А.А. Азбуковник Давида Замарая: «польско-литовские» материалы // Рукописи, старопечатные и редкие книги в собраниях России (сборник научных статей). 2018. С. 169–198.

[1] *Юдин А.А.* Польско-литовские материалы в азбуковнике Давида Замарая и украинское окружение Патриарха Филарета // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. № 9. С. 144–156.

[2] *Юдин А.А.* Рукописи азбуковника Давида Замарая (к проблеме соотношения списков) // Библиосфера. 2019. № 1. С. 36–41.

Юдин А.А. Азбуковник справщика Московского печатного двора Давида Замарая: время и слово // Quaestio Rossica. 2020. № 4. С. 1132–1142.

Г.В. Киреева

Списки произведений Димитрия Ростовского в фонде Национальной библиотеки Беларуси

Аннотация: В статье рассматриваются списки произведений Димитрия Ростовского в фонде Национальной библиотеки Беларуси. Рукописные книги датируются XVIII веком и дают представление о бытовании книг митрополита, интересе к его трудам.

Ключевые слова: произведения Димитрия Ростовского, рукописные книги, Национальная библиотека Беларуси, XVIII век.

Kireeva G.V.

Lists of works by Dimitry Rostovsky in the collection of the National library of Belarus

Abstract: The article examines the lists of works by Dimitry Rostovsky in the collection of the National library of Belarus. Handwritten books date back to the 18th century and describe existence the Metropolitan's books, interest to his works.

Keywords: manuscripts, National library of Belarus, works by Dimitry Rostovsky, 18th century.

Коллекция рукописных книг Национальной библиотеки Беларуси начала собираться сразу со дня ее основания в 1922 г. В ее фонды поступили части библиотек национализированных книжных собраний Минской и Могилевской духовных семинарий, Минского церковного историко-археологического комитета, церквей, монастырей, учебных заведений и т.д. Наряду с этим правительство выделяло деньги на приобретение старопечатных книг, рукописей, литературы на иностранных языках, научной литературы и периодики. В 1925 г. при подготовке к юбилейным мероприятиям к 400-летию начала белорусского книгопечатания Франциском Скориной в тогдашнем Ленинграде была приобретена коллекция книг первопечатника и 65 рукописей [Киреева, 2014].

В мае 1929 г. в Минске находился в командировке известный ученый-исследователь старой письменности В.Н. Перетц из Ленинграда. По результатам изучения коллекции он опубликовал краткое описание рукописных памятников, это было первое описание коллекции славянских рукописей Государственной библиотеки БССР им. В.И. Ленина, ныне Национальной библиотеки Беларуси (далее – НББ) [Перетц, 1934]. В фонде научно-исследовательского отдела книговедения НББ хранятся несколько списков трудов святителя Димитрия Ростовского (Туптало Даниил Савич; митрополит Ростовский и Ярославский; 1651–1709).

В библиотеке сохранилась рукописная опись коллекции рукописей, в которую внесено описание 196 книг и архивных документов на церковнославянском, русском, польском и других языках. Опись была составлена до прибытия в Минск В.Н. Перетца, исследователь ссылался на нее в своем указателе.

Треть рукописных книг, описанных ученым, не вернулась после Великой Отечественной войны в фонд библиотеки. Но три рукописных списка, связанных с именем митрополита, сохранились: «Руно орошенное», «Сборник слов и поучений», «Известие о новоявленных мощах с[вя]тителя Димитрия ми-

трополита ростовского чудотворца в Ростове, в [1]752 году в октябре м[еся]це. Смиренаго Димитрия митрополита ростовского и ярославского написал сие в вечнуге окаянства своего ползу».

Рукописная книга «Руно орошенное» Димитрия Ростовского [Перетц, 1934, с. 185, № 89] насчитывает 143 л., но первоначальная нумерация начинается с 8 л. и завершается л. 150. Формат – в четвертую долю листа. Текст написан выцветающими черными чернилами, разделы киноварью, полууставным письмом двумя почерками. В.Н. Перетц датирует ее началом XVIII в. Переплет дефектный: сохранилась только нижняя доска переплета, покрытая кожей и треснутая посередине. Вместо верхней крышки приплетен лист плотной бумаги с одной стороны синего цвета. Имеются две застёжки разного вида, одна восстановлена и прикреплена к доске переплета полоской кожи и закреплена тремя гвоздиками, «собственная» – двумя. На нижней крышке переплета слепое тиснение растительным орнаментом.

Сборник поучений и описаний «чудес» Богоматери Димитрия Ростовского «Руно орошенное» был напечатан несколько раз в Чернигове. В 1677 г. в новгород-северской типографии вышла анонимная книга «Чуда девы Марии», автором которой был Димитрий Ростовский. Это сочинение в переработанном виде было впоследствии названо «Руно орошенное» и неоднократно издавалось в Чернигове (1683, 1689, 1691, 1696, 1697, 1702, 50-е гг. XVIII в.). Книга содержит описания 24 чудес от образа иконы Богоматери в Ильинском Черниговском монастыре, сопровождаемые краткими беседами, нравоучениями и прилогами, или назидательными примерами [Нечаев, 1849, с. 223]. Видимо, она имела успех благодаря тому, что описанные в ней «чюдеса» были связаны с конкретными случаями из текущей жизни и представляли интерес для современников [Каменева, 1959, с. 243].

На титульном листе рукописи воспроизводится название книги, а также обозначено «чюдо А» (первое) «во царство

пресветлаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича...». На обороте титула помещено посвящение Лазарю Барановичу «преосвященному господину отцу лазарю/ба // рановичу православному архиепископу черниговскому новгородскому и всего севера //». В конце рукописи воспроизводятся выходные данные издания 1683 г., напечатанного при царствовании Иоанна и Петра Алексеевичей, патриархе Иоакиме. Однако по объему рукопись и печатная книга немного отличаются. В издании 1683 г. полный объем составляет: 1 тит. л., 5 нн., 1 грав., 1–106, 1 нн., всего 114 л. В рукописи почти на 30 листов объем больше.

В печатном экземпляре на первых листах помещены два предисловия, обращенные к читателю, и «на книжку», поясняющие название книги. Затем напечатаны стихи на польском языке, подписанные Лазарем Барановичем. В рукописи отсутствуют оба предисловия, стихотворения, а также изображение образа Троице-Ильинской Богородицы. Вероятно, эти листы были, так как нумерация, проставленная переписчиком рукописи, начинается с 8 листа. Неизвестны владельцы книги, можно предположить, что эти тексты не соответствовали мировоззрению владельца и их не стали переписывать.

Оформление рукописи без украшений, киноварь использована только в названиях: «РОСА ЛЮБВЕ, Юже пречистая дева паче естественны ми от иконы своя слезащ чюдесне и яви Азь о всяком немощнем воспланахся, водохнувже видевь мужа вбедах. Чюдо А (1)». Только первый раздел выделен заглавными буквами, последующие «чюда» выносились на поля.

В послесловии «Конец книжки, но не чудов Пресвятой Богородицы» (л. 136 об. – 138) видно, что переписчик не всегда понимал текст. В издании на л. 104 напечатано: «в книзе Петра Дамиана», в рукописи же: «в книзе петра да Дамиана» (л. 137). В заключение помещен рассказ, заимствованный из западных сочинений «О клирике некоем», каждый час при бое часов молившемся Богородице [Каменева, 1959, с. 260].

Автор сравнивает себя с ним, так как описал 24 чуда, по числу часов в сутках: «оумслих, мало подражая блаженнаго клирика онаго: двадесят четыре чудес на похвалу и славу Деве Богородице в сей книжице списати с беседами и нравоучении в число двадесяти и четырехъ часовъ их же день с нощию в себе заключает» (л. 138 об. – 139).

В конце рукописной книги, так же как и в печатной, помещены переписанные «Погрешения типографския читателю разсудныи», в которых сказано, что вина их «... яко погрешениям многим виною есть зде непритомность издателя книжицы сея, отстояше бо далече во ином послушании», а прочее «остави разсуждению твоему, < >, любовь бо покрывает множество согрешений»¹. Последнее слово в печатном издании вместо «согрешений» напечатано «погрешений».

«Сборник слов и поучений» поступил в фонд НББ в 20-е гг. XX в. из собрания Минской духовной семинарии. Произведения святителя были очень популярны на протяжении столетий и их неоднократно переписывали. На пустом листе в начале рукописи, возможно, переписчиком, написан заголовок: «Слова Димитрия Ростовского», а сверху над записью поставлен номер «№ 14». Однако эту надпись перечеркнули, считая, вероятно, что содержание сборника не является авторством святителя. Но большинство текстов, помещенных в ней, имеются в книге, изданной в 1786 г.: «Собрание разных поучительных слов и других сочинений с[вя]таго Димитрия митрополита Ростовскаго чудотворца» [Димитрий Ростовский, 1786]. При сравнении рукописных и печатных текстов выявлены лишь незначительные расхождения. Как, например, в печатном издании в Слове на Вознесение: «...праздником, или плачевным нареши...» [Димитрий Ростовский, 1786, с. 46], в рукописи – «... праздником, или печалным нареши...» (л. 81 об.), иногда переставлены слова, как в Слове в неделю ваии, в рукописи: «... растяще множество древес масличных» (л. 136 об.), в издании же «... множество растящее» [Димитрий Ростовский, 1786, с. 61] и т. д.

¹ Записи приведены в современной транскрипции.

В рукописи 34 слова и поучения написаны «круглой» скорописью, как считал В.Н. Перетц, но почерк близок к полууставному письму, легко читается. Также исследователь считал, что писец – украинец, так как в тексте есть мена «и – ы» и т. д. [Перетц, 1934, с. 183, № 71], а также различное использование знаков «у» и «оу». Вероятно, к переписыванию книги приложили руку два человека, потому что, начиная с 166 л., почерк меняется. Весь текст написан коричневыми чернилами. Рукопись в четвертую долю листа, содержит 285 листов. В конце книги видны следы вырванных листов. Два из первых трех нумерованных листов с надписями сохранились фрагментарно. Фолиация проставлена писцовая. Страницы по боковым краям очерчены линией, имеются кустоды. Названия отдельных глав выполнены выцветшей киноварью. Переплет полукожаный, на картон наклеена цветная бумага, крапчатый обрез.

В конце книги на нахзаце имеется надпись о послушании в Киево-Печерской лавре, о принятии монашеского пострига, посвящении в иеродиаконы. В иеромонахи автора посвятил митрополит Павел (Петр Конюскевич), епископ Православной Русской Церкви, митрополит Тобольский и Сибирский [Иконников, 1892]. Надпись начинается с 1766 г., заканчивается 1771 г.

В 1853 г. в Ярославле была опубликована книга протоиерея Иоанна Троицкого «История губернского города Ярославля» по случаю празднования пятидесятилетнего юбилея Ярославского Демидовского лицея [Троицкий, 1853]. В ней довольно кратко описана история города, пребывания в нем Димитрия Ростовского. В фонде НББ хранится рукописная книга этого автора «История древняго города Ростова», значительно расширенная по сравнению с печатным изданием. Автор посвятил рукопись «Ея Императорскому Величеству Благочестивой Государыне Императрице Марии Александровне Всеподданнейшее приношение Протоиерея Иоанна Троицкаго. 14 Августа 1858 г.». В конце рукописи вpletена

литография гравера И.Т. Шелковникова (1847 г.) «Кремль, или бывший Архиерейский дом в Ростове» с планом города. В рукописи 389 страниц, многие из них отводятся описанию деятельности Димитрия Ростовского в Ярославле. Книга в картонной обложке, покрытой зеленым бархатом, название выполнено тиснением краской, имитирующей золото.

В таком же переплете находится еще одна рукопись, связанная с Ростовской землей: «История Древней Ростовской Епархиальной Иерархии», подписанная протоиереем Иоанном Троицким также 14 августа 1858 г. В книге в разделах 54–77 (с. 195–287) описана биография, духовная и творческая деятельность Димитрия Ростовского, а также его почитание. Третий отдел книги посвящен митрополитам Ростовским и Ярославским. Обе рукописи написаны красивым писцовым почерком на плотной белой бумаге, ни кустод ни сигнатур в рукописных книгах нет.

Императрица Мария Александровна посетила Ярославль в августе 1858 г. [Тютчева, 2004, с. 403], вероятно, именно к ее приезду и подготовил протоиерей свои книги, рассчитывая вручить ей при встрече. Возможно, они и были переданы ей и впоследствии попали в личную библиотеку. На рукописях нет никаких владельческих помет, свидетельствующих об этом. Обе рукописные книги до Второй мировой войны находились в фонде Белорусского государственного музея, куда могли попасть после национализации в начале XX в., когда конфискованные частные и монастырские собрания передавались в библиотеки и музеи всей большой страны.

Рукопись митрополита «Летописец келейный» НББ приобрела у частного лица в 1996 г. Помимо самого Летописца в экземпляре включены «Завещание св. Димитрия Ростовского и Ярославского», «Молитва Дмитрия митрополита Ростовского и Ярославского на исход души своей», а также его жизнеописание. Можно предположить, что рукопись была создана в промежутки 1760–1774 гг., так как бумага с водяным знаком ярославской фабрики датируется 1765 г. [Клепиков, 1959, с. 71,

№ 771]. В списке имеется запись переписчика 1774 г., в конце книги на последнем листе – 1763 г. Однако этот лист отличается качеством бумаги и был подклеен явно после реставрации.

Книга написана средним полууставом, пометы на полях выполнены скорописью, л. 320 списан другим почерком. Размер в лист: 32,4 x 20,5 см, объем – 320 л. Фолиация и сигнатуры отсутствуют, их заменяют пометы указательного характера XIX в. Обозначены только тетради 2 и 3 по 8 л. на первом листе каждой тетради в центре нижнего поля. Переплет изготовлен при реставрации книги владельцем в 1989 г.: доски в ледерине коричневого и коже черного цветов, кожаный корешок – коричневого. На верхней и нижней крышках переплета имеется блинтовое и имитирующее тиснение золотом. На обрезе сохранилось тиснение XVIII в. На форзац наклеен экслибрис предыдущего владельца – Тадеуша Зеленского из Гродно, над которым наклеена цветная миниатюра на евангельский сюжет, выполненная пером и красками (в акварельной манере). Рядом с миниатюрой помещена запись карандашом – «около 1780».

Рукопись украшена тонкими киноварными, с орнаментальными завитками растительных форм инициалами. На полях рукописи имеются ссылки, написанные мелким полууставом, и пометы скорописью (рукою писца?) толкового и уточняющего характера; а также карандашные пометы гражданского письма XIX в. Бумага рукописи беловато-желтоватого цвета, грубая, плотная; л. 320 отличается от других – бумага серого цвета и более мягкая. Экземпляр не очень хорошей сохранности, поля листов вверху почти по всей рукописи залиты водой, местами коричневые чернила расплылись и поблекли. При реставрации л. 1–2, 317–320 были подклеены по углам, на листах остались следы капель восковой свечи. «Летописец келейный» известен во многих редакциях, к какой относится этот экземпляр, пока не удалось установить.

Рукопись «Известие о новоявленных мощах с[вя]тителя Димитрия митрополита ростовскаго чудотворца в Ростове, в [1]752 году в октябре м[еся]це. Смиренаго Димитрия митрополита ростовскаго и ярославскаго написал сие в вечнуге окаянства своего ползу» написана гражданской скорописью [Перетц, 1934, с. 182, № 58] в конце XVIII в. В ней всего 32 листа в четвертую долю, шесть из которых пустые. Бумага рыхлая, светло-бежевая, имеется водяной знак. На книге сохранился довоенный шифр белорусского отдела НББ: «Бо9/74». Рукопись заключена в бумажную цветную обложку. Текст ограничен двумя прочерченными вертикальными линейками, которые есть также на пустых листах. Начинается список с краткого размышления о суете жизни, о грехах, о смерти «Смирен[н]аго Димитрия митрополита Ростовскаго и Ярославскаго написал сие в вечнуге окаянства своего ползу», чаще принято «сие в некую окаянства моего пользу» [Нечаев, 1849, с. 101]. Всего в рукописи описаны 25 «чудес», включены «Элегия или теология сочиненная преосвященным Димитрием митрополитом Ростовским и Ярославским»: «О коль страшен ад, о коль лжив мир, о коль лебезен рай, о коль слеп ч[е]л[о]век, о коль кратко время, о коль долга вечность» (л. 26) (ил. на с. 208), тропарь и кондак святителю. Собственно, весь список посвящен обретению мощей и памяти митрополита, который в апреле 1755 г. был причислен к лику святых.

Произведения Димитрия Ростовского изучаются на протяжении столетий [Державин, 2006; Лабынцев, 2009; Нечаев, 1849, Попов, 1910; Шляпкин, 1891]. Много списков его трудов дошло до нашего времени, что свидетельствует о непреходящем интересе к творчеству митрополита, каждая сохранившаяся рукопись имеет большое значение для выявления разночтений, изучения распространения произведений, их бытования. Хотя, «как всякий иерей, Д[имитрий] имел при себе штат писцов, которые изготовляли беловые списки его крупных произведений» [Федотова, 1987, с. 268], их не хватало, и тогда рукописи снова переписывались, чтобы можно было пользоваться трудами митрополита.

Литература

Державин А.М. Радуют верных сердца: Четии-Минеи Димитрия, митрополита Ростовского, как церковноисторический и литературный памятник / Александр Державин, протоиерей – М.: ИХТИОС: Журнал «Новая книга России», 2006. Ч. 1. (Памятники церковной письменности: приложение к журналу «Новая книга России».)

Димитрий Ростовский. Собрание разных поучительных слов и других сочинений с[вя]таго Димитрия митрополита Ростовскаго чудотворца: на шесть частей разделенное, с приложением и жития его. Первым тиснением. М.: [Синодальная типография], 1786. Ч. 1–2.

Иконников В.С. Павел Конюшкевич, митрополит Тобольский. 1758–1768 гг.: заметки по поводу новых о нем материалов // Русская Старина. 1892. Март (№ 3). С. 697–705.

Каменева Т.Н. Книгопечатание в Чернигове (1646–1818) / Т.Н. Каменева // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 8. С. 267–313.

Киреева Г.В. О происхождении коллекции книг Франциска Скорины в фонде Национальной библиотеки Беларуси / Киреева Г.В. // Матэрыялы Х Міжнародных кнігазнаўчых чытаньняў «Кніжная культура Беларусі XVI – сярэдзіны XVII ст.: да 440-годдзя выдавецкай дзейнасці Мамонічаў», Мінск, 17–18 красавіка 2014 г. / [склад.: Г.У. Кірэева, Т.А. Сапега, А.А. Суша; рэдкал.: Р.С. Матульскі (старшыня) і інш.]. Мінск, 2014. С. 51–57.

Клепиков С.А. Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М.: изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959.

Лабынцев Ю.А. Библиотека святителя Димитрия / Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.М.; Департамент культуры г. Москвы, Управление культуры Центрального административного округа г. Москвы, Библиотека украинской литературы, Отдел истории украинской книги. Москва: [б. и.], 2009.

Нечаев В. Святой Димитрий, митрополит Ростовский / соч. студента Московской духовной акад. Василия Нечаева. М.: тип. В. Готье, 1849. II, 203, [3] с.

Перетц В.Н. Рукописи Библиотеки Московского университета Самарских библиотеки и музея и Минских собраний. Л., 1934.

Попов М.С. Святитель Димитрий Ростовский и его труды / свящ. М.С. Попов. – СПб.: [скл. изд. у авт.], 1910. – [4], 350, [2] стр., с 17 ил.: портр.

Троицкий И.Д. История губернского города Ярославля, составленная законоучителем студентов Ярославского Демидовского лицея, протоиереем Иоанном Троицким, по случаю празднования в сем заведении пятидесятилетнего юбилея 6 июня 1853 года. Ярославль: тип. Губ. правления, 1853.

Тютчева А.Ф. [При дворе двух императоров]: воспоминания: [перевод с франц.] / Тютчева А.; под ред. Л.В. Гладковой. — Новое, значительно расширенное изд. М.: Захаров, 2004. 591, [1] с., [4] л. ил. (Биографии и мемуары).

Федотова М.А. Димитрий [Ростовский] / М.А.Федотова // Словарь книжников и книжности Древней Руси: [в 3 вып.] / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. – Вып. 3: XVII в., ч. 1. А – З / [предисл. Д. Буланина]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1992 (1993). С. 258–271.

Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.) / исследование И.А. Шляпкина. СПб., 1891. XIV, 460, 102, III с.

С.К. Севастьянова

Развитие идей Патриарха
Никона о духовном образе
Русского государства, русской
народности и Православной
Церкви в новонайденном
сочинении о нем

Аннотация: В статье высказаны предварительные наблюдения о литературных особенностях новонайденного анонимного сочинения о Патриархе Никоне, которое в одном из списков «Возражения» – самого известного полемического произведения Патриарха Никона, продолжает заключительную главу и завершает книгу. Поставлена задача исследования нового произведения в контексте русской литературы переходной эпохи и идейной борьбы, где актуализировались и получили остроту темы о духовном образе Русского государства, русской народности и Православной Церкви. А также указана необходимость изучения новонайденного сочинения в тесной связи с «Возражением» и сочинениями ревнителей благочестия первой волны.

Ключевые слова: «Возражение» Патриарха Никона, новонайденное сочинение о Патриархе Никоне, тема государства и Церкви в русской литературе конца XVII в., литературные сочинения ревнителей благочестия.

Sevastyanova S.K.

Development of Patriarch
Nikon's ideas about the spiritual
image of the Russian state,
Russian nationality and the
Orthodox Church in a newly
found writing about him

Abstract: The article makes preliminary observations about the literary peculiarities of the newly found anonymous writing about Patriarch Nikon, which is in one of the lists of the

“Objections” – the most famous polemic work of Patriarch Nikon, and continues the final chapter and completes the whole book. The task is to study a new writing in the context of Russian literature of the transitional period and the ideological struggle, when the themes of spiritual image of Russian state, Russian people and the Orthodox Church became especially actual and acute. The author of the article pointed out the need to study the new writing in close connection with the “Objection” and the works of the jealous of piety of the first wave.

Keywords: The “Objection” of Patriarch Nikon, the newly found writing about Patriarch Nikon, the theme of state and Church in Russian literature of the late 17th century, literary works of zealots of piety.

В процессе сверки текстов известных нам списков «Возражения» Патриарха Никона на вопросы боярина С.Л. Стрешнева и ответы на них газского митрополита Паисия Лигарида в рукописи рубежа XVII–XVIII вв. – РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.), № 9427 (посл. четв. XVII в.) [опис.: Севастьянова, 2007, с. 238] – обнаружен один, в котором 27-я глава на л. 455–485¹, завершающая книгу, обрываясь, получает продолжение, отсутствующее в других списках. Несмотря на отсутствие названия и помет, отмечающих начало нового текста, замечаний об авторе или переписчике, топографических указаний и имен, мы, детально изучив это повествование, склонны считать, что перед нами самостоятельное анонимное сочинение учительного-назидательного характера. Текст издан [Севастьянова, 2014], но не исследован в его литературных и тематических связях с «Возражением». Поэтому выскажем ряд предварительных наблюдений, по которым можно составить общее представление о нем. Дальнейшее изучение сочинения, осмысляющего личность Патриарха Никона, идеи и деяния Первосвятителя, должно быть направ-

¹ Здесь и далее ссылки на листы рукописи проставлены в тексте; после цитаты – в круглых скобках. Текст цитируется по правилам ГОДРЛ: конечные ь и ь опускаются, но сохраняются в середине слов, как и буква ъ; титла раскрываются без оговоренности.

лено на рассмотрение его в контексте русской литературы переходной эпохи и идейной борьбы, где актуализировались и получили остроту темы о духовном образе Русского государства, русской народности и Православной Церкви – главные в новонайденном сочинении.

Визуальная особенность текста – многочисленные пометы в квадратных скобках внутри строк и между ними. Эта деталь делает его внешне похожим на текст завещания-устава Патриарха Никона, список которого в данной рукописи также пестрит межстрочными вставками разного содержания. Пометы в обоих случаях сделаны рукой основного текста. Однако в новонайденном сочинении вставки и дополнения достаточно разнообразны и не ограничиваются, как в завещании Патриарха, только указанием на его авторство. Часть правок (Далее выделены курсивом. – Авт.) подчеркивает убеждение Никона, неоднократно им высказываемое и базирующееся на словах свт. Иоанна Златоуста о священстве, которое «больше царской власти»: Церковь «От архиереа убо [*а не от царя*] молитвами освятися и елеом святым помазася» (л. 459); «Виноград есть Церковь христианская, апостолом, патриархом и прочим архиереом, яко дѣлательм тоя [*а не царем земном*], врученная от Господа». Содержание других помет украшает стиль, делает его витиеватым: «междоусобства всепрезлая» (л. 466 об.), «предподаждь» (л. 468); «всепреприятно» (л. 469 об.), «превозлюбленнии» и «всепрекрасному» (л. 472); «предреченных» «предстрашных и предужасных» (л. 474 об.), «богопреддостойныя» (л. 477 об.), «всепредзлобнаго» (л. 482 об.). Судя по содержанию ряда помет, они сделаны при сверке с оригиналом: восстановлены пропущенные слова и фразы: «в память от зла того до познания своего пришли» (л. 458), «яко да оставят тии начинание» (л. 462 об.), «непокровенный от благодати Божия... человѣк» (л. 464 об.); произведены лексические замены: «освященнаго» на «совершеннаго» (л. 480 об.), «инока» на «монаха» (л. 484 об.), «созираю»

на «созерцаю» (л. 485) и др. Внимательно вычитывая текст, писец делал пометы на полях рукописи, отмечая отдельные фрагменты и темы.

Еще одна стилистическая особенность сочинения – смена повествователя; изложение ведется то от лица анонимного автора, то от лица Патриарха Никона: «Божиею милостию Никон патриарх не от скудости ума словеса изрек» (л. 455); «И аще восхощет царь и государь с Никоном патриархом се сотворить... готов есмь и сему всему наследователю быть. И не отрицаюся сего, аще Господь ми повелит. Яко еще и при избрании моем на патриаршество сия словеса глаголах царю во свидѣтельство» (л. 455 об.); «И аз о сем, Никон, Божиею милостию Патриарх, тако да возглаголю к вам» (л. 464); «Благодушествуяй, Никоне – побѣды тезоимените, и на большее терпѣние препояшися» (л. 484). Этим своим качеством новонайденное сочинение напоминает 26-е возражение, где чередуется изложение от первого и третьего лица. Примечательно, что в «Возражении» и анонимном сочинении смена повествователя характеризует фрагменты, содержащие биографические сведения о Никоне, которых, кстати сказать, практически лишены духовно-назидательные и эпистолярные сочинения самого Патриарха. По-видимому, в руках составителя имелись либо записи самого Никона – это объясняет голос Первосвятителя, либо собственные записи о нем – тогда звучит голос компилятора. Анализ содержания новонайденного сочинения и помет в нем ставит задачу разделения авторской и Никоновой «партий» в структуре произведения; а исследование стилистических и лексических особенностей речевого поведения повествователя позволит очертить круг писателей, которые могут быть причастны к составлению данного сочинения.

Между тем уже сегодня можно заключить, что его автор был человеком творческим и талантливым. В тексте встречаются рифмованные строки с выдержанным размером, которые отличаются от случайной рифмы. Вот, например, строки

с намеренной смежной рифмой («краесогласиями») и особым ритмом: «И якоже бо солнце сияет во тмѣ сѣдящим, / такожде и о святых словеса нам слыша́щим. / И якоже бо небо украшается звѣздами, / сице и церкви Божия святых па́мятьми. / Или яко и цвѣти всепрекрасно разцвѣтающие на полях, / такожде и памяти святых во церква́х» и т.д. (л. 457 об.). Заметно чередование рифм: женской (на предпоследний слог), мужской (на сильный слог), дактилической (на третий от конца слог). Для сравнения приведем строки с рифмой случайной: «страннаго в дом свой вовести, мертваго погребсти, и за вся сия спасение приобрѣсти» (л. 459); «зѣло // разума мало, памяти в нем ничтоже остало» (л. 462–462 об.).

Подбор источников, на которые опирался автор, выдает в нем человека начитанного. Прежде всего, это книги, содержащие каноническое учение о Православной Церкви и вере, церковные и светские законы для управления Церковью и церковным судом: «Книга о вере» (1646); «Кормчая» (1653); «Стоглав» (1551). Автор активно использует святоотеческие толкования символики служения литургии – древнерусскую компиляцию «Толковая служба» и печатную книгу «Скрижаль» (1655–1656). Авторитетным учителем русского монашества им признается прп. Иосиф Волоцкий, из сочинения которого «Просветитель, или Обличитель», сделаны выписки о соборной молитве. Проводя параллель между Патриархом Никоном и митрополитом Филиппом в их борьбе с царским произволом, автор привлекает ряд сочинений, бытовавших в XVII в. в рукописной традиции: «Запрещение о тафьях» и маргиналию из предисловия к «Новому Маргариту» князя Андрея Курбского [Зеленская, Севастьянова, 2018]. Содержание молитв к Богородице, вкладываемых в уста Патриарха, черпается из акафистов пресвятой Богородице и праздникам, а вот содержание личных молитв Никона составляется из фрагментов богословского трактата начала XV в. «О подражании Христу» (Дельский мон., 1647), одним из авторов которого считается немецкий католический монах Фома Кемпийский.

Многочисленные примеры из истории иудейского народа, заимствованные из книг Ветхого Завета, и истории русского народа, известные автору из отечественных летописных источников, свидетельствуют не только о его интересе к истории вообще, но и о желании побудить читателей и слушателей учиться у прошлого и в решении современных проблем использовать исторический опыт. Для обличения оппонентов и врагов Церкви используются зооморфные образы из книги «Дамаскина архиеереа Студита <...> о нѣких собствах естества животных» – хамелеон, мышь, змей, лев. Указанные источники позволяют оценить тот литературно-книжный контекст, при помощи которого создан многогранный образ Патриарха Никона, охарактеризовано поведение его оппонентов и развиты декларируемые Первосвятителем идеи.

Сочинение датируется нами началом 1690-х гг. При описании необычных природных явлений, случавшихся на Руси, есть дата 6700 (1191/92) г. и сказано: «Уже бо и тогда, даже и до нынѣ преиде без мала не 500 лѣт». Кроме того, в сочинении есть интереснейшая зарисовка необычного атмосферического явления — паргелий и гало; автор описывает увиденное им на «воначертании» «изографов» изображение стояния в небе трех солнц с рогатой луной. Вероятно, это были рисунки европейских художников, запечатливших небесное явление, подобное отраженному в Черниговской летописи: «1691. Марта 4 числа, годин четыре на день, солнце менилося, на три части розделившись, и дуга посреде небес стояла рогами на полночь; трвало тое затмение на годину» [Замлинський, Іваненко, 1989].

Сочинение построено как проповедь, обращенная к русским людям, в том числе и монастырской братии, и лично царю, чье имя не названо. Автор взывает о сохранении в чистоте православной веры; поучает о первенствующем значении Церкви в духовной и повседневной жизни людей и призывает своими трудами и духовными подвигами возвысить роль Церкви, переживающей «расколы и раздиранія», «гони-

тельство», «грабительство» и «предобладательство».

Тема гонимой Церкви пронизывает литературно-публицистическое творчество Патриарха Никона, приобретая особую остроту в его посланиях царю Алексею Михайловичу первой половины 1660-х гг. В конце XVII в., когда судьба русской Церкви и института патриаршества была predeterminedена, открытая пропаганда его идей о церковно-государственном устройстве, где Церкви отводилась объединяющая и организующая функция, вряд ли была возможна. Вероятно, поэтому анонимное сочинение было «спрятано» среди сочинений Первосвятителя, а потому сохранилось до наших дней.

Проблема государства и власти рассматривается в сочинении на примере личных взаимоотношений Патриарха с царем. Следствием абсолютистских действий государя по отношению к Церкви стало, по мнению автора, разрушение ее единства. Обращаясь к опыту Константинопольской Церкви, он апеллирует к печатной книге Кормчей и приводит первую часть «Тома соединения», изданного Патриархом Николаем Мистиком в 920 г. Фрагмент акта объясняет союз Церквей от апостольских времен на принципах единства веры и истинности Предания, силы проповеди пастыря и крепости духа верующих, чистоты священства и непорочности жизни епископства, беззаветной любви к Церкви и безграничного послушания ей. Теократическое мировоззрение автора, подкрепленное ссылкой на канонический законодательный источник, отражает, говоря словами А.В. Карташева, ««тихие думы» всего русского архиерейства после отречения его от заветов Никона» [Карташев, 1997, с. 171].

В сочинении высказана мысль «дабы вы, православнии, в различныя ныне соблазны не вдавалися и до иноверных обычаев не навращалися, но Христовых евангельских словес неотступно держалися» (л. 459). От лица Патриарха Никона обличаются обычаи, которые с XVI в. господствовали в наряде и внешности представителей привилегированных сословий.

Во второй половине XVII в. западное влияние, проникая во все сферы жизни, по словам В.О. Ключевского, «перелицовывало наружный вид и перестраивало духовный склад русского человека» [Ключевский, 2002, с. 417]. В условиях терпимости и молчаливой поддержки светской властью «вестернизации» русского быта обязанность предотвратить проникновение западных тенденций в низшие слои русского общества легла на духовенство.

Проповедников и учителей церковных анонимный автор называет «мужьями духовными, разумными и благоговейными». Важную обязанность пастыря он видит в поучении соблюдать заповеди, образ жизни по чину и богослужебному распорядку, в социальном служении православных граждан. Пастырь должен учить повиновению власть имущим. Составитель замечает: страх перед властью любого уровня и состава легко преодолевается, когда человек сам добросовестно выполняет свои должностные обязанности и поступает в соответствии с православным нравственным законом, что отличает его от притворщика и льстеца. В политематическом пространстве анонимного сочинения настойчиво звучит тема истинно православного и полезного обществу человека как духовной основы для возрождения и жизни Церкви.

Никон назван в сочинении «Истинным российским Патриархом» за его исключительный авторитет среди высшего духовенства, значимость его идей и значительность совершенных им деяний для укрепления статуса Русской Православной Церкви во Вселенском Православии. Высокая оценка трудов Патриарха Никона на благо Церкви созвучна отношению к нему его почитателей и последователей, его современников – насельников Воскресенского монастыря и той части русского духовенства, которая после осуждения Патриарха, находясь в управлении официальной Церковью, проводила в жизнь идеи низложенного Первосвященника.

По важности поднятых тем новонайденное сочинение можно поставить в один ряд с сочинениями преемников

Патриарха Никона, его последователей и единомышленников (архимандритов Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Никанора и Германа, писателей и просветителей патриаршего круга – митрополита Афанасия Холмогорского, инока Евфимия Чудовского, патриархов Иоакима и Адриана), где наряду с традиционными темами христианской учительской литературы нашли отражение проблемы защиты Православия и национально-культурной идентичности.

Писатели-грекофилы в словесном творчестве опирались на литературные традиции «старомосковской школы», с представителями которой – «ревнителями благочестия» их сближает борьба за чистоту православной веры и христианский образ жизни. Поэтому рассматриваемое сочинение подобно «мосту», соединяющему ревнителей Православия и писателей патриаршего круга в общем идейно-тематическом поле, содержание которого генерируется воззрениями Патриарха Никона о направляющей функции Церкви в духовной и повседневной жизни людей. Поэтому чтобы понять индивидуальность стилистики анонимного автора и по достоинству оценить литературные особенности новонайденного сочинения, необходимо обратиться к их письменным трудам. Но если литературная и просветительская деятельность грекофилов достаточно хорошо исследована, то сочинения ревнителей благочестия, кроме творчества будущих старообрядческих лидеров и самого авторитетного участника кружка Стефана Вонифатьева, совершенно не изучены. Более того, мы до сих пор не знаем всех членов этого сообщества, защитников Православия, и имеем слабое представление о его литературной деятельности [Ромодановская, 1992, с. 63–64]. Однако совершенно точно, что круг ревнителей благочестия был широким. Достаточно взглянуть на список кандидатов на патриаршую кафедру в 1652 г. [Полознев, 2000]. Это черное духовенство – фигуры особенно значимые в высшей церковной иерархии: действующие митрополиты Казанский и Свияжский Корнилий, архиепископ Рязанский и Муромский Мисаил (бывший ризничий митрополита Никона); настояте-

ли крупнейших русских монастырей, позже рукоположенные Патриархом Никоном на архиерейские кафедры: архимандриты Иона (Сысоевич), будущий архиепископ Ростовский и Ярославский (с 1652) и Сильвестр, будущий митрополит Сарский и Подонский (с 1653). В число ближайших к Никону архиереев вошли и епархиальные архиереи, назначенные, скорее всего, с его участием в то время, когда он уверенно шел к власти и пользовался влиянием на царя: архиепископы Макарий Псковский и Изборский (с 1649) и Симеон Сибирский и Тобольский (с 1651). Архиепископ Тверской и Кашинский Лаврентий, бывший ризничий митрополита / Патриарха Никона, им рукоположенный (1654), назначенный Патриархом Никоном новгородским митрополитом Макарий III, бывший иеромонах Казанского Преображенского монастыря (1652), и Софроний, архиепископ Суздальский, бывший архимандрит Новгородского Хутынского монастыря (1654) и др. Из этих единомышленников Патриарх Никон сформировал правящий архиерейский корпус, просуществовавший, к сожалению, недолго – часть соратников Патриарха погибла во время морового поветрия, не успев в полной мере реализовать объединившие во второй половине 40-х гг. XVII в. ревнителей идеи, ставшие основополагающими в церковной политике в первые годы патриаршества Никона. Тема ревнителей благочестия первого состава ждет своего исследователя, особенно деятельность и труды представителей высшей церковной иерархии, которые, в отличие от белого духовенства, занимали в Церкви подобающее своему статусу место и, следовательно, имели возможность проводить идеи ревнителей на уровне соборных решений и окружных посланий пастве.

Осознавая тесную связь идей ревнителей Православия с воззрениями Патриарха Никона, анонимный автор озвучил мысли Первосвященителя, которыми тот руководствовался в литургической реформе и которые должны стать магистральными в деятельности его преемников.

Личность Патриарха Никона в новонайденном сочинении многогранна: он предстает ярким проповедником и защитником Церкви; продолжателем традиций русского монашества и молитвенником за русский народ и русские земли; жертвой царского произвола и глубоким аскетом. Новонайденное сочинение можно вписать в традицию осмысления персоны и деяний Патриарха Никона, в рамках которой во второй половине XVII в. величественная и эпическая фигура Первосвятителя встраивалась в историко-литературный контекст: апологеты тщательно работали с его письменным наследием и вводили в оборот сведения, ранее не известные и порой существовавшие только в устной традиции [Майорова, 1991]; священноначалие Воскресенского монастыря во второй половине 80–90-х гг. XVII в. завершило создание монастырского ансамбля и в виршах каменной летописи и в стихотворных эпитафиях увековечило деяния Никона, вписав его личность в монастырскую литературно-историческую традицию [Леонид (Кавелин), 1876, с. 92–98; Панченко, 1976, с. III–III2; Зеленская, 2002, с. 312–325; Авдеев, 2006]; первосвятители, занимавшие патриаршую кафедру после Никона, несмотря на сложное субъективное отношение к предшественнику, проводили в жизнь его идеи [Полознев, 1996; Панич, 2004].

Изучение новонайденного сочинения о Патриархе Никоне в тесной связи его с ранней и современной ему литературной традицией ревнителей благочестия и непосредственно с «Возражением» Никона открывает много интересных тем, охват которых позволит исследовать памятник в максимальной полноте.

Литература

Авдеев А.Г. Старорусская эпитафия и книжность: Ново-Иерусалимская школа эпитафической поэзии. М., 2006.

Замлинський І.О., Іваненко А.М. «Чернігівський Літопис» – Цінне джерело з історії України кінця XVI – першої половини XVIII ст. (Микола Білозерський. Черниговския летопись. 1587–1750) // Архіви України. 1989. № 5. С. 56–74.

Зеленская Г.М. Святые Нового Иерусалима. М., 2002.

Зеленская Г.М., Севастьянова С.К. Святитель Филипп и Патриарх Никон: типологические подобию // Эпоха Ивана Грозного и ее отражение в историографии, письменности, искусстве, архитектуре: сб. материалов всеросс. с междунар. участием научно-практич. конференции. Владимир, 2018. Т. 1. С. 128–148.

Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1997. Т. 2.

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций. М., 2002. Т. 2.

Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876.

Майорова О.Ю. «Известие о рождении, о воспитании и о житии Никона, патриарха Московского и всея Руси». (Вопросы истории текста) // Источники по истории народной культуры. Сыктывкар, 1991. С. 25–31.

Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004.

Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1976.

Полознев Д.Ф. Архиерейский корпус при патриархе Никоне и конфликты в нем // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2000. Вып. 10. С. 38–64.

Полознев Д.Ф. Московские патриархи Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан // Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 470–495.

Ромодановская Е.К. Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 58–64.

Севастьянова С.К. Новонайденное сочинение о патриархе Никоне // Культура, история и литература Русского мира: Общенациональный и региональный аспекты. Барнаул, 2014. С. 335–380.

Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007.

Патриарх Никон и
М.М. Сперанский:
неизвестная статья
неустановленного
автора XIX в.

Аннотация: Дан краткий обзор содержания не привлекавшего ранее внимание исследователей документа XIX в., хранящегося в фонде рукописных книг архим. Леонида (Кавелина) в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Неизвестный автор предпринял попытку сравнить Патриарха Никона и русского общественного и государственного деятеля М.М. Сперанского. В статье высказаны предположения об атрибуции и датировке новонайденного источника, его месте в историко-культурном контексте эпохи.

Ключевые слова: архим. Леонид (Кавелин), Патриарх Никон, М.М. Сперанский, преобразовательная деятельность церковной и общественной жизни.

Sevastyanova S.K.

Patriarch Nikon and
M.M. Speransky:
unknown article by an
unidentified author of
the 19th century

Abstract: A brief overview of the contents of the document of the 19th century, which has not previously attracted the attention of researchers, is given. It is stored in the collection of manuscript books by Archimandrite Leonid (Kavelin) at the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library.

An unknown author made an attempt to compare Patriarch Nikon and the Russian public and statesman M.M. Speransky. The article makes assumptions about the attribution and dating of the newly found source, its place in the historical and cultural context of the era.

Keywords: Archimandrite Leonid (Kavelin), Patriarch Nikon, M.M. Speransky, the transformative activity of church and social life.

Изучая в НИОР РГБ содержание фонда рукописных книг архим. Леонида (Кавелина) (1822–1891), мы обратили внимание на документ, ранее не попадавший в поле зрения ученых. Написанный писарским почерком на 26 листах, в машинописной описи архива он охарактеризован как «Статья неустановленного автора о Никоне, патриархе Московском. XIX в.», в которой «проводятся аналогии между Сперанским и патриархом Никоном» – Ф. 557. № 60 [Тиганова, Зейфман, 1966, с. 6]. Не удивительно, что подобный материал оказался в личной коллекции архим. Леонида – настоятеля Ново-Иерусалимского монастыря (1869–1877), основателя музея Патриарха Никона (1605–1681) и составителя описей музея и монастыря, первого исследователя жизнеописания Никона, написанного клириком Иоанном Шушериным, и других биографий святителя; издателя корпуса источников по истории патриарших монастырей – Воскресенского Нового Иерусалима на реке Истре и Иверского Богородицкого на озере Валдай [Зеленская, 2002]. Сам архим. Леонид ни в одной из своих публикаций о Патриархе Никоне не упомянул об этом документе [Просвирнин, 1972]. А ведь автор предпринял неожиданное сравнение двух знаковых в истории России фигур: Патриарха Никона и Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839), русского общественного и государственного деятеля, реформатора и законодателя. Однако объемного и детального сопоставления не получилось. Автор сам признавался: «Полную аналогию между этими двумя личностями

провести, конечно, было бы трудно <...> препятствует и различие времени, в которое они жили, и в особенности крайнее несходство в нравственных качествах» (л. 1, 2 об.)¹.

Новонайденный документ представляет собой часть обширного труда. Сохранившемуся отрывку предшествовал посвященный Сперанскому текст: «Другой замечательный русский деятель, также вышедший из среды народа, также достигший высшей ступени величия и также низвергнутый врагами, но гораздо более Сперанского внушающий к себе сочувствия, – Патриарх Никон» (л. 1). Судя по этой цитате, причиной, побудившей автора статьи к сравнению русского законодателя с Патриархом Никоном, стали их незнатное происхождение, не помешавшее достигнуть высоты положения, и нападки недругов, отразившиеся на их судьбах. Сочувствием автора к Никону пронизана вся статья, которая завершается выводом о незаслуженно несправедливом отношении к нему современников: «Недостатки характера Никона искупаются частью его страданиями, частью заслугами, оказанными им церкви и России по отношению к исправлению церковных книг и вообще по улучшению вверенного ему духовенства. А энергичный, деятельный и честный образ этого сына народа заслуживает полного уважения от каждого русского» (л. 25 об. – 26).

Статью условно можно разделить на четыре части: в самом начале перечислены черты сходства и различия двух персон; затем бегло изложена биография Патриарха; далее сосредоточено внимание на ключевых моментах «дела» Никона и дана им авторская оценка; в завершении – выводы. Вводя в научный оборот новонайденный текст, мы ставим задачи раскрыть его содержательную сторону, высказать предположения об атрибуции и датировке, охарактеризовать место в историко-культурном контексте эпохи.

¹ Здесь и в дальнейшем ссылки на листы рукописи – в статье в круглых скобках. Текст публикуется по правилам ТОДРЛ: буквы «ять» и «и десятиречное с тремой» передаются как «е» и «и»; «ъ» сохраняется только в середине слов. Регистр соответствует оригиналу; пунктуация – современному прочтению.

Часть 1. Переходя в начале статьи от фигуры Сперанского к персоне Патриарха Никона, автор подчеркивает их сходство: «Так, оба они были одарены умом, энергией и честолюбием. Оба неутомимо трудились в той сфере деятельности, к которой были призваны <...> Но, несмотря на то, в общем ходе истории русской и тот, и другой занимают высокое место как люди, во всяком случае выходящие из рода обыкновенных» (л. 1–1 об., 2 об.).

Указание на незнатное происхождение героев статьи заслуживает внимания. М.М. Сперанский родился в селе Черкутино Владимирской губернии в семье благочинного черкутинской округи и причетника в храме свт. Николая в родовом поместье Салтыковых. Участие родителей в воспитании сына, как свидетельствует биограф Сперанского, барон М.А. Корф, было весьма незначительным. Обладая слабым здоровьем, мальчик предпочитал проводить время либо в одиночестве, за книгами, либо со своим слепым дедом, с которым регулярно посещал церковь, где за пономаря читал Часослов и Апостол [Корф, 1861, с. 5–9].

В период обучения во владимирской семинарии Сперанский приобрел духовную практику, которая заложила основы его особого религиозного видения мира: еп. Владимирский и Муромский Виктор († 1817) благословил юношу облачаться в стихарь и в архиерейском служении носить его посох, а префект семинарии и игумен Боголюбского монастыря Рождества Богородицы Евгений, будущий еп. Костромской и Галицкий († 1811), взял Михаила в свои келейники [Корф, 1861, с. 15]. В Александро-Невской семинарии в Петербурге Сперанский превзошел всех семинаристов в произнесении праздничных и воскресных проповедей, благодаря чему по ходатайству митр. Санкт-Петербургского Гавриила († 1801) был оставлен в училище, вскоре получившем статус академии. Здесь с учителя математики, затем философии началась карьера будущего реформатора, которая вывела его из духовного ведомства в гражданскую службу. Сперанский был принят на долж-

ность частного секретаря генерал-прокурора А.Б. Куракина (1759–1829), делопроизводителя с чином титулярного советника, затем коллежского асессора, пожалован надворным, коллежским и статским советником, наконец, герольдом и секретарем ордена Святого апостола Андрея Первозванного [Корф, 1861, с. 25–36].

При вступлении в 1801 г. на престол императора Александра I (1777–1825) Сперанский получил очередное повышение – должность статс-секретаря при генерал-прокуроре и тайном советнике Д.П. Троицком (1749–1829), а через месяц назначен на место управляющего экспедицией гражданских и духовных дел в канцелярии «Непременного совета» – высшего совещательного органа Российской империи в 1801–1810 гг. Оказавшись в кругу приближенных министра внутренних дел В.П. Кочубея (1768–1834), Сперанский получил чин действительного статского советника. Составив несколько прогрессивных записок, он попал в поле зрения Александра I, который ввел его в Комиссию составления законов, в 1796–1826 гг. занимавшуюся кодификацией законодательства, выработкой оснований российского права и составлением новых законопроектов. Вскоре император назначил Сперанского заместителем министра юстиции, утвердил ряд его указов и присвоил ему чин сначала тайного советника, затем государственного секретаря Государственного совета, сделав, таким образом, самым влиятельным сановником России и вторым после Всероссийского самодержца лицом в государстве с возведением в графское достоинство Российской империи. Император Николай I (1796–1855), при котором Сперанский окончил свои дни, с уважением и благодарностью к чиновнику вспоминал: «Я нашел в нем самого верного, преданного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромной опытностью. Теперь все знают, чем я, чем Россия ему обязаны – и клеветники умолкли» [Корф, 2003, с. 75].

Но коллеги и соратники, не принимая Сперанского в свой круг, называли его «поповским» выходцем и «отще-

пенцем от общества» (Ф.М. Достоевский), интриганом и льстецом, «злым, надменным выскочкой», «вознесенным особыми гениальными крыльями» (П.М. Майков), который «из дьячков перешагнул <...> через простое дворянство и лез прямо в знатные» (Ф.Ф. Вигель). Разбирая содержание оскорблений, сыпавшихся при жизни в адрес Сперанского, российский ученый Н.П. Дружинин называл его человеком с «исключительными способностями» и «всеобъемлющей деятельности, широкого почина», который, «высоко стоя над другими в умственном отношении, <...> страдал от полного подчас непонимания своих стремлений. <...> Благодаря зависти и клевете удаленный даже в ссылку, и после того вновь возвысившись, Сперанский терпел по той же причине тысячи неприятностей. Его незлобивость, неспособность мстить, не обезоруживали людей, а только делали их еще смелее» [Дружинин, 1889, с. 148].

Незнатное происхождение и уверенное прохождение через все степени священства к высшей ступени церковной иерархии стали главными темами упреков в адрес Патриарха Никона как при его жизни, так и после смерти.

Будущий свт. Никон, свидетельствует его биограф, клирик Иоанн Шушерин, родился в эрзя-мордовском селе Вельдеманово под Нижним Новгородом у «простых», но «благочестивых родителей – отца именем Мины и матери Мариамы» [Иоанн Шушерин, 1871, с. 1]. Названный Никитой в честь прп. Переславльского чудотворца Никиты Столпника († 1186; пам. 24.05), он рос в православной крестьянской семье. Бывшие соратники Московского Первосвященника, сами выходцы из низов, став авторитетными в старообрядческой среде идеологами раскола, посмеивались над крестьянским происхождением Никона. Достаточно вспомнить ставшие хрестоматийными зарисовки протопопа Аввакума и дьякона Федора о рождении Никона от татарки, о связях его семьи с мордовскими шаманами и т.д. Комплекс вымышленных слухов и толков, баснословных легенд о Па-

триархе Никоне лег в основу старообрядческих повестей, «историй» и «антижития» [Бубнов, 2020].

Важное отличие сравниваемых исторических фигур автор статьи находит в их преобразовательной деятельности: «Сперанский // почитался в свое время реформатором. На Никона до сих пор раскольники наши смотрят как на вредного нововводителя, хотя проекты государственных реформ первого, как плод кабинетных заимствованных соображений, мало имеют значения, тогда как Никон – сам строгий оберегатель церковных преданий, обличавший даже своих противников в отступлениях от чистоты православия» (л. 1 об. – 2).

Тезис о заимствовании Сперанским содержания его проектов государственных преобразований из западноевропейских образцов выдает в авторе статьи сторонника критического направления деятельности законодателя. Мнение историков и юристов XIX в. о влиянии на политико-правовые взгляды Сперанского теории французских просветителей и представителей немецкой исторической школы права, а также практики английского конституционализма имеет развитие в современных работах (напр., А.А. Александрова, С.И. Сперанского).

Ряд исследователей доказывает, что Сперанский, напротив, «отличался консервативностью не только в своем подходе к праву, но и в воззрениях на развитие общества и государства». Содержание проектов Сперанского, – пишет ученый-правовед В.А. Томсинов, – почти не были известны русскому обществу в XIX в. Объективный взгляд на проекты Сперанского стал возможен лишь во второй половине XX в., когда появились публикации рукописей Михаила Михайловича [Томсинов, 2016]. Сегодня утверждается, что в подготовленных социально-политических проектах Сперанский предлагал соблюдать «оптимальный баланс консервативных и модернизирующих векторов развития» [Чибикеев, 2009, с. 13–14] и стоял «у истоков консервативной традиции русской правовой мысли, в рамках которой им было создано

оригинальное правовое учение, всесторонне объясняющее феномен права в его историческом развитии и многоуровневом бытии – психологическом, социальном, нормативном» [Тимошина, 2001, с. 221].

В современном никоноведении, по наблюдению историка Н.В. Воробьевой, выделяются три, уходящие корнями в историографию XIX в., точки зрения на проблему «реформаторства» Патриарха Никона. В ряде работ он предстает подобным западноевропейскому преобразователю, и термин «реформа» по отношению к нему используется как «пропагандистско-риторический прием», отсылающий к «лютеровско-кальвинистской традиции». В других исследованиях к деяниям Никона применяется понятие «литургическая реформа», раскрываемое как «появление и последующее распространение нового комплекса богослужебных книг, по набору и редакции богослужебных текстов отличающегося от существовавшего ранее». Третье понимание концепта «Никон-реформатор» основывается на убеждении историков в том, что в период патриаршества была осуществлена «корректур», или «книжно-обрядовая справа в унификационной герменевтической части как преодоление частных богословских заблуждений, восстановление традиции в отправлении обрядов и чинопоследований» [Воробьева, 2013, с. 23–30].

Судя по тому, что автор новонайденной статьи противопоставляет старообрядческой характеристике Патриарха Никона собственную оценку его деяний и избегает использования по отношению к нему термина «реформатор» (лишь один раз – л. 13), он принадлежит к тому направлению общественной мысли, которое видело в Первосвященнике продолжателя богослужебных, церковно-исторических, святоотеческих и художественных традиций Древней Руси, впитавших в себя греко-византийские обряды, законодательство, книжность и культуру.

Слова о том, что Никон «исправлял» «церковныя книги

на самых разумных основаниях, уничтожая во имя здравого смысла некоторые нелепые выражения, введенные в них малознающими прежними исправителями», свидетельствуют о понимании автором книжной справки, говоря современным языком, как смысловой трансформации в первую очередь на уровне лексики и грамматики. Тема редактирования богослужебных книг в разной степени проработанности излагалась историками XIX в. Это до сих пор не утратившие своего значения исследования Д.А. Александрова, С.А. Белокурова, Д.С. Варакина, С.А. Воскресенского, А.А. Дмитриевского, Н.Ф. Каптерева, И.А. Карабинова, митр. Макария (Булгакова), И.Д. Мансветова, В.М. Металлова, П.Ф. Николаевского, К.Т. Никольского, иером. Филарета и мн. др. Актуальность темы книжной справки при Патриархе Никоне в трудах перечисленных ученых сформировала живой интерес к ней автора статьи. И судя по его оценке работы дониконовских справщиков – «малознающие исправители», допускающие «нелепые выражения», – он видел в Никоновых преобразованиях исправление «ошибок» предшественников. Во второй половине XIX в. мнение о «порче» церковных книг дониконовскими справщиками выражали, например, граф М.В. Толстой и историк С.Ф. Платонов [Виноградов, 2014].

Как утверждает историк Н.И. Сазонова, до сих пор нет объемного историко-текстологического и семантического исследования содержания книжной справки XVII в. — всех изменений в реформированных богослужебных книгах. Этот материал мог бы пролить свет на мельчайшие детали сверки и переводов, задевших не только основы религиозности, но и изменивших восприятие христианином богослужебного текста [Сазонова, 2009]. Изучение книжной справки при Патриархе Никоне продолжает сегодня традиции академической и церковной науки XIX – начала XX в. Из наблюдений за изменениями в конкретных изданиях как пазлов постепенно складывается объемная картина преобразовательной

деятельности Патриарха Никона – самой масштабной и всеобъемлющей в русской церковной истории [Запольская, 2000; Пентковский, 2001].

Часть 2. Излагая основные события из жизни Патриарха Никона и давая свою оценку отдельным его поступкам, неизвестный автор, по его словам, опирался на «биографии» святителя. Несомненно, ему было знакомо «Известие» Иоанна Шушерина, текст которого, возможно, он знал по изданию 1871 г., подготовленному архим. Леонидом (Кавелиным). Нельзя исключить его знакомство с историко-биографическими очерками о Патриархе и отдельных периодах его жизни архим. Аполлоса (Алексеевского), архим. Варлаама (Денисова), протоиерея Стефана Кашменского, Н.И. Костомарова, В.О. Ключевского, С.В. Михайловского, П.Ф. Николаевского, Н.П. Сергеева, Д.Я. Склобовского, С.М. Соловьева, Спасовоздвиженского, А.С. Суворина, Н. Суворова, П. Тихомирова, А. Чирецкого и мн. др.

Используя, как правило, хронологически-событийную канву шушеринского «Известия», эти авторы чаще всего ограничивались изложением биографии святителя от рождения до оставления патриаршей кафедры и сосредоточивались на его взаимоотношениях с царем Алексеем Михайловичем. По тому же пути пошел и наш автор. Но если историки и краеведы XIX в. старались показать личность Патриарха и его поступки на широком историко-церковном и культурном поле эпохи, перечисляя события, называя даты и имена его современников, то особенность изложения биографического материала в новонайденном источнике состоит в минимизации деталей и фактов.

В изложении биографии Никона названы три даты: 1646 г. – встреча его, игумена Кожеозерского монастыря, с царем Алексеем Михайловичем, 1652 г. – перенесение в Москву мощей митр. Филиппа и возведение владыки Никона в сан Патриарха Всероссийского, 1654 г. – созыв Земского собора, где «поправленные в последнее время книги

были осуждены; велено приступить к новым исправлениям, а пока руководствоваться старыми священными книгами и также греческими» (л. 8 об.). Есть в тексте указание на одну дату, которая легко устанавливается: через три года после встречи с царем Никон возведен в сан Новгородского митрополита, т.е. – 1649 г. Как известно, нумерология была важнейшей составляющей в знаковой системе жизни Патриарха Никона. А число «три» сопровождало многие события в биографии святителя [Зеленская, 2020]. Но автор не заостряет внимание на числовой символике и данное указание, скорее, случайность, чем попытка уловить ритмику цифр в летописно-событийной канве жизни и деяний Первосвятителя.

В большей степени нашего анонима интересуют примеры, показывающие постепенное расширение полномочий Патриарха Никона. Сначала, приблизив к себе архимандрита Никона, царь «поручил» ему «разсматривать просьбы, подававшиеся // прямо на царское имя». Затем, уже Новгородскому митрополиту, «предоставил <...> право иметь надзор над действиями гражданских сановников» (л. 5 – 5 об., 6). Перенеся «побои от мятежников», Никон еще больше заслужил уважение и доверие к себе народа и царя, поэтому именно его, заключает наш автор, Алексей Михайлович отправил за мощами митр. Филиппа, а по возвращении владыки из Соловецкого монастыря способствовал его вступлению в высший духовный сан.

По убеждению писателя, Патриарх Никон был больше склонен к выполнению административных функций, чем монашеского делания (л. 6 об.), однако его деятельная натура и непростой характер мешали ему благоразумно распорядиться управленческим даром. Говоря об инициативах святителя, он присоединяет к ним характеристики невероятной активности (слово «энергический» ключевое) и взрывных свойств темперамента Патриарха: «деятельная натура» (л. 5 об.), «энергический» и «вспыльчивый характер» (л. 7, 8, 9 об.), «энергическая, умная натура» (л. 10), «гордый, энергический и умный

человек, этот смелый реформатор, презирающий невежество массы» (л. 13).

Энергия и темперамент, убежден автор статьи, стали причиной ряда опрометчивых поступков Патриарха Никона. Например, ему не следовало соглашаться на предложение Алексея Михайловича контролировать действия чиновников: «при всей религиозности Царя он должен бы был отказаться» (л. 6). Ему не надо было принимать и носить «титул» «великий государь» (л. 9 об. – 10). Никону следовало сдерживать свой темперамент при исполнении доверенных ему государственных обязанностей: «Во время отсутствия Царя Никон, оставаясь полновластным властелином государства, быть может, не удержался в должных границах: энергическая, умная натура его, как бы рожденная для власти, почувствовала себя в своей сфере, а сознание своей способности к управлению внушило Никону излиш//нее доверие к своим силам и, конечно, также излишнее пренебрежение к окружающим» (л. 10–10 об.). Все эти «ошибки» управления и смелое вторжение Патриарха в круг гражданских дел привели к его неприятию высшими светскими кругами, враждебным выпадам бояр, интригам и конфликту с царем.

Пытаясь оценить поступки Патриарха Никона, автор статьи не избежал влияния на его мнение о святителе тенденций, сформировавших в имперской России цезарепапистский взгляд на персону Никона, согласно которому Патриарх покушался на царскую власть. В то же время, осуждая запальчивость и эмоциональную несдержанность Никона, писатель придерживается взглядов апологетов на персону Патриарха, справедливо усматривая в разносторонней, яркой и основательной фигуре Никона широту интересов, масштабность мысли и прочную опору на отечественный культурный опыт, укорененный в византийскую традицию. А взрывные проявления темперамента связывает с их обращенностью к недругам и противникам его деяний: «Личный характер Никона нам рисуют однако ж в непривлекательном

свете: это был, говорят, человек высокомерный, суровый, запальчивый, дерзкий — но не забудем, что эта вспыльчивость, доходившая иногда до неприличных речей, всегда была // возбуждаема тем, что казалось Никону несправедливым и против чего он боролся. К тому же его честолюбивая энергичная натура просила более обширного поприща для своей деятельности, а его устранили, ему стали показывать недоверие, немилость, против него строили козни, научали царя враждовать к нему, ему делали даже невыносимыя оскорбления <...> унижения <...> Никон видел, что его все-таки боялись <...> Не мудрено, что он ненавидел и презирал своих утеснителей <...> А если недоброжелатели патриарха боялись его частых встреч и сближений с народом во время хода дела — не значит ли это, что они чувствовали себя против него неправыми» (л. 14–15).

Пытаясь придать личности Патриарха Никона и его поступкам калейдоскопичность, упоминая как о неудачах, так и о заслугах перед царем и паствой, о взрывном темпераменте Никона и широте его души, автор статьи скорее идеализирует персону Первосвященника, чем упрекает в неправоте. Разделяя позицию сторонников абсолютизма и сильной единоличной государственной власти — а ее в имперской России придерживалось большинство историков и писателей, в том числе церковных [об этом: Шпаков, 1912], — он утверждает, что в вопросе о разделении властей «та сторона, которую защищал Никон, осуждена уже и историей». «В России церковный авторитет всегда подчинялся государственному: этому способствовало с самага основания русской державы отсутствие единоличной высшей особы в церковной иерархии — Патриарха. Учреждение русского патриархата было политической ошибкой, следствия которой при первом же удобном случае не замедлили высказаться; и не будь Никон побежден в борьбе с Царем, быть мо//жет и судьбы и направление верховной власти в России приняли бы иной оборот» (л. 22 об. — 23).

Разделяя позицию противников единоличного управления Церковью, он видел в русском патриаршестве не свойственную для отечественной православной традиции форму управления церковным устройством, которая способствовала развитию противоречащих христианским идеалам амбиций у того, кто стоял во главе Священства. Оправдывая Никона («оставаясь полновластным властелином государства, быть может, не удержался в должных границах» – л. 10), писатель убежден, что единоначалие не было для Патриарха главенствующей целью. Обладание властью сопрягалось у него с установлением дисциплины внутри духовенства и требованием строгого следования церковному законодательству, со стремлением к благолепию богослужения и борьбой за правду, с помощью нуждающимся и сохранением православных традиций: «Никон, этот выходец из народа, дошедший чуть ли не до самодержавства над всей Россией, этот гордый, энергический и умный человек, этот смелый реформатор, презирающий невежество массы <...> несмотря на известную прежде его суровость и недоступность, этот развенчанный владыка и смиренный заточник есть одно из наиболее заслуживающих сочувствия лиц, каких мы только встречаем в русской истории» (л. 13–13 об.).

Часть 3. Особый интерес представляет завершающий статью фрагмент, в котором дана оценка поступкам Патриарха и царя, приведших, по мнению автора, к конфликту властей: «...все мелочные фазы борьбы, все ничтожные, но иногда по своим последствиям важные случаи не всегда дают заметить в себе верное отражение личности Никона. // Значение борьбы выясняется только при общем обзоре обстоятельств дела» (л. 15 об. – 16).

Писатель называет три причины разлада между царем Алексеем Михайловичем и Патриархом Никоном: Перво-святитель не был приглашен на торжественный обед по случаю встречи грузинского царевича летом 1658 г.; государь перестал посещать праздничные богослужения; Никон

самовольно присвоил титул «великий государь». Надо отдать должное автору, который осторожно говорит о непоследовательном и нерешительном поведении Алексея Михайловича в конфликтной ситуации: «спор о власти <...> возможен был при таком мягкосердечном и добром Царе, как Алексей Михайлович, и при таком энергическом и умном подданном, каков был Никон»; царь «по своему доброму характеру был бы не прочь и опять подружиться // с патриархом»; «Очевидно, добродушного Алексея Михайловича кругом обманывали»; «Сам Государь, как можно догадываться, жалел о нем», о Никоне (л. 11, 18–18 об., 21 об., 25 об.). Писатель не сводит ссору властей к проявлениям темперамента Патриарха, как было принято считать в критической историографии XIX в., но в его порывистых поступках обнаруживает открытость, искренность и чистосердечность: «Никон действовал под влиянием искренняго порыва, вовсе не разыгрывая комедии <...> Никон не развен//чал себя как недостойнаго (да и могли он это сделать?)»; «Прямодушный патриарх не сдерживал своих речей в пределах умеренности и это, конечно, еще больше отдаляло примирение, пока, наконец, оно не сделалось уже и совсем невозможным»; «Никон, верный себе, не заискивал и не думал жертвовать своим достоинством для возврата сана» (л. 17, 18, 18 об., 22).

Оценки и меткие характеристики, которые дает писатель современникам Никона, оказавшимся в эпицентре конфликта властей по случаю или намеренно, отражают общее мнение историографии XIX в. о каждом из них, высказанное при осмыслении документов «дела» Патриарха Н.А. Гиббенетом, В.С. Иконниковым, В.И. Ламанским, К.М. Оболенским, Г.Ф. Штендманом и отчасти У. Палмером. Так, Епифаний Славинецкий, который на соборе 1660 г. «отозвался о Никоне с честью», назван «тогдашним знаменитым ученым» (л. 19). Преданным сторонником Первосвященника указан один из «немногих расположен-

ных к Никону бояр» Н.А. Зюзин (л. 22). Газского митрополита Паисия Лигарида, который «употребил все усилия, чтобы испортить дело Никона», писатель охарактеризовал как «странствующего» «искателя денежных выгод»: он «принимал всегда сторону того, кого считал более сильным, а от Алексея Михайловича сверх того мог ожидать себе богатых подарков и пожертвований на оскудевшая греческая церкви» (л. 19 об.). Среди недругов Никона названы окольный Р.Ф. Бобарыкин, вступивший с ним в спор за монастырские земли, и «весьма сомнительного поведения» диакон Мелетий, который повез восточным патриархам царские грамоты (л. 21).

Анализ источников приводит писателя к убеждению в том, что уход Патриарха Никона с первосвятительской кафедры был временным: «Никон произнес отречение и уехал в свой Воскресенский монастырь, объявив, что оставил патриаршество не вследствие какого-нибудь гнева или гонения, а сам собою, желая отдыха, и что благословляет того, кто будет избран на его место, но хотел сохранить свой сан и независимость в духовных делах своих монастырей от новаго и церковнаго владыки. Это было очень естественно» (л. 17 об.). Подобная трактовка ухода не имела широкого распространения в литературе XIX в., поскольку в Патриархе Никоне хотели видеть клятвопреступника, манипулировавшего царем Алексеем Михайловичем и любыми способами желавшего вернуть себе власть [об этом: Зызыкин, 1931–1939]. В такой же тональности оценивалась и попытка Никона возвратиться на первосвятительскую кафедру в декабре 1664 г., когда он, по письмам Н.А. Зюзина, приехал в Успенский собор и встал на патриаршем месте. Разделяя мнение историков XIX в., видевших в этом событии участие государя и искреннее желание патриаршего боярина примирить Святейшего с царем, автор статьи заключал: «Нельзя упрекать Никона за то, что он согласился поехать в Москву. Зюзина он знал за

хорошаго человека, который притом и не осмелился бы принять на себя тяжкую ответственность в случае вымышления царских слов <...> А как и патриарший престол до сих пор еще не был занят, то не удивительно, что бывший патриарх скоро поддался надежде покончить все разом и возстановить мир, полагаясь на тайныя уверения боярина, которыя казались ему тем более вероятными, что незадолго до того Царь оказывал ему милостивое внимание в ласковых письмах» (л. 22 об., 23).

По стилю статья близка публицистической, отличается простым и доступным изложением; лексика, как видно из приведенных ранее примеров, имеет выраженную экспрессивно-эмоциональную окраску, включает разговорные и просторечные элементы, канцеляризмы: Никон «воспитывался у посторонних лиц» (л. 3), «в знак особого доверия», «назначен присутствовать при перенесении в столицу мощей» (л. 7), «враждебные Никону элементы» (л. 9), «борьба гиганта с пигмеями» и т.д. При этом отдельные выражения в своих построениях и согласованиях выдают в авторе малоросса: «Никон был сделан Новгородским митрополитом» (л. 5 об.), «ему делали унижения» (л. 14), «Зюзина он знал за хорошаго человека» (л. 22 об.).

Автор статьи – не профессиональный историк, однако человек чрезвычайно начитанный. Но главное – он искренний почитатель Патриарха Никона. Предпринимая сравнение двух совершенно разных персон – по занятиям и интересам, вкладу в историю и культуру России, – он пытался решить сложную и практически неразрешимую задачу, равную, говоря языком математики, проблеме тысячелетия. Вероятно, понимая это, он четко ограничил историко-биографический материал о Патриархе Никоне, обратив внимание читателя на событийную канву его жизни, предшествующую преобразовательным деяниям. Именно поэтому труды Патриарха Никона не получили в оценке автора нужной полноты и глубины осмысления. В то же время, несмотря на строгий отбор мате-

риала, личность Святейшего представлена в многогранности и противоречивости, а содержание его поступков критически интерпретировано.

Когда могла быть написана статья? Вопрос о книжной справе привлек особое внимание историков во второй половине XIX в. Тогда же опубликован комплекс материалов «дела» Патриарха Никона. Обсуждался вопрос о канонизации Святейшего [Колосов, 1880], и архим. Леонид включил имя Патриарха Никона в перечень местночтимых святых [Леонид (Кавелин), 1891, с. 128–131]. Увидели свет исследования о пребывании Никона в ссылке, с чем, возможно, связано доминирование в статье темы страданий Патриарха. Можно предположить, что статья написана в 1870–1880-е гг., когда ее автору стали известны основные издания о жизни, деяниях и почитании Патриарха Никона. К тому же времени относятся и первые публикации фрагментов трудов и писем М.М. Сперанского и его биографии.

Даже эти немногочисленные и предварительные наблюдения над вводимым в научный оборот источником делают его интересным, ярким и заметным явлением в историографии о Патриархе Никоне, дополняющим известные в дореволюционной общественной мысли оценки личности и деятельности Святейшего. Включение архим. Леонидом новонайденного документа в его коллекцию материалов о Патриархе Никоне доказывает не только широту интересов замечательного и глубокого ученого, но свидетельствует о личном почитании им Святейшего, многотрудные деяния и непростую биографию которого он изучал и осмыслял с большой любовью и непреходящим интересом.

Литература

[Просвирнин] Анатолий Просвирнин, священник. Труды архимандрита Леонида (Кавелина) (1822–1891) // БТ. 1972. Вып. 9. С. 226–240.

Бубнов Н.Ю. Старообрядческие сказания о патриархе Никоне // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума). М.: ИРИ РАН, 2020. С. 107–128.

Виноградов А.В. Церковная реформа XVII века: эволюция взглядов, причины их происхождения и распространения. 29.10.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslov.ru/article/4252531> (дата обращения: 20.01.2021).

Воробьева Н.В. Образ патриарха Никона в историческом сознании и массовой культуре: Монография. Saarbrücken: Sanktum, 2013.

Дружинин Н.П. Памяти графа М.М. Сперанского // Исторический вестник. 1889. Т. 35. № 1. С. 141–164.

Запольская Н.Н. Книжная справа в Московской Руси XVII в. // Вестник РГНФ. 2000. № 3. С. 439–453.

Зеленская Г.М. Архимандрит Леонид (Кавелин) – настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М.: Северный паломник, 2002. С. 207–215.

Зеленская Г.М. Музей Святейшего Патриарха Никона в ставропигиальном Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М.: Северный паломник, 2002. С. 263–272.

Зеленская Г.М. Нумерология в жизни и творениях Патриарха Никона // Каптеревские чтения. М.: ИВИ РАН, 2020. Вып. 18. С. 284–347.

Зызыкин М.В. Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. Варшава: Синод. тип., 1931–1939.

Иоанн Шушерин. Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшаго Никона, Патриарха Московскаго и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками). М.: В Универс. тип. (Катков и К^о), 1871.

Колосов В. Попытки канонизации патриарха Никона // Исторический вестник. СПб., 1880. Т. 2. № 8. С. 793–796.

Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб.: Имп. Публичная библиотека, 1861. Т. 1–2.

Корф М.А. Записки. М.: Захаров, 2003.

Леонид (Кавелин), архим. Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. Справочная книга по русской агиографии. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1891. [Электронный ресурс]. URL: http://yakov.works/libr_min/11_k/av/elin_01.htm (дата обращения: 01.03.2021).

Пентковский А.М. Литургические реформы в истории Русской Церкви и их характерные особенности // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 2. С. 72–80. [Электронный ресурс]. URL: <https://mpda.academia.edu/АлексейПентковский> (дата обращения 19.02.2021).

Сазонова Н.И. Изменение богослужебного текста как направление трансформации религиозного сознания: на материале литургической реформы патриарха Никона. Дис. ... докт. филос. наук, Томск, 2009.

Тиганова Л.В., Зейфман Н.В. Собрание рукописных книг Леонида (Кавелина). Описание. Ф. № 557 (XVII–XIX вв.). М., 1966 (машинопись).

Томсинов В.А. «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»: Сперанский о технологии проведения государственных преобразований // Законодательство. 2016. № 8. С. 88–94; № 9. С. 88–94; № 10. С. 88–94; № 11. С. 86–94; № 12. С. 78–85.

Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве: Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса: Техник, 1912.

Музеи, предметы,
сохранение древностей

Н.А. Астафьева

**Надгробный покров
преподобного Елеазара
Анзерского.
К вопросу об атрибуции**

Аннотация: В работе рассматривается единственно известный в русском церковном прикладном искусстве лицевой надгробный покров Елеазара Анзерского – одного из духовных ориентиров первых Романовых и правящей элиты XVII в., и его комплексная атрибуция. Покров был синхронизирован с культурно-историческим контекстом времени преподобного. Особое внимание уделено лишь дважды встречающейся до XIX в. иконографической особенности лицевых покровов: изображение святого с закрытыми глазами, а также типологической принадлежности памятника.

Ключевые слова: Елеазар Анзерский, духовный ориентир первых Романовых и правящей элиты XVII в., атрибуция лицевого надгробного покрыва, редкая иконографическая особенность: изображение святого усопшим.

Astafyeva N.A.

**Face gravestone cover of
Eleazar of Anzer.
To the subject of attribution**

Abstract: This paper takes a look at the only one known in the Russian`s Church applied arts face gravestone cover of Eleazar of Anzer – one of the spiritual leader of the first Romanovs and the ruling elite of the 17th century and its complex attribution. To fulfill this, the face cover was considered in the cultural-historical context of the time of Eleazar of Anzer. Particular attention is paid to a twice existent before the 19th century

iconographic peculiarity: representation of a saint with closed eyes and to typological classification of the artifact.

Keywords: Eleazar of Anzer, the spiritual leader of the first Romanovs and the ruling elite of the 17th century, attribution of face gravestone cover, almost non-existent iconographic peculiarity: representation of a saint with closed eyes.

В 1939 году в музей «Коломенское»¹ поступила группа памятников из ризницы Соловецкого монастыря [Книга актов № 3. 1936–1939]. В их числе – лицевой надгробный покров преподобного Елеазара Анзерского [МГОМЗ, инв. № Т-469] (ил. 1).

Надгробному покрову был посвящен наш доклад на научной конференции в Ярославском художественном музее². Памятник был опубликован в каталоге церковных тканей «Исторический текстиль XVI – начала XX века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника» [Астафьева, 2018, с. 100–103, № 54]. Настоящая статья является следующим этапом осмысления уникального памятника русской истории и культуры. Неподдельный исследовательский интерес вызывает разносторонне одаренная и незаслуженно забытая в наше время личность преподобного Елеазара, основателя и устроителя Свято-Троицкого Анзерского скита Соловецкого монастыря, одного из духовных ориентиров царского дома первых Романовых, русской правящей элиты XVII столетия. Для этого представляется необходимым синхронизировать памятник с культурно-историческим контекстом, вспомнив основные вехи жизни преподобного. В контексте конференции «Ново-Иерусалимские чтения» духовная и житийная связь преподобного и Патриарха Никона получает очередное подтверждение. Особое внимание уделено комплексной атрибуции покрова – единствен-

1 В настоящее время – МГОМЗ.

2 На XXII научных чтениях памяти Ирины Петровны Болотцевой в марте 2017 г. был прочитан доклад «Надгробный покров Елеазара Анзерского» без последующей публикации.

ного известного в русском церковном прикладном искусстве шитого надгробного образа святого, практически не встречающейся до XIX в. иконографической особенности: изображение святого с закрытыми глазами, и типологической принадлежности памятника.

Фигура святого шита по голубому атласу, выцветшему в настоящее время до соломенного цвета. Елеазар изображен в рост, фронтально, облачен в схимнические одежды: подризник, мантию, параманд с куколем на голове. Личное написано темперой по грунтованному холсту. Преподобный изображен усопшим: глаза сомкнуты, нос тонкий со слегка изогнутыми ноздрями, густая окладистая борода и волосы с проседью разделены на многочисленные мягкие волнистые пряди, часть тонких прядей прикрывает ушные раковины (ил. 2). Кисти рук святого сложены крестообразно на груди, правая покрывает левую. Одежды и обувь шиты «по карте» золотными прядеными нитями с малозаметными шелковыми прикрепками швом «городок» с разделкой по параманду с куколем и подризнику в виде проброшенных вертикальных рядов серебряной бити. Изображения трехступенчатых Голгоф на куколе шиты блестками с прикрепой золотной канителью, глава Адама с костями – фольгой. Вокруг Голгофы блестками с прикрепой канителью вышиты надписи под титлами: Ц[А]РЬ СЛАВЫ, ИИС[УС] Х[РИСТО]С, НИ КА³. На фоне нимба золотными нитями свободной прикрепой, золотной веревочкой, канителью, фольгой, стеклами вышит цветочный узор из стебля с цветами василька, гвоздики и мелких многолепестковых цветов с длинными зубчатыми листьями. Контуры, складки одежд, границы личного и доличного отмечены золотными блестками с прикрепой золотной нитью. На фоне по сторонам головы святого золотной веревочкой вышита именующая надпись: ПР[Е]П[О]Д[О]БНЫЙ ЕЛИАЗАР. Внизу справа – бумажная этикетка Соловецкого

³ Печатный и рукописный текст передается заглавными буквами с современной пунктуацией. Рукописные тексты даны курсивом. Титлы опускаются, сокращенные буквы даны в квадратных скобках.

музея с вписанными чернильными надписями: ИНВЕНТ. № 2964 / СЕКТОР ИСТ. ХУД. / НАЗВАНИЕ ЭКСПОНАТА ПОКРОВ / НА РАКУ ЕЛЕАЗАРА АНЗ. / ШИТЬЕ. СЕРЕБР. КАНИТ. / (утрата) ЖИВОП. XVIII. Под атласом подложка из холщовой набойки с плотным, свободно расположенным, красного цвета узором из веток с кленовыми листьями на фоне точек и из фрагментов полихромного полосатого шелка. Изображение подложено ватой и закреплено на трех досках, соединенных сверху и внизу двумя короткими поперечными накладными шпонками. На торцах атлас прибит гвоздиками с подложенными фрагментами синего льняного холста. На обороте – бумажная этикетка: МУЗЕЙ СОЛОВЕЦКОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ⁴ / ИСТОРИКО-АРХЕОЛ. ОТД. / № ____.

Размеры: 181 x 66 см.

Начало строительства Елеазром Свято-Троицкого Анзерского скита можно отнести к 1621 г. Мирское имя Елеазара не известно. До этого он, сын купца Севрюкова г. Козельска из сословия «беломестных козаков» [Севастьянова, 2001, с. 8], в начале XVII в. вместе с двумя братьями уходит в Соловецкий монастырь, что соответствовало их семейной традиции. Точная дата прихода Елеазара в Соловецкий монастырь не известна. Елеазар прибыл на Соловки между 1606 и 1614 г. [Севастьянова, 2001, с. 9]. Был пострижен в монахи духовником, игуменом Иринархом, с именем Елеазар, означающим в переводе с древнееврейского «Божья помощь». Под началом настоятеля до 1616 г. проходили многочисленные послушания в Соловецком монастыре. Занимался иконописанием, перепиской духовных книг, резьбой по дереву, участвовал в работах по реконструкции иконостаса Спасо-Преображенского собора. После чего отправился на пустынный Анзерский остров, где летом 1616 г. принял схиму от отшельника иеромонаха Фирса. Смирняя себя телесно, Елеазар укреплялся духовно: питался один раз в неделю, много физически тру-

⁴ Поступления из соловецкой ризницы происходят из лагерного музея «Соловецкое общество краеведения» (СОК).

дился, носил на теле железные вериги. Позже Елеазар переселился к Троицкой губе в глубину острова. Продолжая соловецкие традиции духовного руководства, преподобный деятельно воплощал направление старчества. К нему стали приходить послушники, так образовался скит.

Соловецкий игумен Иринарх, пользовавшийся царским доверием, посещая Москву по делам монастыря, ходатайствовал перед царицей-инокиней Марфой о строительстве храма на Анзере для живших там отшельников. Соловецкий постриженник, царский советник и кум, келарь Троице-Сергиевой Лавры Александр Булатников⁵ поддержал эту просьбу, и царица Марфа пожаловала на храм 100 р. Патриарх Филарет послал грамоту Новгородскому митрополиту Макарию об устройстве на Анзере деревянной церкви во имя Троицы с приделом прп. Михаила Малеина, небесного покровителя царя Михаила Федоровича, которая была освящена в 1621 г. Из Москвы для храма были отправлены «...и образы, и сосуды, и кадило, и книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное строенье» [цит. по: Севастьянова, 2001, с. 166]. Согласно царской грамоте от 20 января 1621 г. скит должен был подчиняться Соловецкому монастырю, определившим его строителем иеромонаха Варлаама. «А ково примите к себе в Ванзерскую пустыню старцов вновь, и вы бо о том писали в Соловетцкой монастырь з братьею, чтобы то в монастыре было ведомо» [цит. по: Севастьянова, 2001, с. 171]. С 1624 г. строителем скита назначен Елеазар. Отшельники жили по примеру «древних отец скитских» в кельях в версте друг от друга, дважды в неделю собирались на общую молитву в часовне или в келье Елеазара. Богослужение совершалось по Афонскому уставу [Севастьянова, 2001, с. 19; Осипенко, 2014, с. 532].

⁵ Необычайно высокое положение в правящей российской элите келаря Троице-Сергиевой Лавры Александра Булатникова отмечал Павел Алеппский, посетивший Россию в 1655 г. в составе свиты антиохийского патриарха Макария. А. Булатников был «по своему значению третьим правителем, ибо в этой стране считают трех правителей – царя, патриарха и келаря Святой Троицы» (цит. по: [Павел Алеппский, 1898, с. 162]).

Литературное наследие Елеазара включает эпистолярные тексты: переписку с властями Соловецкого монастыря, с царским семейством, Патриархом Никоном, а также литературные сочинения, в которых Елеазар продолжает традиции житийных автобиографий [Крушельницкая, 1993, с. 22]. Елеазару приписываются четыре литературных сочинения, написанные в разных жанрах: «Своеручная хартия о видениях и откровениях» (ярко эмоциональный рассказ о благодатных видениях, внутренней жизни подвижника); «Предисловие к соловецкому богослужебному уставу» (изложение обстоятельств получения скитянами устава), «Сказание преподобного Елеазара о слышании божественного гласа» (о написании Елеазаром образа Спасителя), «Список з грамоты строителя Анзерские пустыни» (учительное сочинение) [Севастьянова, 2001, с. 40–74].

Игумен Иринарх и старец Александр Булатников рекомендовали Елеазара, духовные подвиги и авторитет которого к концу 1620-х гг. были незыблемы, государю Михаилу Федоровичу Романову. Во время первого визита Елеазара в Москву в феврале 1628 г. государь просил его молитв о даровании царской чете долгожданного наследника [Вишневская, Смирнова, 2001, с. 214; Осипенко, 2014 с. 91]. По предсказанию и молитвам преподобного 10 марта 1629 г. родился Алексей Михайлович Романов.

Елеазар неоднократно отказывался от царских предложений занять высокие церковные посты в Москве и вернулся на Анзер. Все жизненные установки преподобного были направлены на получение независимости Анзерского скита от Соловецкого монастыря, на его устройство и строительство каменного Троицкого храма. Деятельность Елеазара противоречила политике Соловецкого монастыря. После кончины его настоятеля, игумена Иринарха, в 1628 г. отношение монастырских властей к пустыни ухудшилось. Соловецким монахам не разрешалось переселение на Анзер («потерялась» царская грамота 1624 г. о переходе соловецких насельников в скит,

Елеазару пришлось просить в Москве ее подтверждения), прекратилась регулярная доставка в скит денег и продовольствия, соловецкая больница отказывалась принимать пустынножителей. Елеазар боролся за независимость скита от Соловецкого монастыря, постоянно сообщая царю Михаилу Федоровичу об их бедствиях. Царским указом от 1633 г. скит стал самостоятельным настолько, что насельники получили право избирать себе настоятеля. В 1636 г. Елеазар получил чин соборного старца. Царь, Романовы, представители правящей элиты, особенно Патриарх Филарет, продолжали делать богатые вклады в пустынь. В 1646 г. царь Алексей Михайлович подписал долгожданную грамоту о независимости скита от Соловецкого монастыря [Севастьянова, 2001, с. 28–30; Осипенко, 2014, с. 533].

В первой половине 1630-х гг. к Елеазару пришли священник Никита (будущий патриарх Никон), Никодим и Никифор – впоследствии его любимые ученики [Севастьянова, 2001, с. 30–34]. Елеазар неоднократно бывал с иеромонахом Никоном в Москве по делам скита, предвидел патриаршее служение своего духовного ученика. Преподобный сыграл самую главную роль в жизни будущего патриарха, участвуя в его духовном становлении, не оставлял Никона молитвенной помощью и после его ухода из скита, находясь с ним в постоянной переписке. Многие из правил молитвенного, монашеского делания Елеазара воплотил Патриарх Никон: храмостроительство, любовь к книгам, писательству, иконописанию, пустынножительству, аскезе (ношение вериг). Елеазара и Никона одновременно объединяли и разъединяли схожие темпераменты, одухотворенные деятельные талантливые натуры, внутреннее горение, самое главное – страстное желание независимости. Архимандрит Никон обратил на себя царское внимание и получил доверие Алексея Михайловича, прежде всего, как духовное чадо преподобного Елеазара.

Преподобный преставился 13 января 1656 г. [Голубинский, 1903, с. 159] и был погребен за алтарем Троиц-

кой церкви Анзерского скита. Впоследствии с обеих сторон от гроба были положены тела двух его учеников: Никодима и Никифора, и сооружена деревянная часовня. Спустя 100 лет при строительстве новой каменной часовни были обретыены мощи святого, поставлена гробница [Севастьянова, 2001, с. 74–75]. Авторитет Елеазара был незыблемым: он одинаково почитался и у никониан, и у старообрядцев. Просьбы о молитвенной помощи Преподобному начались на Соловках сразу после его смерти, чему способствовали многочисленные свидетельства о посмертных чудесах Елеазара. Местное почитание Елеазара было установлено при прп. Иове (Иисусе – основателе Голгофо-Распятского скита), после явления ему в 1712 г. Богородицы с Елеазаром (гравюра [МГОМЗ, инв. № ГР-621/4]) (ил. 3). «...Возможно почитание не праздничное, а поминальное...», «...из Патерика Соловецкого как будто следует, что прп. Елеазар есть не канонизированный святой, а почитаемый усопшим» [Голубинский, 1903, с. 159, с. 557].

Троицкая церковь Анзерского скита перестраивалась несколько раз. Последний храм был построен в 1884 г., его сдвинули к холму, где прежде стояла надгробная часовня Елеазара. Мощи преподобного находились под спудом. После Октябрьской революции мощи были вскрыты и вывезены с острова. Скит закрыли в 1920 г. В 1925 г. в лагерной соловецкой газете была опубликована заметка о «показе» мощей в краеведческом музее, в Благовещенском храме Соловецкого монастыря. Церковная комиссия 2003 г. на месте погребения Елеазара обнаружила фрагменты крупных и мелких костей. Медико-антропологическая экспертиза подтвердила принадлежность останков Елеазару Анзерскому [Осипенко, 2014, с. 97, 627].

В 1838 г. усердием иеромонаха Арсения Новгородского Юрьева монастыря в Троицкой церкви над мощами святого, «почивающего под спудом», была устроена бронзовая посеребренная рака с шатровой сенью. *«НАД РАКОЮ В СЕНИ ИКОНА ПРП. ЕЛ., ДЛИНОЮ 39, ШИРИНОЮ 11 ВЕРШКОВ. ЛИЦО И РУКИ ПИСАНЫ КРАСКАМИ, ВЕНЕЦ И ОДЕЖДЫ ШИТЫ*

ЗОЛОТОМ И СЕРЕБРОМ С БЛЕСТКАМИ И СТЕКЛАМИ, А ПОЛЯ ГОЛУБОГО АТЛАСА. ПО УГЛАМ 4 ХЕРУВИМА, РЕЗНЫЕ ИЗ ДЕРЕВА И ВЫЗОЛОЧЕНЫ» [Главная церковно-ризничная опись Соловецкого ставропигиального первоклассного монастыря, 1866, 241 об.]. При посещении Соловецкого монастыря Д. Ровинский также свидетельствует о надгробной иконе [Ровинский, 1884, с. 4].

Иконография Елеазара разрабатывалась в Соловецком монастыре на основе типов прославленных местных святых – Германа, Савватия и Зосимы, и окончательно сложилась после обретения мощей в 1757 г. Традиционно Елеазар изображался в мантии, схиме, с куколем на голове или на плечах, волосы и окладистая борода с проседью, «...возрастом посредний, дебел составы и плотию, образом добр, браду имея довольну и окруженну, седу весьма и не густу...» [Древнехранилище И.В. Малышева, л. 120]. Самое раннее иконописное изображение преподобного датируется второй третью XVII в.: ростовская икона «Преподобные Зосима Соловецкий, Елеазар Анзерский, блж. Иоанн Большой Колпак, прор. Илия» из Борисоглебского на Устье монастыря⁶. С наибольшей вероятностью лик на покрове написан с образа Елеазара на соловецкой иконе «Преподобный Елеазар Анзерский со сценой преставления» [СГИАПМЗ, инв. Ж-36] (ил. 4).

К уникальной иконографической особенности покровы, единожды встречающейся в шитых произведениях до XIX в., относятся закрытые глаза преподобного. В 1680-х в Строгановских мастерских Сольвычегодска был выполнен еще один лицевой надгробный покров с изображением святого князя Александра Невского усопшим [СПМЗ, инв. № 5552-ихо]⁷. Традиция изображения на лицевых покрывах умерших с закрытыми глазами была распространена в Восточной и Западной Европе. Так, лики с сомкнутыми веками мы

6 ГТГ, см.: [1000-летие рус. худ. культуры, 1988, с. 127, 357. Кат. 157] – Елеазар ошибочно назван Савватием Соловецким; [Icones russes, 2000, p. 92–93. Cat. 27] – святой идентифицирован уже как Елеазар.

7 Покров, предположительно, происходит из Рождественского монастыря г. Владимира.

видим на молдо-влахийский покрывах: Марии Мангупской из монастыря Путна и Симеона Могилы из монастыря Сучевица в Румынии [Пуцко, 2012, с. 8–21]. Возможно, выбор не традиционной для русских шитых покровов иконографической особенности связан с географией Сольвычегодска и Соловецкого монастыря. Влияние западноевропейской культуры было особенно ощутимо на Русском Севере. Еще одна наша догадка об изображении Елеазара усопшим связана с его почитанием в XVIII в. не как канонизированного святого, а как усопшего [Голубинский, 1903, с. 159, 557].

В графике мы располагаем достаточно поздними изображениями преподобного конца XVIII – начала XIX в. с образами соловецких святых на фоне архитектуры, с видами Анзерского, Соловецких островов [МГОМЗ, инв. №№ А-366; ГР-491/12; ГР-621/2; ГР-621/4; ГР-621/13, ГР-491/12]. На всех гравюрах наблюдается условная портретная схожесть соловецких святых. Гравированные изображения преследовали иные цели, которые уловил Ровинский: «...социальный заказ с целью привлечения паломников и вкладчиков в отдаленный монастырь» [Белоброва, 2005, с. 102], а также акцентирование исторической миссии Елеазара: молитвенной помощи на рождение престолонаследника⁸.

В 2014 г. в НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева к.х.н. В.Н. Ярош были проведены инструментальные исследования материалов и живописи, датирующие памятник последней четвертью XVIII в. Технологические исследования полностью совпали с визуальной атрибуцией хранителя тканей Н.А. Астафьевой, также датировавшей покров последней четвертью XVIII в. Они показали: 1. Изображение выполнено на шелке атласного переплетения со следами голубой окраски – индиго (культура бобовых), что свидетельствует об иностранном производстве шелка и датирует его XVII в. О первоначальном голубом цвете шелка,

8 Гравюра Луки Зубкова 1802 г. «Прпп. Елеазар Анзерский и Михаил Малейн с видом Анзерского острова» [МГОМЗ, инв. № 491/12].

выцветшего в настоящее время до соломенного цвета, также свидетельствуют фрагменты синего льняного полотна, подложенного под гвозди, которыми шелк прибит к деревянной основе (фрагменты подбирались в тон шелку фона); 2. Золотное шитье выполнено прядеными золотными нитями (т.н. двойник – шелковая нить обвита серебряной нитью с покрытием золотом); 3. Блестка золотная (кованое / расплющенное серебряное кольцо, покрытое позолотой); 4. Фигурная нить на нимбе пряденая золотная (двойник); 5. Бить золотная (серебряная с примесью меди с тонким слоем позолоты в верхней части); 6. Личное выполнено яичной темперой с покрытием розовым лаком и олифой. Художественные, технологические характеристики набойки, ее аналогии позволяют датировать ткань первой половиной XVIII в. Соединение «живоподобного» личного письма и золотного шитья «по карте» высокой культуры в сочетании с дорогими материалами, наличие декоративных элементов в изображении схимнических одежд, таких как использование золотных бити, канители, блесок, фольги, стекл, а также характер растительного орнамента на нимбе подтверждают датировку надгробной иконы второй половиной XVIII в.

Все составные части покрыва относятся к его первоначальному облику. С наибольшей вероятностью, личное было написано в соловецкой иконописной мастерской с иконы «Преподобный Елеазар Анзерский со сценой преставления» [СГИАПМЗ, инв. Ж-36]. В Соловецкой обители не было золотошвейных мастерских по причине ее мужской принадлежности⁹. Золотное шитье выполнялось для Соловецкого монастыря в близлежащих женских монастырях: Шенкурском, Холмогорском. Или заказ отправлялся из соловецкой казны в золотошвейную мастерскую Москвы [Вишневская, Смирнова, 2000, с. 306–307].

В Книгу поступлений памятник был записан как

⁹ Нам не известно ни одного письменного свидетельства о существовании золотошвейной мастерской в Соловецкой обители.

шитая икона XIX в., в музейный инвентарь – как покров на раку XIX в. [Книга поступлений № 1; Инвентарная книга № Т-1]. С наибольшей вероятностью, образ святого первоначально был выполнен как надгробный покров.

Самым ранним покровом с лицевым изображением является «портретный» покров Сергия Радонежского, выполненный около 1425 г. [СПМЗ, инв. № 412]. Схема изображения святого на покрове сложилась к XVI в. В среднике выполнялось прямоличное изображение святого в реальном масштабе, в облачении согласно его чину. Прототипом для надгробных покровов из ткани послужили деревянные резные надгробия с изображениями святых в рост. Появление скульптурных надгробий в Балканских странах, Румынии и в Средневековой Руси связано с почитанием святых мощей, лежавших открытыми для поклонения [Grabar, 1980–1981]. Чудодейственная сила мощей передавалась резным крышкам раки и надгробным покровам, наглядно воплощавшим идею их нетления. Покровы возлагали внутрь на мощи, на внутреннюю крышку раки, поверх раки, вешали вертикально на стену.

Скорее всего, после обретения мощей надгробный образ был выполнен как покров, смонтированный на деревянную основу, и использовался как крышка раки с мощами Елеазара. В 1838 г. после строительства раки с сенью поверх гробницы была положена другая икона с живописным изображением Елеазара «...НА ДЕРЕВЯННОЙ ДОСКЕ ИЗОБРАЖЕН ЖИВОПИСЬЮ ПРП. ЕЛ. АНЗЕР. ЧУДОТВОРЕЦ, СВЯТЫЕ МОЩИ КОТОРОГО ПОЧИВАЮТ ПОД СПУДОМ ...» [Главная опись Соловецкого монастыря, 1866, л. 241 об]. Покров, бывший прежде на мощах, был помещен вертикально на стену как икона, свидетельствующая нетленность мощей¹⁰.

Прототипами для надгробного покрывала Елеазара

¹⁰ В русской церкви существует практика перемещения надгробного покрывала вертикально на стену и использование его как иконы. При изменении формальной типологии не меняется суть: покрывала сменяют друг друга. Так, в северо-западном углу Успенского собора Московского Кремля под сенью находится серебряная рака митр. Ионы. Над ней, на стене в витрине, можно видеть покров XVII в. с шитым изображением митрополита. Древняя практика распространяется и на плащаницы, которые помещались на стену вертикально.

послужили крышка раки преподобного Савватия Соловецкого 1566 г. [ММК, инв. № СК-85/1]¹¹ и два надгробных покрыва преподобных Зосимы и Савватия Соловецких начала XVIII в. [ММК, инв. №№ ТК-2990, ТК-2997]¹².

Литература

1000-летие русской художественной культуры. Каталог выставки. Гамбург–Москва, Schloss Gottorf, 1988.

Астафьева Н.А. Исторический текстиль XVI – начала XX века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника. Каталог. М., 2018.

Белоброва О.А. Елеазар Анзерский в русской гравюре начала XIX в. // Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. Сб. ст. ИРЛИ РАН. М., 2005. С. 97–102.

Вишневская И.И., Смирнова Н.А. Облачения Соловецкой ризницы // Соловецкий монастырь. Кн.-альбом. М., 2000. С. 259–310.

Вишневская И.И., Смирнова Н.А. Облачения и богослужебные предметы из тканей // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. Каталог выставки. М., 2001. С. 212–267.

Главная церковно-ризничная опись Соловецкого ставропигиального первоклассного монастыря, 1866. Ч. 2. Музей «Московский Кремль», инв. № Рук. – 1437.

Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

¹¹ Крышка раки выполнена новгородскими резчиками в 1566 г. по заказу митрополита Филиппа (Колычева). Образ Савватия выполнен в смешанной технике: лик и руки написаны темперой, одежды вырезаны в невысоком рельефе. Венец покрыт растительным орнаментом. См.: [Сохраненные святыни Соловецкого монастыря, 2001, с. 126–127; Соколова, 2003, с. 80–98].

¹² Покровы выполнены в мастерской Акулины Бутурлиной. С покрывами Зосимы и Савватия покровы Елеазара сближают не только идентичные иконографические, но и технико-технологические характеристики доличного. Личное на покрывах выполнено в технике аппликации с вышитыми контурами, одежды золотными пряженными нитями с малозаметными шелковыми прикрепами крупными швами, основным из которых является шов «городок» и его разновидности, как в случае исследуемого покрыва (см.: [Маясова, 2004, с. 416–419]).

Древнехранилище И.В. Малышева. Список нач. XIX в., ИРЛИ РАН. Карельское собрание, № 131. Л. 120.

Инвентарная книга № Т-1 (1965–1995). МГОМЗ. Отдел учета экспонатов.

Книга актов № 3 – Книга актов и прочих документов приема экспонатов на постоянное хранение № 3 (1936–1939). МГОМЗ. Отдел учета экспонатов.

Книга поступлений № 1 (1924–1930). МГОМЗ. Отдел учета экспонатов.

Крушельницкая Е.В. Повесть Мартирия Зеленецкого и автобиографическое повествование в памятниках русской литературы XIV–XVI вв. // ТОДРЛ. Сб. ст. ИРЛИ РАН. Т. 46. СПб., 1993. С. 21–35.

Маясова Н.А. Древнерусское лицевое шитье. Каталог. М.: Красная площадь, 2004.

Осипенко М.В. Соловецкая обитель: история и святыни. Книга паломника. Соловки, 2014.

Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским / Перевод с арабского Г. Муркоса. М., 1898. Вып. 3.

Пуцко В.Г. Шитые покровы в иконографии русских святых XV–XVII веков // Страницы истории отечественного искусства. К 75-летию со дня рождения Л.Д. Лихачевой. Вып. XXI. СПб., 2012. С. 8–21.

Ровинский Д.А. Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб., 1884.

Севастьянова С.К. Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. СПб., 2001.

Соколова И.М. Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков. Каталог. М., 2003.

Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. М.: Белый берег, 2001.

Grabar A. La thème du «gisant» dans l'art byzantin. Cahiers archéologiques 29. 1980–1981. P. 143–156.

Icones russes: Les saintes / Fondation P. Gianadda. Martigny (Suisse), 2000.

В.В. Горшкова

Проект «Обретение» Ярославского художественного музея

Аннотация: В 1930 году ярославские реставраторы спрятали на чердаке музейного здания – Митрополичьих палат XVII века 81 икону. Сотрудники музея обнаружили их в 1977 году. Обстоятельства появления икон в здании, их изучение, реставрация и презентация стали содержанием проекта «Обретение» Ярославского художественного музея.

Ключевые слова: музей, комплекс икон, реставраторы, спасение древнерусских памятников.

Gorshkova V.V.

“Acquisition”. The project of Yaroslavl Art museum

Abstract: In 1930 restorers of Yaroslavl buried 81 icons on the attic of museum – Metropolitan palace of the 17 century. In 1977 museum employees found them. The project of Yaroslavl Art museum named “Acquisition” is devoted to the circumstances of the hiding of these icons, their research and presentation.

Keywords: museum, icon collection, restorers, saving of the ancient Russian heritage.

31 мая 2019 года в Государственном Историческом музее закончила работу выставка «Обретение. Иконы, спасенные на чердаке музея». Эта выставка, сопровождаемая каталогом, стала важным, хотя не окончательным подведением итогов работы нескольких десятилетий и нескольких поколений музейных работников и реставраторов Ярославского художественного музея. Данная статья посвящена истории формирования проекта «Обретение», трансформации его осмысления и воплощения.

Началом проекта фактически является событие, которое долго оставалось музейной легендой, существующей на грани корпоративного фольклора, которым так богата музейная жизнь. Только воспоминания бывшего главного хранителя ЯХМ Т.Л. Васильевой, по нашей просьбе прочитанные на Болотцевских чтениях 2006 года и опубликованные в сборнике чтений 2007 года, придали этому событию реальный смысл, да еще и подкрепленный письменными документами.

Т.Л. Васильева вспоминала: «В 1977 г. ...музеем предстояло в кратчайшие сроки подготовить здание [Митрополичьих палат – прим. авт.] к размещению в нем экспозиции отдела древнерусского искусства... В феврале ... были присланы плотники для проверки состояния перекрытий в местах протечек. Во время этих работ и были обнаружены две иконы на чердаке здания». Т.Л. Васильева и заведующая отделом реставрации А.Н. Клячина обследовали чердак и нашли еще несколько икон. «Иконы были уложены на деревянные перекрытия „лицом“ вниз, на темную плотную бумагу. Сверху толстым слоем лежала земляная засыпка и мелкий строительный мусор. Плотник, работавший с нами, очень осторожно извлекал гвозди, которыми иконы крепились к перекрытиям. Гвозди были прибиты аккуратно, в тех местах, где не было изображений, преимущественно на полях икон... Несмотря на тяжелые условия, в которых долгое время находились иконы, на удивление их состояние было вполне сносным... перед нами открывались произведения XVII–XVIII вв., явно наши, ярославские. Их внушительные размеры, разнообразные сюжеты, качество исполнения поражали воображение» [Васильева, 2007, с. 4]. Всего была найдена 81 икона (ил. 1).

По решению расширенной фондовой комиссии от 22 марта 1977 года было предложено 25 произведений XVII–XVIII веков включить в основной фонд ЯХМ, 5 икон передать в Ярославский музей-заповедник, 46 – в Госфонд, 5 – как не сохранившие живопись – были предназначены для уничтожения [Васильева, 2007, с. 11]. Такой пристрастный отбор

объяснялся бытующим в то время мнением о том, что иконы Нового времени XVIII – начала XX века не представляют художественной ценности.

С другой стороны, коллекция икон ЯХМ на 1977 год насчитывала только 64 отреставрированных произведения XIII–XVII веков из общего числа 1318, большая часть которых находилась в аварийном состоянии. Отдела древнерусского искусства в музее не существовало (он откроется в 1980 году), а единственный специалист по иконописи И.П. Болотцева еще только приступала к осмыслению традиций ярославской иконописной школы XVII века. Абсолютная неясность обстоятельств появления икон на чердаке, работы по строительству экспозиции в новом помещении – все это не позволяло оценить значимость события. Понимание его постепенно формировалось на протяжении десятилетий.

Сотрудники музея не спешили расставаться с иконами и поместили их в хранилище. Как безномерные они хранились более десяти лет. В течение этого времени их, наряду с другими произведениями, укрепляли, выводя из аварийного состояния. Только в 1989 году эти памятники были инвентаризированы.

В связи с активной выставочной деятельностью музея в 1990-х годах началась реставрация отдельных икон, найденных на чердаке, но эти произведения осмыслились в рамках других выставочных проектов. Так, первой в 1991 году была отреставрирована икона «Николай Чудотворец» 1880–1890-х годов для выставки «Русский стиль», а за ней последовали уже в конце 1990-х годов «Великомученик Пантелеимон» 1894 года, «Княгиня Ольга» начала XX века, «Святитель Митрофан Воронежский» 1861(?) года.

Более четкие очертания проект «Обретение» получил к 2010-м годам, когда в процессе изучения художественных процессов в иконописи пришло понимание значимости икон Нового времени в целом, и ярославских в частности. Проблемам так называемой поздней иконы были посвящены исследования О.Б. Кузнецовой.

Хранитель коллекции А.В. Федорчук стал все чаще включать иконы «с чердака» в реставрационные планы музея. Иконы раскрывали как музейные реставраторы, так и дипломники МГХПА им. С.Г. Строганова под руководством Е.И. Серегиной. Грядущее столетие Ярославского художественного музея также стимулировало изучение памятников. И открытия не заставили себя ждать: в 2008 году была отреставрирована икона «Воскресение с Сошествием во ад», оказавшаяся памятником 2-й половины XVI века редкой иконографии (ил. 2).

Выяснилось, что среди икон, найденных на чердаке музейного здания, присутствуют комплексы. Например, шесть икон деисусного чина, две из которых – «Апостол Петр» и «Апостол Павел» конца XVII века ныне отреставрированы.

Сюрпризом оказалась икона «Вход в Иерусалим» конца XVIII века. Ее сравнение с иконой «Сретение» из собрания ЯХМ выявило их принадлежность одному праздничному чину. Поскольку других праздничных икон этого размера и этой стилистики в музейном собрании нет, коллекция пополнилась еще одним замечательным комплексом.

Среди задач по изучению икон с чердака Митрополичьих палат было и выявление их происхождения. Здесь важны были архивные сведения о закрытии храмов и роспуске приходов. Помогла также икона «Спас Вседержитель на престоле», у которой – единственной – был написан на обороте инвентаризационный номер – 1013. Этот номер и размеры иконы совпали с «Описью икон фонда Ярославского Отделения Центральных Государственных Реставрационных мастерских», составленной летом 1930 года Н.В. Перцевым, незадолго до закрытия ЯО ЦГРМ. Благодаря описи установлено, что эта икона происходит из ярославской Крестовоздвиженской церкви, закрытой в июне 1930 года [НА ЯХМ, Описание икон, л. 16 об.].

Иконы «Пророк Аарон» (ил. 3) и «Праотец Мельхиседек» были дверями в жертвенник и диаконник одного иконостаса. Вполне вероятно, что эти памятники могут происходить из

Покровской церкви Казанского монастыря 1827 года, закрытой в 1930 году. Это предположение основано на сравнении описи Покровской церкви Казанского монастыря, составленной около 1853 года, и надписи на самой иконе. В монастырской описи указано, что на южной двери иконостаса изображен «Мелхиседек, царь Салимский» [ГАЯО (Государственный архив Ярославской области), ф. 1118, оп. 1, д. 24, л. 29 об.]. Именно такая надпись присутствует и на иконе.

Если наше предположение верно, тогда известен автор этих икон. Это ярославский иконописец Константин Иванов Смирнов (10.05.1785 – 06.02.1839). В договоре художника с игуменьей Казанского монастыря Маргаритой о написании икон в Покровскую церковь в срок до 15 сентября 1827 года называются, в том числе, образы «ветхозаветных первосвященников Мелхиседека и Аарона» [Шемякин, 2012, с. 450–451].

Афонская икона «Великомученик Пантелеимон» 1894 года, скорее всего, находилась в церкви Вознесения, закрытой в апреле 1929 года. На ее обороте написано имя владельца – купца Егора Кузьмича Масленникова. Благодаря материалам, предоставленным заведующим отделом информационного обеспечения и публикации документов ГАЯО С.В. Севрюковой, известно, что купец Е.К. Масленников был прихожанином Вознесенской церкви и умер в 1898 году [ГАЯО, ф. 1118, оп. 1, д. 1148, л. 11 об; ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 377, л. 229 об. – 230; ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1310, л. 228–230]. Икона, вероятно, была вложена в храм по его душе.

Определить происхождение иконы «Архидиакон Филипп» (и парной к ней «Архидиакон Авив»), а также «Богоматери Тихвинской» 1744 года помогли бесценные по своей информативности реставрационные протоколы Н.И. Брягина 1920-х годов. Замечательный реставратор работал не только с иконами ЯО ЦГРМ, но и укреплял иконы в действующих церквях, оформляя эту работу документально. Важно, что он указывал не только названия, но и размеры, местонахождения икон, и – в случае с «Богоматерью

Тихвинской» 1744 года – дату (у Н.И. Брягина – 1734, видимо, из-за нечеткой видимости Л-30 и М-40). Так стало ясно, что образы архидиаконов Филиппа (ил. 4) и Авива происходят из церкви Вознесения [НА ЯХМ (Научный архив Ярославского художественного музея), ф. 7, оп. 1, д. 57, л. 53], а «Богоматерь Тихвинская» – из церкви Параскевы Пятницы в Калачной слободе [НА ЯХМ, ф. 7, оп. 1, д. 57, л. 94].

Кто и когда уложил эти произведения на чердаке Митрополичьих палат? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к истории формирования музейной коллекции икон и реставрации этого здания XVII века.

В Ярославле в начале XX века, в отличие от многих других городов, не было ни крупных частных собраний икон, ни епархиального музея. Музейная коллекция иконописи формировалась из того наследия, которое находилось в храмах и которому грозило физическое исчезновение из-за тяжелейших условий, сложившихся в городе после подавления антибольшевистского мятежа в июле 1918 года. Сожженный на 2/3, оставленный жителями, город представлял собой удручающее зрелище. В поврежденных снарядами храмах не велись службы, из них выносили все, что может пригодиться для жизни в разоренном городе. Даже в 1923 году выдающийся исследователь древнерусской культуры А.И. Анисимов писал: «Условия нахождения икон в церквях Ярославля являются исключительными: многие храмы настолько пострадали от обстрела города, что на долгие годы и, может быть, десятилетия, выбыли из строя как здания, пригодные для отправления культа. Пробоины в стенах не заделаны, окна остаются выбитыми, ветер, снег и дождь свободно проникают всюду, птицы города – голуби и чайки – находят в верхних частях зданий постоянный приют и покрывают пометом иконостасы, иконы и частью самые стены...» [Общество и власть в деле охраны памятников, 1996, с. 244].

Физическим спасением древнерусских памятников архитектуры и живописи, которыми так богат Ярославль,

занимались государственные организации, созданные в 1918–1919 годах: ЯО ЦГРМ и Ярославский государственный областной музей.

Сотрудники ЯО ЦГРМ, наряду с напряженными работами по архитектурной реставрации, оборудовали на территории пострадавшего, но не разрушенного Спасо-Преображенского монастыря хранилище икон, куда они поступали в начале 1920-х годов из поврежденных снарядами церквей, а в конце 1920-х – из закрываемых храмов Ярославля и округи. В церкви Михаила Архангела находился склад икон Государственного музейного фонда, которым также ведало ЯО ЦГРМ.

Одновременно в ведение музея было передано несколько церквей, иконы которых числились за музеем. Таким образом, в городе сложились две организации, обладавшие иконописным наследием, имевшие свои хранилища и составлявшие учетные документы.

Обе организации тесно сотрудничали: в коллегию – руководящий орган музея – входили сотрудники ЯО ЦГРМ: заведующий К.Х. Прилепской (до ареста в 1927 году), его заместитель И.И. Князев, архивариус И.А. Тихомиров, агент-инструктор Н.В. Перцев. Работой по сохранению памятников древнерусского искусства руководил начальник Подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Ярославском Губернском отделе народного образования Н.Г. Первухин, бывший одновременно и директором областного музея. Автор монографий 1910-х годов о ярославских церквях Ильи Пророка, Богоявления и Иоанна Предтечи в Толчкове, Н.Г. Первухин совместно с научными руководителями ЦГРМ П.Д. Барановским и А.И. Анисимовым не раз обследовал храмы Ярославля, ставя памятники на государственный учет, спасая их тем самым от разграбления и уничтожения (ил. 5).

По сравнению с музейными иконами, фонд иконописи ЯО ЦГРМ был значительно больше. В него постоянно поступали иконы из закрываемых церквей. Реставратор

Н.И. Брягин исследовал иконы путем пробных расчисток, или полного раскрытия, а затем директор музея (фактически отдела) древнерусского искусства В.А. Перцев (до ухода на пенсию в 1927 году) отбирал в музей наиболее значимые произведения. После В.А. Перцева этот отбор осуществлял Н.Г. Первухин (до увольнения в 1929 году).

Фонд икон реставрационных мастерских в 1920-х годах постоянно увеличивался. Важным документом, помогающим понять историю появления икон на чердаке Митрополичьих палат, является докладная записка Н.В. Перцева, составленная в феврале 1930 года: «... к настоящему времени из закрытых церквей г. Ярославля ... вывезены иконы из летней Петра и Павла, Спаса на городу, Спасо-Пробоинского и зимней Симеона Столпника. Эти иконы сложены в неразобранном виде в Преображенском соборе монастыря и не инвентаризированы. Внести их в инвентарь в данное время не представляется возможным ввиду трудности работать в нетопленном помещении и предстоящих новых перевозок икон из закрытых и закрываемых молитвенных зданий» [ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 24, л. 2]. Икон было так много, что ЯО ЦГРМ просило разослать иконы XVII–XVIII веков всем музеям Советского Союза в обмен на печатные материалы, или безвозмездно [Кузнецова, 2001, с. 92]. То есть к середине 1930 года хранилища ЯО ЦГРМ были переполнены, и вставал вопрос, где размещать поступавшие произведения.

Одновременно летом 1930 года в здании Митрополичьих палат, разрушенном в 1918 году, ЯО ЦГРМ вело интенсивные реставрационные работы. После их завершения здесь должна была расположиться картинная галерея, ранее находившаяся в здании Духовной консистории и закрытая в феврале 1930 года.

К лету 1930 года, как следует из отчетов ЯО ЦГРМ, в Митрополичьих палатах была сделана крыша, восстановлен весь первый этаж здания, а на втором – настланы деревянные потолки, «сделана штукатурка всех потолков, стен, проемов

по 2 этажу... Сделана смазка по толю и засыпка чердачных перекрытий сухой землей [курсив наш]... Заканчиваются работы по устройству перекрытия над большим залом с штукатурными и печными работами во 2-ом этаже. Начаты работы по настилке полов» [ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 31, л. 15]. Указание на смазку по толю и засыпку чердачного перекрытия сухой землей точно совпадает с воспоминаниями Т.Л. Васильевой об особенностях местонахождения икон на чердаке здания.

По нашему мнению, именно тогда, т.е. летом 1930 года, и были уложены на чердак Митрополичьих палат иконы, которые переполняли хранилища ЯО ЦГРМ и не были инвентаризированы. Реставраторы, отвергавшие любую возможность уничтожения икон, и знавшие, что в этом здании будет расположена Картинная галерея исторического музея, спасли иконы, которые при других обстоятельствах были бы отправлены «в отход».

В этом выводе нас убеждают и последующие события. В начале августа 1930 года всех каменщиков и плотников сняли с Митрополичьих палат и перевели на другие работы. В результате «остановились устройство перекрытия большого зала, настилка полов и устройство временной входной лестницы; приостановка работ задерживает на неопределенное время передачу помещения Картинной галерее», – писали в своем акте И.И. Князев, И.А. Тихомиров и десятник С.Я. Пшёнкин [ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 39, л. 361–361 об.]

2 октября 1930 года вышел приказ по Наркомпросу о создании комиссии по ликвидации ЯО ЦГРМ. Ликвидационная комиссия работала до 8 октября [НА ЯХМ, ф. 7, оп. 1, д. 8а, л. 214, 214 об.], а 15 октября 1930 года ЯО ЦГРМ было закрыто.

Территорию Спасского монастыря, где располагались реставраторы, заняло военное ведомство, а 1191 икону, которые числились по документам ЯО ЦГРМ, принял музей, при котором была организована реставрационная мастерская. В ней остались работать бывшие сотрудники ЯО ЦГРМ

И.А. Тихомиров, И.И. Князев, Н.И. Брягин, Н.В. Перцев, Д.Н. Догадушкин [ГАЯО, ф. Р-1401, оп. 1, д. 26, л. 20]. Им предстояло завершать реставрацию Митрополичьих палат. Исходя из практики строительных работ того времени, можно уверенно утверждать, что с октября 1930 года все работы на здании были приостановлены до весны следующего года. При этом обстановка в музее, как и во многих учреждениях культуры страны, была тревожной.

В декабре 1930 года уволенные ранее из музея Н.Г. Первухин и В.А. Перцев были арестованы, а затем выслааны. В 1931 году во главе музея поставили М.А. Иосмана – «члена партии, но мало знающего музейное дело» – как позже характеризовал его И.И. Князев [ГАЯО, ф. Р-863, оп. 1, д. 116, л. 13]. В том же году Н.В. Перцев уехал из Ярославля в Ленинград. Приблизительно в это же время И.И. Князев ушел работать в проектное бюро Губстроя. В 1932 году реставратор Н.И. Брягин был арестован и погиб в Ивановской тюрьме, а в феврале 1933 года умер от болезней и истощения отправленный на пенсию И.А. Тихомиров.

Реставрационные работы в здании Митрополичьих палат затянулись. В плане работы научно-производственной мастерской Ярославского краеведческого музея на 1932 год намечалось закончить работы и устроить каменное крыльцо с южной стороны [ГАЯО, ф. Р-1400, оп. 1, д. 58, л. 93]. Однако в здании было сделано только самое необходимое и при этом с минимальными затратами.

В мае 1932 года в Митрополичьих палатах начала работу Картинная галерея. К этому времени в музее был только один искусствовед – только что принятая на работу молодой научный сотрудник Александра Алексеевна Алехина. Знала ли она об иконах на чердаке здания? Вероятно, рассказать ей об этом было уже некому.

Однако сведения о спрятанных на чердаке музея иконах в начале 1950-х годов были известны тогдашнему его директору В.И. Кожевниковой. Летом 1951 года по ее приглашению

в Ярославль приехали заместитель директора по научной работе музея им. Андрея Рублева Н.А. Демина и заведующий отделом реставрации станковой темперной живописи ГЦХРМ В.В. Филатов.

Кроме большой работы по научной инвентаризации фонда ярославских икон и выведения их из аварийного состояния, В.В. Филатов вместе с В.И. Кожевниковой и, вероятно, по ее инициативе, обследовали с чердака потолки Митрополичьих палат. В.В. Филатов по доскам определил, что это иконы XIX–XX веков, но предположил, что «при тщательном и широком обследовании там могут оказаться и более ранние произведения» [ГАЯО, ф. Р-2258, оп. 1, д. 169, л. 3].

Видимо, комплекс причин, как, прежде всего, идеологического, так и материально-технического характера не позволил сотрудникам музея в это время извлечь иконы с чердака Митрополичьих палат. Судя по всему, следующее поколение музейных сотрудников – директор В.П. Митрофанов и главный хранитель Е.П. Юдина, работавшие здесь в 1952–1959 годах, ничего о них не знали.

В 1959 году Художественный музей стал частью объединенного Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Экспозиция и хранилища переехали из здания Митрополичьих палат на территорию бывшего Спасского монастыря, а в здании Митрополичьих палат, где продолжали оставаться иконы, разместилось Культпросветучилище.

В 1969 году Художественный музей был выделен из состава объединенного музея, став самостоятельной организацией, а в начале 1977 года музею было предоставлено новое здание – Митрополичьи палаты, откуда было выведено училище работников культуры. Вот тогда-то и наступило время обретения спасенного в 1930 году наследия. Характерно, что П.Д. Барановский – куратор ярославской реставрационной мастерской (к нему обращалась Т.Л. Васильева в конце 1970-х годов), ничего не знал о спрятанных на чердаке иконах.

Видимо, ярославские реставраторы, хорошо понимавшие современную им ситуацию в обществе, сделали это скрытно, естественно, не отразив своих действий ни в каких документах.

Итак, предпосылки проекта Ярославского художественного музея «Обретение» сложились в 1930 году – в тот период истории музея, когда и музея-то, строго говоря, не существовало. Картинная галерея, открывшаяся в 1932 году в здании Митрополичьих палат, была составной частью Областного исторического музея. Естественно, сотрудники ЯО ЦГРМ, видимо, рассчитывавшие, что иконы будут находиться там недолго и вскоре попадут в музейный фонд, ни о каком проекте «Обретение» не могли даже и мыслить, ибо жили и действовали в условиях своей эпохи. Но круг памятников, которые пополнят собрание ЯХМ и станут объектами реставрации, осмысления и презентации, фактически предопределили они. Эти же люди своим деянием обозначили цели и задачи проекта «Обретение», создав не только его содержательный стержень, но и, без преувеличения, его нравственный пафос, придавший ему дополнительную актуальность.

Литература

Васильева Т.Л. Обретение (к истории отдела древнерусского искусства Ярославского художественного музея) // Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): сб. статей. Ярославль, 2007. С. 4–11.

Кузнецова О.Б. К истории поступления некоторых ярославских икон в ГТГ // V Научные чтения памяти И.П. Болотцевой (1944–1995): сб. статей. Ярославль, 2001. С. 90–98.

Общество и власть в деле охраны памятников: По материалам Ярославской губернии 1918–1943 / Публикация Н.П. Рязанцева / Под ред. А.М. Селиванова // Ярославский архив. Историко-краеведческий сборник. М., 1996. С. 210–320.

Шемякин А.И. Словарь мастеров художественных ремесел Ярославля XVIII–XIX веков / Под ред. А.М. Рутмана. Ярославль, 2012.

Опись икон фонда Ярославского Отделения Центральных Государственных Реставрационных мастерских / Научный архив Ярославского художественного музея.

«Хорошее понимание
и разумная оценка
остатков старины»:
Московское археологическое
общество и духовенство

Аннотация: В статье впервые ставится вопрос о роли духовенства в изучении и сохранении российских древностей. Автор рассматривает деятельность архимандрита Леонида (Кавелина) по описанию рукописных книг ученого-археолога Алексея Уварова, что являлось одним из важных направлений его насыщенной научной жизни.

Ключевые слова: Московское археологическое общество, охрана древностей, рукописные книги, каталог древностей, музейная коллекция.

Polyakova M.A.

«Good comprehension
and rational appreciation
of the remains of antiquity»:
the Moscow Archaeological
Society and clergy

Abstract: The article for the first time raises the question about the role of clergy in exploration and preservation of Russian antiquities. The author considers the activities of archimandrite Leonid (Kavelin) in describing the manuscripts of the scientist-archaeologist Alexey Uvarov, which was one of the important directions of his rich scientific life.

Keywords: Moscow Archaeological Society, protection of antiquities, manuscripts, antiquities catalogue, museum collection.

«Хорошее понимание и разумная оценка остатков старины» – такую важнейшую задачу перед Московским археологическим обществом поставил инициатор его создания и пожизненный председатель граф Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884) – известный ученый-археолог, коллекционер и музейный деятель. Созданное им в 1864 году общество занимало особое место в общем ряду научных археологических обществ второй половины XIX – начала XX века. Оно было необычайно популярно в научном сообществе и играло координирующую роль в работе ученых, а также просто любителей древности: и своими заседаниями, и, начиная с 1869 года, Всероссийскими археологическими съездами.

Московское археологическое общество объединяло высоких профессионалов, энтузиастов, специалистов в самых различных областях знаний, и это стало основой обращения к широкому кругу проблем по самым различным направлениям развития гуманитарных наук: члены общества занимались сбором и публикацией документов и иконографического материала о памятниках старины, на его заседаниях обсуждались важнейшие методологические проблемы изучения археологических артефактов и памятников зодчества, остро ставились вопросы сохранности уникальных объектов и возможности их реставрации. Немаловажную роль играла и законотворческая деятельность: общество детально рассматривало все проекты специального закона об охране старины, а первый проект закона, подготовленный членами общества, был зачитан его председателем на I Археологическом съезде в 1869 году.

Современные исследователи отмечают бесспорные заслуги Московского археологического общества в развитии археологии как науки о древностях, в становлении различных вспомогательных исторических дисциплин. Немаловажное значение в деятельности общества занимало и чисто популяризаторское направление, оно должно было решать задачу «...возбуждения сочувствия к остаткам старины русской,

разработки разных вопросов, касающихся произведений русского духа, русского искусства и уничтожения среди общей массы народонаселения равнодушия к этим произведениям» [Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников, 1907, т. 1, с. 32].

Московское археологическое общество занималось и практической деятельностью. Немало уникальных церквей и объектов гражданской архитектуры было спасено им от перестроек, от некорректного использования, да и просто от разрушения. Можно назвать Коломенский кремль, Китайгородскую стену в Москве, Сухареву башню, особняк Леонтьевых в Гранатном переулке. Под пристальным «неусыпным оком» ревнителей российской старины находились церкви и монастыри. Авторитет общества в научном мире, высокий профессиональный уровень в решении вопросов реставрации древних памятников, а главное – искреннее стремление к сохранению древних архитектурных форм дали основание Святейшему Синоду в своем Циркуляре от 20 декабря 1878 года привлечь ученых археологических обществ (Петербургского, Одесского и Московского) для выдачи разрешения епархиальному начальству на переделки, поправки и снос памятников древности. Это сугубо практическое направление стало приоритетным именно в Московском обществе. В 1890 году при обществе была сформирована специальная комиссия – Комиссия по сохранению древних памятников, которая рассматривала представленные проекты, «...насколько в них, в предполагаемых пристройках, перестройках, возобновлении и сломке зданий или частей оных, может быть нанесен ущерб произведениям, имеющим археологическое значение» [Древности. Труды Московского археологического общества, 1894, т. 15, с. 62]. Таким образом, Московское археологическое общество имело право veto, оно могло запретить или разрешить те перестройки и «поновления», которые планировали епархиальные власти. Общество очень внимательно рассматривало каждую просьбу, члены Комиссии собирали максимум ар-

живного и иконографического материала, нередко отправляя несколько своих коллег непосредственно к памятнику. И только после обсуждения (все это отражено в протоколах заседания Комиссии по сохранению древних памятников) окончательно выносилось решение. Нередко общество отказывало епархиальным властям осуществлять перестройку или даже самое незначительное, с точки зрения современных принципов охраны наследия, поновление храма или монастырской постройки. Можно спорить сегодня о правомерности некоторых решений общества, но очевидно одно, что благодаря его твердой позиции в стремлении сохранить древние здания было спасено от варварских перестроек множество ценнейших памятников. Достаточно назвать только одну цифру: в Комиссии было рассмотрено 4186 дел, подавляющее большинство из них было по московским святыням и уникальным гражданским объектам. Так, рядом с церковью Рождества Богородицы в Путинках было решено построить большой доходный дом, который фактически закрыл бы этот уникальный памятник. Общество обратилось к властям города с требованием сохранить его. В протоколе заседаний общества от 23 марта 1911 года подчеркивалось: «Нужно охранять должное уважением к святыням» [Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников, 1914, т. 5, с. 8].

Общество имело свой собственный дом, он так и назывался: «Дом Московского археологического общества». Это были Палаты Аверкия Кириллова, редкий образец архитектуры XVII века. Здание было подарено императором Московскому археологическому обществу в 1870 году. Отреставрированное на средства общества, оно и после его закрытия в 1923 году продолжало служить делу сохранения российской старины: в советские годы в нем располагались реставрационные мастерские, затем Институт краеведческой и музейной работы, затем Институт культуры, культурологии, ныне в этом здании Институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева [Полякова, 2016].

Во главе Комиссии, которая насчитывала 12 человек, стояла П.С. Уварова. Деятельное участие в ней принимали архитекторы К.М. Быковский, Ф.Ф. Горностаев, Н.В. Никитин, А.Ф. Мейснер, З.И. Иванов, художники А.М. Васнецов и И.С. Остроухов. Представители любых сословий могли присутствовать на заседаниях общества, участвовать в работе археологических съездов: граф Уваров оценивал людей не по происхождению, а по словам и по уму. В биографическом словаре членов Московского археологического общества (в нем 500 биографий) можно встретить и представителей купеческого сословия, и крестьянства [Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914)].

Особенно близко к Московскому археологическому обществу, его председателю графу А.С. Уварову и графине П.С. Уваровой были представители высшего духовенства, чья научная, просветительская деятельность полностью отвечала задачам общества. Таких имен можно назвать много, это был достаточно широкий круг ученых, имевших очень много точек соприкосновения. Их научные изыскания, выявление и описание редких документов, библиотек, коллекционирование – вот те проблемы, которые их объединяли и которые становились необходимой для общения почвой, на которой возникали новые идеи, осуществлялись совместные труды, реализовывались задуманные планы. Московское археологическое общество предоставляло такую возможность общения – еженедельные заседания, всероссийские и областные археологические съезды. Заметим, что в XIX веке – «веке научных обществ», эту возможность предоставляли и другие общества, недаром члены Московского археологического общества были одновременно и членами других обществ. Как известно, граф Уваров был членом Русского археологического общества, Московского архитектурного и многих других. Вместе с тем Московское общество было наиболее демократичным, как уже упоминалось, представители самых разных

сословий могли принимать участие в заседаниях и выступать на археологических съездах.

Нередко сугубо деловые научные отношения перерастали в теплое человеческое общение. Именно так произошло с выдающимися учеными – супругами Уваровыми, Алексеем Сергеевичем и Прасковьей Сергеевной, и архимандритом Леонидом.

Архимандрит Леонид (Кавелин) – человек энциклопедических знаний, выдающийся просветитель и исследователь в самых разных областях гуманитарного знания, был избран действительным членом Императорского Московского археологического общества 23 декабря 1875 года [ОР РГБ. Ф. 148. Картон ю. Л. 1]. Известно, что архимандрит Леонид был членом самых разных, очень авторитетных обществ. Можно назвать ОИДР (Общество истории и древностей российских, действительный член с 1867 г.), Русское археологическое общество (действительный член с 1880 г.), Петербургская Академия наук, Отделение русского языка и литературы (член-корреспондент с 1882 г.), Императорское Православное Палестинское общество (почетный член). Избрание его действительным членом МАО упоминается далеко не во всех изданиях [Жебелев, 2017].

Вместе с тем это было не просто почетное звание, которого, бесспорно, заслуживал архимандрит Леонид, за этим стояли годы общения с ним председателя МАО А.С. Уварова, его супруги Прасковьи Сергеевны и их теплые отношения, за этим стояла также важнейшая работа архимандрита по описанию рукописной коллекции Уварова. Об этом свидетельствуют различные источники, в частности воспоминания Прасковьи Сергеевны, переписка ее с архимандритом – фонд архимандрита Леонида (материалы к описанию рукописей, переписка) [ОР РГБ, ф. 148].

Кроме того, активная деятельность архимандрита Леонида как наместника Троице-Сергиевой лавры с 1877 года по благоустройству Лавры, ее окружения (Гефсиманского

скита и пещер вокруг него) не могла проходить без участия Московского археологического общества. Практически все современники, оставившие свои воспоминания о Лавре тех лет, пишут о поновлении фресковой живописи в юго-западном притворе Успенского собора, о позолоте луковичного купола церкви Св. Троицы [Воскресенский, 1892; Горчакова, 1888; Случевский, 1891]. В некрологе, посвященном кончине архимандрита Леонида, напечатанном в Журнале Министерства народного просвещения, подчеркивалось, что после назначения Леонида наместником Лавры «...первою его заботою было обновление храмов лавры: Успенский собор приведен в благолепный вид, все церкви поновлены...» [Журнал Министерства народного просвещения, 1891, с. 133]. Непосредственное участие в обсуждении проблем реставрации этой знаменитой святыни членами Московского археологического общества и графа Уварова лично не подлежит сомнению.

Можно предположить, что знакомство графа А.С. Уварова и архимандрита Леонида было давним: еще во время настоятельства отца Леонида в Новом Иерусалиме и его работы над «Описанием славяно-русских рукописей библиотеки Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря» общение этих ученых было достаточно тесным. Вспомним устойчивый научный и собирательский интерес графа в это время к славянским древностям, в том числе к рукописным раритетам. Вполне возможно, что архимандрит мог посетить в те годы и знаменитый музей Уваровых «Поречский музей» (усадебный комплекс Можайского уезда), в котором были представлены коллекции Сергея Семеновича Уварова (антики) и Алексея Сергеевича (славянские древности). Экспозиция музея могла повлиять на пробуждение интереса архимандрита к музейным проблемам [Полякова, 2013].

Архимандрит в 1870-е годы печатался в Трудах Московского археологического общества. Ранняя работа Леонида (Кавелина) «Посещение Болгарских развалин Петром I и Екатериной II», напечатанная в 1846 году в религи-

озно-поучительном журнале «Маяк», в переработанном виде в 1877 году была опубликована в Трудах IV Археологического съезда в Казани. В VII томе Трудов Московского археологического общества (в «Древностях») была напечатана работа архимандрита «Московский Звенигород и его уезд в церковно-археологическом отношении».

Алексей Сергеевич был известным коллекционером. Продолжая пополнять коллекцию (по преимуществу античную) своего отца, Сергея Семеновича Уварова, он сосредоточился на русских древностях (его собрание стало называться «Русским музеем»). Уже после его смерти был издан каталог его собрания, автором которого была Прасковья Сергеевна [Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова]. В предисловии она писала, что в него включены только те предметы, которые или были куплены, или обнаружены непосредственно в курганах. Изучению этих предметов, по словам Прасковьи Сергеевны, «...он (граф А.С. Уваров – М.П.) посвятил свою жизнь, отдал свое время, силы и здоровье» [Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова, т. 4, с. VIII]. Каталог был издан в четырех томах в 1887–1908 годах. Объем этой работы был огромен. Но у Прасковьи Сергеевны были помощники: архимандрит Леонид взял на себя описание рукописей, А.В. Орешников – боспорских монет, Н.П. Кондаков – резных и литых монет, крестов и кипрских древностей. Помогали Уваровой Д.Н. Анучин и В.Е. Румянцев.

В воспоминаниях Прасковьи Сергеевны есть несколько страниц, которые посвящены самому началу работы над каталогом. Она пишет, что за несколько дней до кончины граф «...просил составить каталог его Русского музея и его рукописного собрания, указывая на архимандрита Сергиево-Троицкой Лавры Леонида, который мог заняться рукописями» [Уварова, 2005, с. 157]. Графиня отправилась в Сергиево-Троицкую Лавру и передала просьбу мужа взяться за составление каталога рукописей. Ответ архимандрита, по словам

П.С. Уваровой, был следующим: «...он согласился, видимо, с удовольствием, но с условием, что он будет работать, постарается довести работу до желаемого конца ради науки и памяти усопшего, но бесплатно» [Уварова, 2005, с. 158]. Графиня при этом замечает, что летом (то есть летом 1885 года) архимандрит собирался приехать в Поречье на отдых и для работы над каталогом.

С 1885 года началась интенсивная работа по обработке рукописей собрания графа. Графиня с помощью детей укладывала рукописи в ящики и отправляла их архимандриту в Лавру. Он распределял их по порядку, ставя новую нумерацию, сохраняя при этом старую, описывал рукописи и возвращал их Прасковье Сергеевне.

Сохранившаяся переписка графини и архимандрита демонстрирует, как проводилась эта работа. В фонде Леонида (Кавелина) в Отделе рукописей РГБ сохранились материалы к «Систематическому описанию славяно-российских рукописей собрания графа А.С. Уварова» (здесь список пересылаемых рукописей, археографические и библиографические заметки, письма графини к архимандриту). В большинстве писем графини, которые датируются 1885–1891 годами, содержится сугубо деловая информация о посылке и получении от архимандрита уже обработанных рукописей. В ряде писем встречается списочное перечисление присылаемых документов. К сожалению, архимандрит не успел закончить эту работу. В его описание вошли рукописи И.Н. Царского, А.С. Норова, частично И.П. Сахарова. Была описана приблизительно одна треть порецкого собрания (800 рукописей и 194 документа из 2243). Описание было издано уже после смерти архимандрита Леонида, в 1893–1894 годах в 4-х частях [Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А.С. Уварова].

Графиня Уварова обращалась к архимандриту Леониду за помощью при организации археологических съездов. Так, для членов VIII Археологического съезда в Москве в 1890 году

она просила архимандрита предоставить копии каталогов и описаний «всех Ваших сокровищ» (ризницы, монастырских построек). В официальном письме от Московского археологического общества от 5 января 1890 года графиня просит содействия отца Леонида в разрешении «ученой поездки» членов съезда с целью осмотра хранящихся в монастыре сокровищ [ОР РГБ. Ф. 148. Картон 10. Ед. хр. 14. Л. 1].

Вместе с тем, читая эти письма, понимаешь, что эти люди связаны не только общим важнейшим делом, но и давними дружескими связями. Они обмениваются книгами, графиня передает отцу Леониду семейные новости. Интересен ответ графини на присылку Леонидом своей книги «Святая Русь или сведения о всех святых подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. Изложены в таблицах, с картою России и планов Киевских пещер», опубликованной в Петербурге в 1891 году. Графиня пишет: «...Ваш новый труд, который по настоящее время велик для нас, Русских; меня всегда поражало то явление, что мы, преподавая Закон Божий, никогда не обращаем внимания нашей русской молодежи на Святых наших Русских, что, по-моему, весьма важно» [ОР РГБ. Ф. 148. Картон 10. Ед. хр. 14. Л. 11].

В письме от 18 апреля 1890 года Прасковья Сергеевна сообщает о семейной радости: сын Федор просил руки графини Екатерины Васильевны Гудович и получил ее согласие. «Вы всегда так добры к нашей семье», – замечает графиня [ОР РГБ. Ф. 148. Картон 10. Ед. хр. 14. Л. 7]. Несколько раз в письмах содержится приглашение приехать в Поречье, в письме, датированном 24 июня 1891 года, графиня и ее дети приглашают архимандрита приехать к ним в имение: «Погода чудная... Рада, что Вы здоровы и что Вам за лето удастся отдохнуть». Графиня просит оповестить их телеграммой о приезде, «дабы мы могли бы выслать на станцию лошадей» [ОР РГБ. Ф. 148. Картон 10. Ед. хр. 14. Л. 14]. Судя по письмам, архимандрит мог гостить в Поречье и летом 1888 года: «очень, очень рада, что обстоятельства позволят Вам посетить нас,

тем более рада, что это необходимо для каталога» [ОР РГБ. Ф. 148. Картон 10. Ед. хр. 13. Л. 14]. Доподлинно неизвестно, приезжал ли архимандрит в Поречье в 1880-е годы, в гостевой книге Поречья, которая сохранилась в ОПИ Государственного исторического музея, автографа отца Леонида нет. Но посетив Поречье, он мог и не оставить свой автограф.

Итак, данная статья посвящена архимандриту Леониду. В предъюбилейные дни это вполне объяснимо и оправданно. Но практически о деятельности каждого представителя просвещенного духовенства можно сказать очень многое: подавляющее большинство из них были исследователями и просветителями, истинными хранителями русской старины. Многие были членами различных обществ, в том числе и Московского археологического. Просвещенное духовенство играло очень важную роль в работе общества: и приходские священники, и высшие иерархи многое делали для изучения и сохранения отечественного наследия. О направлениях деятельности духовенства по изучению и сохранению памятников старины можно говорить очень долго: среди работ были и скромные очерки по истории своего храма или села, в котором этот храм находился; и исследования по истории уезда или губернии. Изучались коллекции и отдельные уникальные предметы, нередко священнослужители были инициаторами создания музеев. К результатам этой работы, опубликованным отдельными изданиями, напечатанным в трудах ученых архивных комиссий, церковно-археологических комитетов, епархиальных ведомостях, мы обращаемся до сегодняшнего дня – все эти исследования востребованы учеными, краеведами, музейными работниками.

Литература

Воскресенский Г.А. Памяти архимандрита Леонида, наместника Троице-Сергиевой Лавры. М., 1892.

Горчакова Е.С. Троице-Сергиев посад и его окрестности // Воскресный день. 1888. С. 1–35.

Древности. Труды императорского Московского археологического общества. М., 1894. Т. 15.

Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского Археологического общества. Т. 1–6. 1907–1915.

Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921. Исторический очерк. Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). М., 2017.

Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1891, ноябрь.

Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). Биографический словарь. Т. II. / Под редакцией графини П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М., 1915.

Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Т. 1–4. М., 1887–1908.

Никольский А. Архимандрит Леонид Кавелин. СПб., 1914.

Полякова М.А. Усадьба Поречье Уваровых в культуре России. М., 2013.

Полякова М.А. Московское археологическое общество и проблемы сохранения культурного наследия // Восьмые Всероссийские краеведческие чтения. Москва–Подольск, 16–17 мая 2014 г. М., 2016. С. 6–10.

Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А.С. Уварова. В 4-х частях / Архимандрит Леонид. М., 1893–1894.

Случевский К.К. Троице-Сергиева лавра. М., 1881.

Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005.

Л.М. Черненилова

**Экспозиция
«Особая кладовая»
в МВК «Новый Иерусалим».
Открытия в процессе
создания**

Аннотация: Утрата в годы Великой Отечественной войны учетных документов музея привела к утрате сведений о происхождении экспонатов, поступивших в музей до 1940 года. Экспонаты из драгоценных металлов и церковные ткани поступали в музей «Новый Иерусалим» в 1920–1930 годах из разных источников.

В статье содержится обзор экспонатов, прежде всего из драгоценных материалов, происхождение которых было выявлено в процессе работы над экспозицией.

Ключевые слова: учетные документы, утраты, происхождение, вклады.

Chernenilova L.M.

**Exhibition “Treasury”
in MEC “New Jerusalem”.
Discoveries in the course
of creation**

Annotation: A loss of the museum registration documents during the years of the Great Patriotic war led to a loss of information about the origin of the objects that were received by the museum up to 1940. Objects of precious metals and gems and ecclesiastical vestments were arriving to the museum “New Jerusalem” from different sources over a period of 1920–1930-es.

The article contains survey of exhibits, mainly, made of precious materials, the origin of which was found out in the course of work on the exhibition.

Keywords: registration documents, losses, origin, donations.

Вкратце надо коснуться истории формирования художественных коллекций музея «Новый Иерусалим», которому в 2020 году исполнилось 100 лет. При рождении музей располагался на территории ансамбля Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и назывался Государственный Ново-Иерусалимский художественно-исторический музей. Создание музея, по крайней мере, на первом этапе, было связано с проблемой сохранения культурного наследия «Нового Иерусалима». А наследие было немалое. Это и памятники русского зодчества XVII–XIX веков, прежде всего Воскресенский собор, и художественные ценности ризницы, и архив монастыря, и, наконец, монастырский музей памяти Патриарха Никона, основанный в 1874 году архимандритом монастыря Леонидом (Кавелиным).

В июле 1921 года по инициативе Главмузея (так сокращенно именовался Отдел по делам музеев, охране памятников искусства и старины) в стенах бывшего Ново-Иерусалимского монастыря был открыт еще и краеведческий музей. Первоначально оба музея были независимы друг от друга. 20 апреля 1922 года их объединили в единый Государственный Ново-Иерусалимский художественно-исторический и краевой музей. Появление краеведческого подразделения во многом определило направление его дальнейшей деятельности. Директором объединенного музея был назначен Натан Александрович Шнеерсон. (Н.А. Шнеерсон был расстрелян в 1941 году и реабилитирован в 1956-м.)

Возглавив музей, Натан Александрович начал активно формировать художественные коллекции, в частности за счет обследований усадеб западной части Подмосковья. Мандат, выданный Шнеерсону, давал право вывозить предметы музейного значения в Ново-Иерусалимский музей. Собрание изобразительного искусства и предметов дворянского быта еще увеличилось в ходе кампании по ликвидации в середине 1920-х годов «музеев-усадоб». Тогда в наш музей попала часть коллекций из усадеб Петрово-Дальнее, Никольское-Урюпино, Дубровицы, Царицыно, Остафьево.

В 1920–1930-х годах фонды музея пополнились произведениями церковного искусства из закрытых монастырей и музеев, расположенных на их территориях, – подмосковных Можайского Лужецкого и Саввино-Сторожевского и Никоновского музея Валдайско-Иверского монастыря, который в 1919 году был создан по инициативе Главмузея Наркомпроса, а в 1933 году закрыт. В результате к концу 1930-х годов музей в Истре сосредоточил в своих фондах значительный массив культурных ценностей, что позволяло ему претендовать на ведущее место в ряду музеев Московского региона.

Со времени основания и практически весь довоенный период музей в Новом Иерусалиме подвергался реорганизациям, обусловленным поиском музейной формы, наиболее соответствующей требованиям «текущего момента». Название неоднократно менялось. В 1935 году после закрытия в Москве Московского областного музея и передачи части его собрания в Истру музей в Новом Иерусалиме стал Московским областным краеведческим музеем. В 1991 году он в очередной раз поменял название и статус на Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим».

Великая Отечественная война делит историю музея на две эпохи: довоенную и послевоенную. Не будем останавливаться подробно на этих трагических и героических страницах в истории Нового Иерусалима и музея. Для нас важно, что в 1941 году из Истры в Москву, а потом в Алма-Ату была эвакуирована часть фондов, относящаяся к спецхрану – изделия из драгоценных металлов и церковные ткани, что позволило сохранить их с минимальными потерями.

По возвращении из эвакуации экспонаты были записаны в новые учетные книги, поскольку старые книги погибли. В графе «Источник поступления» нынешней Главной инвентарной книги значится: «Из бывшего Истринского музея». Из других учетных документов важных для нас сохранились Инвентарная книга церковных тканей 1928 года и Акт от 6 февраля 1933 года о передаче в Истру экспонатов

из Никоновского музея в Валдайско-Иверском монастыре [Акт, 1933].

Выявление источников поступления экспонатов в музей началось в конце 1970-х годов с работы над инвентарными книгами (книгами вторичного учета) и книгами специального учета. Были прочитаны вкладные надписи, что позволило выявить экспонаты из драгоценных металлов, ранее хранившиеся в ризницах других монастырей и некоторых храмов. В дальнейшем хранитель фонда драгоценных металлов Е.И. Рогожкина сделала несколько публикаций памятников из драгоценных металлов из ризниц Ново-Иерусалимского, Валдайско-Иверского [Рогожкина, 2002] и Саввино-Сторожевского монастырей [Рогожкина, 2007; 2010]. На значительной части экспонатов вкладных надписей нет, что делает эту задачу трудновыполнимой, но не совсем безнадежной.

Иногда началом выявления комплекса экспонатов из того или иного места служили случайные находки. Так произошло, например, с памятниками шитья из ризницы Валдайско-Иверского монастыря. Будучи сотрудником отдела архитектуры, я одновременно описывала церковные ткани для инвентарной книги. В фототеке Музея архитектуры им. Щусева в фонде Валдайско-Иверского монастыря увидела фотографии предметов из ризницы этой обители (покрывцы, набедренники, фелонь с шитым оплечьем). В послевоенной Главной инвентарной книге нашего музея в 1946 году они были записаны как поступившие из ризницы Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, что было не единственным случаем такой подмены.

Фотография фелони с оплечьем обратила внимание на подобные оплечья с лицевым шитьем из нашего собрания, хранящиеся в настоящее время отдельно от фелоний и стихарей, с которыми они поступили в музей в 1933 году. То, что в музей в Истре поступили не оплечья, а фелони и стихари с оплечьями, следует из вышеупомянутого акта.

Акт 1933 года и особенно Каталог Никоновского музея в Иверском монастыре стали бесценными источниками информации в процессе работы над Каталогом лицевого и орнаментального шитья из фондов музея «Новый Иерусалим» [Черненилова, 2013]. Описания предметов, данные в Акте 1933 года, как правило, краткие. По ним затруднительно опознать предмет с достаточной убедительностью, но в сочетании с описаниями в Каталоге это сделать удастся.

Акт 1933 года был опубликован Яковлевой Надеждой Петровной – старшим научным сотрудником Валдайского филиала Новгородского музея-заповедника [Акт, 1933; Яковлева, 2011]. Н.П. Яковлева отметила в нем, как сохранившиеся, предметы, которые к тому времени были известны по публикации Е.И. Рогожкиной, упустив опубликованные к тому времени памятники лицевого шитья из этого же собрания [Черненилова, 1995].

Автор этой статьи не является ни хранителем изделий из драгоценных металлов, ни хранителем фонда икон и работала с этими экспонатами эпизодически и особенно много в процессе подготовки экспозиции «Церковное искусство». Работа эта длилась не один год. Приходилось опираться на описания сотрудников, которые хранят фонды, на свои накопленные знания, опыт и даже на зрительную память.

Непосредственно перед монтажом экспозиции «Особая кладовая» были окончательно определены экспонаты, которые войдут в экспозицию. В этикетаже мы сочли необходимым давать, по возможности, сведения об их происхождении. И на этом этапе естественным было вновь обратиться к Каталогу Никоновского музея и Акту 1933 года. И первым было прочитано подробное описание оклада напрестольного Евангелия 1681 года, который выделялся своим оригинальным оформлением. Оклад очень подробно описан и в Каталоге, и в Акте [Каталог, 1920: № 1; Акт, 1933: № 1]. Описание, вероятно, опиралось на запись ризничной описи, поскольку основное внимание уделено перечислению цвет-

ных камней, которые, как показала апробация, драгоценными не являются, за исключением топазов. Главное украшение этого оклада из слабо вызолоченного серебра – лицевые изображения, выполненные в технике перегородчатой эмали. Здесь мастер не покрывает эмалью чеканку, как бы раскрашивая изображение, что чаще всего встречается в изделиях XVII века, а использует древний способ, создавая рисунок тонкими пластинами и заполняя его стекловидной массой. Эмали оклада не столь драгоценны и совершенны, как выполненные на золоте эмалевые изображения Византии, Древней Руси или средневековой Грузии, однако именно их вспоминаешь, глядя на это интересное и довольно редкое произведение ювелирного искусства конца XVII века (ил. 1).

Д.Д. Франц указывает на то, что «по преданию» Евангелие «пожертвовано монастырю» патриархом Иоакимом (1674–1690), который с 1657 года был насельником, а потом и строителем монастыря на Валдае, заведя монастырскими вотчинами и крестьянами. Оклад, безусловно, требует внимания и изучения. Определение его происхождения и предполагаемого вкладчика можно считать началом этого процесса.

В экспозиции «Особой кладовой» представлено еще два Евангелия из Валдайско-Иверского монастыря. На окладе Евангелия 1753 года есть надпись: «Сие Евангелие Иверского монастыря весом 12 фунтов 29 золотников» и городское клеймо Новгорода с датой 1758 год [Каталог, 1920: № 6; Акт, 1933: № 5]. Оклад украшен чеканным орнаментом, типичным для первой трети XVIII века, а его традиционная композиционная схема усложнена шестью овальными медальонами с изображением Страстей Господних.

Надпись на окладе большого, «в лист», Евангелия 1759 года: «Зделано при архимандрите Пахомии Добрыне 763 года иулия 3 дня» подтверждает принадлежность памятника к обители на Валдае [Каталог, 1920: № 8; Акт, 1933: № 7].

Архимандрит Пахомий Добрыня был настоятелем Валдайского монастыря с 1758 по 1769 год, когда он скончался. Франц не приводит эту надпись. Скорее всего, он ее просто не увидел на румпе оклада верхней доски переплета очень тяжелой книги. Оклад отличается обилием черненных деталей, необычным для Евангелий изображением на среднике Успения Пресвятой Богородицы, что говорит о принадлежности Евангелия ризнице Успенского собора Валдайско-Иверского монастыря. Серебряный по позолоченному фону, изящный, тронутый чернью и тщательно проработанный чеканный орнамент передней доски оклада соединяет в себе рокайль, растительные мотивы – пальмовые листья, гирлянды цветов и множество мелких изображений символов и атрибутов Страстей. Не менее красив и оклад задней доски с изображением Троицы в виде Саваофа, Святого Духа в сиянии и Распятия.

Всего, согласно Акту, в Новый Иерусалим было передано 7 напрестольных Евангелий в окладах. В процессе подготовки этого сообщения трудно было удержаться и не выяснить, сколько Евангелий из семи, числящихся в Акте 1933 года, хранится сейчас в нашем музее. Оказалось – шесть. Три сейчас в экспозиции. Одно имеет адресующую надпись и простой, не очень интересный оклад из бархата с серебряными накладками [Каталог, 1920: № 2; Акт, 1933: № 2]. Два Евангелия опознаются по описаниям именно в Каталоге. Евангелие 1735 года в окладе 1743 года имеет детали, которые не указаны в Акте, но описаны Д.Д. Францем. Это – финифтяные изображения на среднике и наугольниках и «серебряные чеканные прорезные узоры» вокруг них. На окладе городское клеймо Москвы – «Георгий Победоносец», клеймо пробирного мастера Афанасия Рыбакова (1729–1748) и мастера Иакова Федорова [Каталог, 1920: № 3; Акт, 1933: № 3] (ил. 2).

У Евангелия 1748 года оклад сборный XVII и XVIII веков. Отличительная деталь оклада и передней и задней доски – прорезная чеканная кайма по краю [Каталог, 1920: № 4; Акт, 1933: № 4]. Только в Каталоге все Евангелия имеют в описании год издания.

В процессе работы над экспозицией по очень подробным описаниям в Каталоге удалось опознать две митры из Валдайско-Иверского монастыря из восьми, представленных в экспозиции. Красивую, хорошо сохранившуюся митру из кованого серебра детали позволяют датировать первой третью XVIII века [Каталог, 1920: № 101; Акт, 1933: № 104]. Типичен для этого времени прорезной чеканный ободок по краю. Перекрестья митры украшены запонами XVII века. Такие детали разной формы со вставками из драгоценных камней привозились из Турции и использовались для украшения одежды, конской сбруи, оружия и т.д. (ил. 3).

Вторая митра «золотой бити, унизанная жемчугом, с пятью финифтяными образами» и вставками из красного стекла по стилистическим признакам датируется концом XVIII века или самым началом XIX столетия [Каталог, 1920: № 102; Акт, 1933: № 105]. Из описанных в Каталоге митр одна в Акте не значится, еще одна времени императора Павла в наших фондах, к сожалению, отсутствует.

Настоящим подарком для нас были выявленные иконы, которые, согласно сведениям Каталога, принадлежали Патриарху Никону. Четыре иконы середины XVII века в серебряных вызолоченных окладах работы мастеров Серебряной палаты монастырское предание считало подаренными Никону царем Алексеем Михайловичем из собственной опочивальни. По Акту их опознать в наших фондах крайне затруднительно, но в Каталоге оклады икон описаны очень подробно с пересчетом цветных вставок и даже утрат. В процессе подготовки к экспонированию были объединены иконы и оклады, которые хранились в разных фондах и у разных хранителей.

Оклады Тихвинской иконы Божией матери [Каталог, 1920: № 129; Акт, 1933: № 18] и иконы «Христа Вседержителя на престоле» [Каталог, 1920: № 127; Акт, 1933: № 16] имеют значительное сходство в рисунке и исполнении чеканного орнамента с трилистниками и гроздьями, а также оформление бровки по краю. Скорее всего, оклады этих икон выполнены одним мастером. Не совпадает в некоторых важных

деталей описание в Каталоге и настоящее состояние оклада Тихвинской иконы. В Каталоге и, вслед за ним, в Акте указывается, что венец Богоматери был с короной, а цата была другой. В настоящее время корона отсутствует, чеканная цата заменена на литую из золота, не соответствующую стилю и технике исполнения всего оклада. Сам образ имеет многочисленные утраты красочного слоя. Остальные же детали – чеканные изображения архангелов Михаила и Гавриила на полях, крупные цветные вставки в кастах с эмалью, даже утрата семи вставок на бровке по краю указывают на то, что речь все же идет об этой иконе. Когда и почему оклад претерпел такие изменения, и соответствовало ли описание в Акте реальному виду иконы при передаче ее в Истру? Возможно, в Акт просто переписали в сокращенном варианте описание из Каталога (ил. 4).

Оклад маленькой иконы «Христос Вседержитель на троне» поражает разнообразием техник, орнаментов и совершенством исполнения. Оклад собран из нескольких деталей и закрывает всю живописную поверхность, кроме лица и ступней Спасителя. Отдельно выполнены чеканные поля оклада и фигура Христа на троне, формы которого повторяют форму и детали живописного изображения. Фон средника закрывают две пластины с черневыми узорами. По зёму соответствует серебряная пластина с орнаментом в виде треугольников. Верхняя позолоченная пластина украшена орнаментом в виде тонкого стилизованного закручивающегося стебля с мелкими листиками (ил. 5, 6).

Оклад подробно описан в Каталоге. Он украшен вставками из красного и зеленого стекла, нимб обнизан жемчугом. В описании отмечена утрата одной цветной вставки по краю оклада. В Акте описание сильно сокращено и содержит существенную для узнавания памятника ошибку. Буквально повторяя текст Каталога: «на полях ризы три крупных простых красных камня, а по углам четыре светло-зеленых» (четыре светло-зеленых камня – бирюза, видимо, уже умершая к тому времени), составители Акта продолжают: «одного

из них недостает», перенося эти сведения из следующего предложения. Такого рода ошибки доказывают, что составители Акта активно использовали Каталог Франца.

При описании оклада Владимирской иконы Богоматери [Каталог, 1920: № 128; Акт, 1933: № 17] Д.Д. Франц обращает внимание не только на количество цветных вставок (согласно апробации «простые камни» – это стекла, за исключением одного рубина и одной шпинели), но и выделяет оправу с эмалью «трех нижних камней с инкрустацией, к сожалению, сильно попорченной». Оклад этой иконы украшает виртуозно исполненный чеканный орнамент в виде очень тонкого, выющегося и завивающегося стебля с довольно крупными листьями и цветками-розетками на густо канфаренном фоне. Тонкий блестящий стебель выглядит рисунком на матовом фоне с гладкими выпуклыми точками на нем, характерными для памятников начала XVII века. Особое изящество орнамента с розетками в его составе вызывает в памяти искусство русских ювелиров предыдущего столетия. В Акте описание памятника предельно краткое (ил. 7).

Очень хороша икона Богородицы в басменном окладе на полях, с чеканным венцом с красивой прорезной коруной и цатой с изображением Троицы Ветхозаветной [Каталог, 1920: № 130; Акт, 1933: № 19]. Описывая икону, Франц поправляет запись в ризничной книге, где икона названа Иерусалимской, определяя икону как Смоленскую, поскольку Младенец располагается на левой руке Марии. Однако эта икона – довольно редкой иконографии Богородицы – «Гора Нерукосечная». Здесь и иконопись, и чеканка самого высокого качества. К сожалению, цата так прикреплена к доске, что ее невозможно поднять или вообще снять, чтобы открыть изображение полностью. Автор Каталога отмечает разницу между басмой и венцами с цатой. Последние, по его мнению, «носят на себе следы западного искусства». Вероятно, причиной такого вывода стал динамичный, пластичный и усложненный характер чеканного орнамента (ил. 8).

Из Валдайского Иверского монастыря происходит икона Троицы Ветхозаветной в окладе на полях последней трети XVII века, которая тоже представлена в экспозиции «Особой кладовой» [Каталог, 1920: № 147; Акт, 1933: № 24].

В процессе работы с каталогом были выявлены как поступившие с Валдая иконы, которые или представлены в экспозиции «Церковное искусство» сейчас, или экспонировались в залах музея в разное время и которые хранятся в фонде иконописи. Это, прежде всего, одна из лучших икон нашего собрания – Корсунская икона Богоматери конца XVII века работы мастера Оружейной палаты [Каталог, 1920: № 144; Акт, 1933: № 21]. Поступление иконы с Валдая подтверждает оклад, описанный в каталоге, в котором икона поступила в музей в Истре. Икона опубликована Н.А. Мерзлютиной [Мерзлютина, 2019].

Представленные в экспозиции «Церковное искусство» иконы XVIII века «Тайная вечеря» и «Преполовление» также происходят из Никоновского музея в Валдайско-Иверском монастыре [Каталог, 1920: № 142; Акт, 1933: № 34 и Каталог, 1920: № 146; Акт, 1933: № 23] (ил. 9, 10).

Оттуда же поступила в фонды нашего музея икона «Преображение Господне с Успением Пресвятой Богородицы» конца XVII века в красивом сложном окладе средника, выполненном в технике эмали по скани [Каталог, 1920: № 149; Акт, 1933: № 36]. Его композиция и детали подражают оформлению гравюр с изображением Евангелистов в изданиях Московского печатного двора середины столетия (ил. 11).

Согласно Акту 1933 года в Истру было передано 30 икон. Не все они были в окладах. В нашем собрании далеко не обо всех иконах известно, откуда они поступили. Возможно, в дальнейшем какие-нибудь из тех икон, которые никогда не экспонировались и не попадали в зону пристального внимания, будут опознаны как поступившие с Валдая.

Большинство экспонатов из серебра XVI–XVII веков работы западных мастеров, в основном Аугсбурга и Нюрнберга, публиковались Е.И. Рогожкиной как имеющие отношение к Патриарху Никону. За редким исключением они поступили в наш музей из Валдайско-Иверского монастыря [Рогожкина, 2002]. Три предмета также из Иверского монастыря, описанные подробно в Каталоге и хранящиеся сейчас в нашем музее, выявлены в процессе подготовки данного сообщения. Под номером 52 в Каталоге записана «Тарелка серебряная XVII века, пожертвованная Патриархом Никоном, на трех ножках, посередине вырезаны цветы и узоры: края – в виде восьми фестонов. На оборотной стороне вырезано слово „Никон“» [Акт, 1933: № 86]. Предмет изготовлен в Западной Европе (ил. 12).

Около 1600 года в Аугсбурге сделано «Блюдо серебряное XVII века иностранной работы» [Каталог, 1920: № 49; Акт, 1933: № 83], в центре выпуклая, вызолоченная мишень с чеканными цветами и плодами. Борт декорирован гравированными изображениями картушей, завитков и плодов. В картушах – композиции на фоне пейзажей: «Венера с Амуром», «Помона с рогом изобилия и путто», «Пирующий Вакх». В Каталоге они названы эмблемами времен года (весна, лето, осень) (ил. 13).

Уточнения датировки требует блюдо, изготовленное в Нюрнберге или в XVII, или в самом начале XVIII века. В центре блюда накладная композиция с изображением путто, несущего виноград, в обрамлении прорезного стилизованного растительного орнамента [Каталог, 1920: № 51; Акт, 1933: № 85] (ил. 14).

В настоящее время из 116 предметов, переданных согласно Акту в Истру, из тех, которые внесены в Каталог, выявлено в разное время 68. Внимательное сопоставление описаний в этих источниках и экспонатов, хранящихся в фондах музея, дают надежду на дальнейшие открытия. Прежде всего, это касается напестольных и наперсных крестов, которые здесь не рассматривались. Хранителям икон и драгоценных металлов есть над чем работать.

Литература

[Акт, 1933] Яковлева Н.П. Передаточные акты музейных предметов из собрания Никоновского музея Иверского монастыря в Истринский государственный краевой музей // Никоновские чтения в Музее «Новый Иерусалим». Вып. III. М., 2011. С. 344–360.

Мерзлютина Н.А. Икона «Богоматерь Корсунская» из собрания Музейно-выставочного комплекса «Новый Иерусалим» // Материалы научной конференции «Симон Ушаков и мастера Оружейной палаты». М., 2019. С. 143–146

Рогожкина Е.И. Личные вещи и вклады Патриарха Никона из фонда драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим» // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002. С. 47–56.

Рогожкина Е.И. Царские вклады в Звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь в XVII веке // Саввинские чтения. Труды Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея. М.: «Северный паломник», 2007. С. 50–61.

Рогожкина Е.И. Вклады архиепископа Смоленского и Дорогобужского Филарета в Звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь // Саввинские чтения. Сборник трудов по истории Звенигородского края. Вып. 2. М.: «Лето», 2010. С. 169–187.

[Каталог, 1920] Франц Д.Д. Каталог Никоновского музея в Иверском монастыре близ Валдая. Новгород, 1920.

Чернишова Л.М. Памятники лицевого шитья из Валдайско-Иверского монастыря // Древнерусское художественное шитье. Материалы и исследования / Гос. музей Московского Кремля. М., 1995. С. 149–160.

Чернишова Л.М. Волшебная нить. Лицевое и орнаментальное шитье XVI – начала XVIII века из собрания музея «Новый Иерусалим». Каталог. М., 2013.

Яковлева Н.П. Никоновский музей Иверского монастыря // Никоновские чтения в Музее «Новый Иерусалим». Вып. III. М., 2011. С. 127–148.

Список сокращений

ААЭ – Акты Археографической экспедиции
АМГ – Акты Московского государства
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси (книга)
БТ – Богословские труды
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
ГВСИАиХМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЦХРМ – Государственные центральные художественно-реставрационные мастерские
ИППО – Императорское Православное Палестинское общество
ИРЛИ РАН – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
МГОМЗ – Московский государственный объединенный музей-заповедник Коломенское – Измайлово – Люблино
МГХПА – Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова
МАО – Московское археологическое общество
ММК – Музеи Московского Кремля
НА ЯХМ – Научный архив Ярославского художественного музея
НББ – Национальная библиотека Беларуси
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОИДР – Общество истории и древностей российских
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ППС – Православный палестинский сборник
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ПЭ – Православная энциклопедия
РАЖВиЗ Ильи Глазунова – Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова
РАН – Российская академия наук
РБС – Русский биографический словарь
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РДМ – Русская Духовная Миссия
РИБ – Русская историческая библиотека (сборник)
РНБ – Российская национальная библиотека
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров
СГИАПМЗ – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник
СПМЗ – Сергиево-Посадский музей-заповедник
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы
ЦНБ НАН – Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси
ЯО ЦГРМ – Ярославское отделение Центральных государственных реставрационных мастерских
ЯХМ – Ярославский художественный музей

Авторы / Authors

Астафьева Надежда Анатольевна, хранитель тканей.
Московский государственный объединенный музей-заповедник, e-mail: 7256241@mail.ru

Astafyeva Nadezda Anatolievna, Curator of Textiles. Moscow State United Museum-reserve, e-mail: 7256241@mail.ru

Беляев Леонид Андреевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН (117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19), e-mail: labeliaev@bk.ru

Belyaev Leonid Andreevich, Doctor habilitatis in history, corresponding member of RAS, Head of the department of Moscow Rus', the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulianov str., Moscow, 117292), e-mail: labeliaev@bk.ru

Герасимова Ирина Валерьевна, кандидат искусствоведения, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и теологии исторического факультета Псковского государственного университета (180000, Псков, пл. Ленина, 1), e-mail: bazylek@yandex.ru

Gerasimova Irina Valerievna, PhD in Arts, PhD in History, Associate Professor, theology and philosophy Dept, Historical Faculty, State University (1, Lenin sq., Pskov, 180000), e-mail: bazylek@yandex.ru

Горшкова Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, заведующий отделом древнерусского искусства Ярославского художественного музея (150000, Ярославль, Волжская набережная, 23), e-mail: odri_77@mail.ru

Gorshkova Victoria Victorovna, PhD in history, chief of the Department of Ancient Russian art, Yaroslavl Art museum (23, Volga embankment, Yaroslavl, Russia, 150000), e-mail: odri_77@mail.ru

Киреева Галина Владимировна, главный библиограф Государственного учреждения «Национальная библиотека Беларуси» (220114, Минск, пр. Независимости, 116), e-mail: galwtkir@bk.ru

Kireeva Galina Vladimirovna, State Institution “National Library of Belarus” (116, Nezavisimosti av., Minsk, 220114, Belarus), e-mail: galwtkir@bk.ru

Иерей Иоанн Кудласевич, магистр богословия, аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (115035, Москва, ул. Пятницкая, 4/2, стр. 5), e-mail: o-001@tut.by; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5103-1777>

Ioann N. Kudlasevich, Priest, Master of theology, Saints Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies (4/2, bldg. 1, Pyatnitskaya str., 115035, Moscow), e-mail: o-001@tut.by

Опарина Татьяна Анатольевна, к.и.н., проф. кафедры всеобщей истории искусств. РАЖВиЗ Ильи Глазунова, Институт российской истории РАН, e-mail: t-a-opart@yandex.ru

Oparina Tatiana Anatolievna, PhD, Professor Russian Academy of Fine Arts; Institute of Russian history (Russian Academy of science), e-mail: t-a-opart@yandex.ru

Полякова Марта Александровна, кандидат исторических наук, профессор кафедры музеологии Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: martapolyak@yandex.ru

Polyakova Marta Aleksandrovna, PhD. (History), Professor of the Department of Museology, the Russian State University for the Humanities, e-mail: martapolyak@yandex.ru

Рычка Владимир Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Украины, НАН Украины (04001, Киев, ул. Грушевского, 4), e-mail: wolr@ukr.net

Rychka V.M., Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Chief Researcher of the Institute of History of Ukraine in the National Academy of Sciences of Ukraine (4, Grushevskogo str., Kiev, 04001), e-mail: wolr@ukr.net.

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, ул. Николаева, 8), e-mail: sevask@mail.ru

Sevastyanova Svetlana Klimentievna, Dr. Habil. in philology, associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Philology of Russian Academy of sciences Siberian branch (8, Nikolaiev str., Novosibirsk, 630090), e-mail: sevask@mail.ru

Титовец Елена Иосифовна, кандидат исторических наук, заведующая сектором книговедения отдела редких книг и рукописей Государственного учреждения «Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси» (220072, Минск, ул. Сурганова, 15), e-mail: titowiec@list.ru

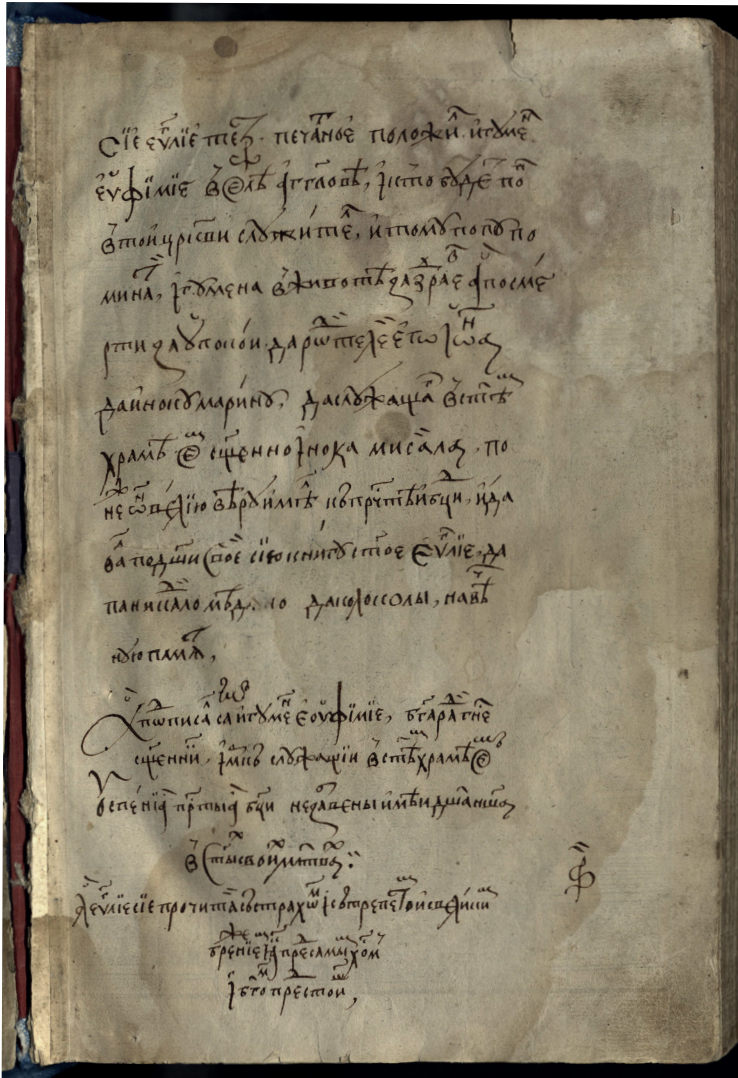
Titovets Elena Iosifovna, PhD in history studies, head of the book science sector of the department of rare books and manuscripts, The Yakub Kolas Central Science Library of the National Academy of Sciences of Belarus (15, Surganova str., Minsk, 220072), e-mail: titowiec@list.ru

Черненилова Лариса Михайловна, ведущий научный сотрудник Художественного отдела Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим» (143500, Московская обл., г. Истра, Ново-Иерусалимская наб, 1), e-mail: l.chernenilova@njerusalem.mail.ru

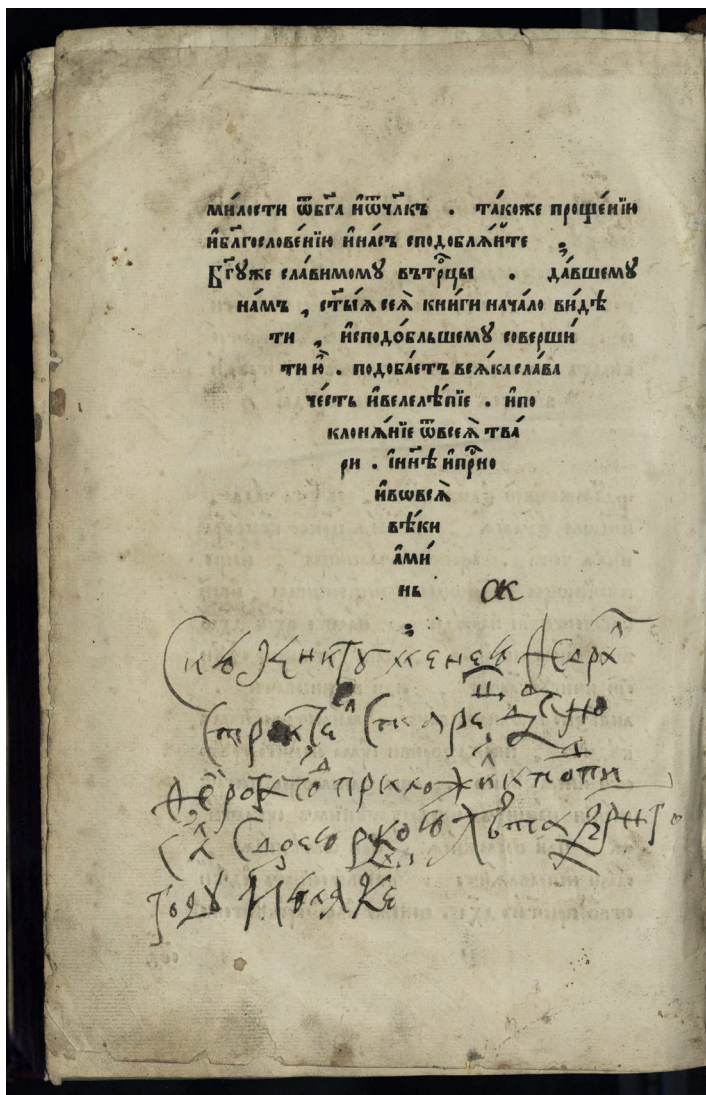
Chernenilova Larisa Mikhailovna, a leading scientist of fine art section in State Museum of History and Art “New Jerusalem” (1, New Jerusalem embankment, Istra, Moscow region, 143500), e-mail: l.chernenilova@njerusalem.mail.ru

Иллюстрации

Иллюстрации к статье Е.И. Титовец
 Каталог кириллических книг как источник изучения
 духовной культуры



1. Вкладная запись игумена Евфимия.
 Евангелие (Вильна, 1575).
 Центральная научная библиотека НАН Беларуси



2. Вкладная запись монаха Варсонофия Рогачёва.
 Минея служебная, февраль (Москва, 1622).
 Центральная научная библиотека
 НАН Беларуси

славу съгрѣшихъ, и неволю онъ сице рабпихъ.
 Рече бо къ немю, иже имъ емоу тогда Слудн
 Слдомъ, и како не имѣа разума довольна къ
 оуправленію ходожека егд безгрѣшнѣ, пощлал
 еа еси и смѣла еси ко шдо паче евоа Слмъ въ
 спріати бещъ; Ктѣ понднвмъ; ктѣ на нлѣм
 привлѣкалъ шклучаго и вѣганцаго; Но тѣм
 никогдаже ничпоже шнхъ оуслѣшиши; ии же
 бо еамъ имѣла еси Сицево чпо еѣт за грѣшнѣ;
 и вѣмъ еспъ явленно, ико ии же велико ии же
 мло шн потщлал еси чѣшн; но дрѣгнхъ
 блше исправленіе есе; И еже другимъ въ съгрѣ-
 шеніихъ не пощлаетъ имѣши прощеніе.

Сіе гѣтѣ мнѣ подѣ къ швѣтѣвннѣ;

ЗАЛТОУСТЫЙ.

Противъ еимъ азъ покнвѣхъ главою, и шкла
 пенхъ еа тнхо, поуднхъ же егд пропощѣ,
 и къ немю глахъ; Хощѣла бымъ и азъ смѣт
 тако бѣшн, икоже рѣка еси тѣмъ. Съ вѣхъ
 блжашнш; Не да въспріати могоу есе, егоже
 оубѣгохъ нѣт. Аще бо ии не дннѣ же мн предъ
 мжлаа бѣ мжла, икоже причнѣла, и не искоуенѣ
 прижачимъ ш стлѣтѣ хѣт; но мнѣ великаго
 томленія лютѣнше бмд бѣ, само то еже оу-
 вѣреннѣ

а.
 Ико не то-
 смочлщн
 еа на канѣ
 прнпннѣ но и
 по нужи нам
 прѣлѣамнѣ

Азарин
 Азарин

3. Полистная вкладная запись Симона Азарина.
 Иоанн Златоуст. Книга о священстве (Львов, 1614).
 Центральная научная библиотека НАН Беларуси

Иллюстрации к статье Н.А. Астафьевой
Надгробный покров преподобного Елеазара Анзерского.
К вопросу об атрибуции



1. Надгробный покров «Преподобный Елеазар Анзерский»,
последняя четверть XVIII в. МГОМЗ, инв. № Т-469



2. Фрагмент надгробного покрывала с лицевым изображением и шитьем. МГОМЗ, инв. № Т-469



4. Икона «Преподобный Елеазар Анзерский,
с видом обители»,
Середина XVIII в. СГИАПМЗ, инв. № Ж-36

Иллюстрации к статье В.В. Горшковой
Проект «Обретение»
Ярославского художественного музея



1. Иконы на чердаке Митрополичьих палат. Февраль 1977 г.



2. Воскресение с Сошествием во ад.
Вторая половина XVIII в.



3. Константин Иванов Смирнов (?)
Пророк Аарон. 1827 г.



4. Архидиакон Филипп. Начало XVIII в. Фрагмент.
Звезды и кружки на фоне – места шрапнели,
пробившей икону



*5. Реставраторы ЯО ЦГРМ.
Сидят: первый слева Н.В. Перцев, третий слева Н.И. Брягин.
Стоят: первый слева И.А. Тихомиров,
четвертый слева И.И. Князев.
Фото ок. 1929 г.*

Иллюстрации к статье М.А. Поляковой
«Хорошее понимание и разумная оценка остатков
старины»: Московское археологическое
общество и духовенство



1. А.С. Уваров. Фото начала 1880-х



2. К.Е. Маковский. Портрет П.С. Уваровой, 1882.
Масло



3. Архимандрит Леонид
Фото из изд.: Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие своего существования (1864–1914).
Т. II. М., 1915

Иллюстрации к статье Л.М. Чернениловой
Экспозиция «Особая кладовая»
в МВК «Новый Иерусалим».
Открытия в процессе создания



1. Евангелие напрестольное
Москва. Печатный двор. 1681
Оклад. Москва. 1680-е



2. Евангелие напрестольное
Москва. Синодальная типография, 1735.
Оклад. Москва, 1743



3. Митра
Россия. Первая треть XVIII в.



4. Тихвинская икона Богородицы в окладе
Москва. Середина XVII в. Цата. XIX в.



5. Икона «Христос Вседержитель на троне»
Москва. Середина XVII в.
Дерево, левкас, темпера



6. Оклад иконы «Христос Вседержитель на троне»
Москва. Середина XVII в.



7. Владимирская икона Богоматери в окладе
Москва. Первая половина XVII в.



8. Икона в окладе. Богоматерь «Гора Нерукосечная»
Москва. Первая половина XVII в.



9. Икона «Тайная вечеря»
Русский Север. Вторая половина XVIII в.



10. Икона «Преполовение»
Русский Север. Конец XVIII в.



11. Икона в окладе. «Преображение Господне с Успением Пресвятой Богородицы». Центральная Россия, XVII в.



12. Тарель
Западная Европа. Начало XVII в.



13. Блюдо
Аугсбург. Около 1600 г.



14. Блюдо
Нюрнберг. Начало XVIII в. (?)

Редактор Л.В. Широкова
Корректор Т.В. Смирнова

ISBN 978-5-94375-351-0



9 785943 753510

